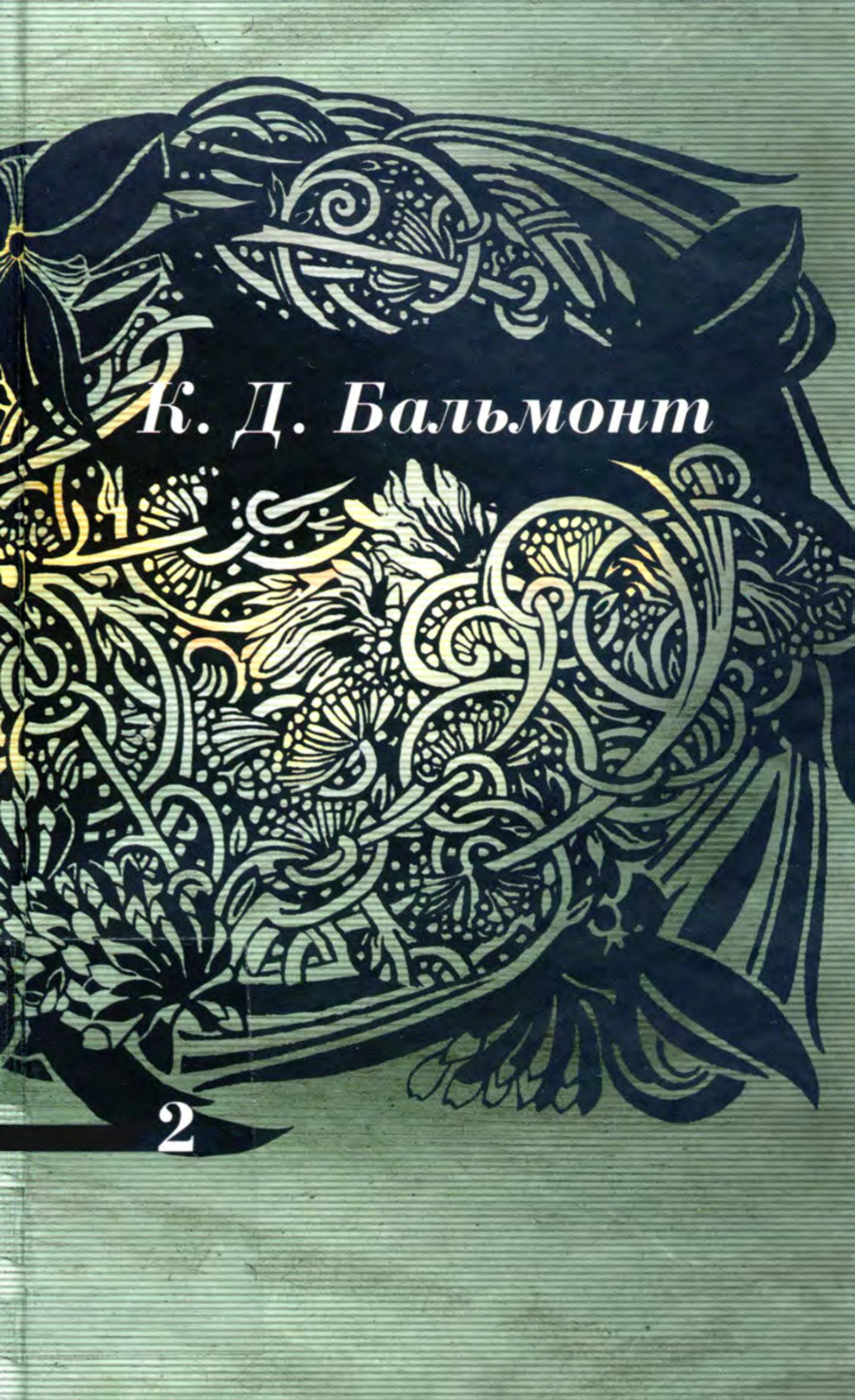

К. Д. Бальмонт
2

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений
в семи томах

Константин Дмитриевич

Бальмонт

Собрание сочинений

ТОМ 2

Полное собрание стихов

1909-1914

Книги IV-VII

Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б21

Оформление художника
Е. БЕРЕЗИНА

Бальмонт К. Д.

Б21 Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Полное собрание стихов 1909—1914: Кн. 4—7. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 480 с.

ISBN 978-5-904656-84-3 (т. 2)
ISBN 978-5-904656-82-9

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — русский поэт-символист и переводчик, виднейший представитель Серебряного века. Именно с него начался русский символизм.

Стихи Бальмонта удивительно музыкальны, недаром его называли «Паганини русского стиха». Его поэзия пронизана романтичностью, духовностью, красотой. Она свободна от условностей, любовь и жизнь воспеваются даже в такие страшные годы как 1905 или 1914.

Собрание сочинений Константина Дмитриевича — изысканная коллекция самых значительных и самых красивых творений метра русской поэзии, принесших ему российскую и мировую славу. Произведения, включенные в Собрание сочинений, дают самое полное представление о всех гранях творчества Бальмонта — волшебника слова.

Уникальными являются первые три тома — в них без сокращений воспроизведено «Полное собрание стихов К. Бальмонта в 10 томах», изданное в 1904—14 гг. В пятый и шестой тома вошли прозаические произведения Бальмонта, очерки, заметки, впечатления и мысли. Заключительный том Собрания сочинений включает в себя лучшие образцы его художественных — поэтических и прозаических — переводов.

Во второй том собрания вошли сборники стихов «Только любовь», «Литургия красоты», «Фейные сказки», «Злые чары» и «Жар-птица».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-904656-84-3 (т. 2)
ISBN 978-5-904656-82-9

Книга IV

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

Семицветник

ЦВЕТНЫЕ ТКАНИ

ГИМН СОЛНЦУ

1

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Страшный сжигающий Свет!
Дай мне — на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в Мире
Счастия нет!

2

О, как, должно быть, было это Утро
Единственно в величии своем,
Когда в рубинах, в неге перламутра,
Зажглось ты первым творческим лучом.

Над Хаосом, где каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвет,

Во всем была живая полносложность,
Все было «Да», не возникало «Нет».

В ликующем и пьяном Океане
Тьмы тем очей глубоких ты зажгло,
И не было нигде для счастья грани,
Любились все, так жадно и светло.

Действительность была равна с мечтою,
И так же близь была светла, как даль.
Чтоб песни трепетали красотою,
Не надо было в них влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нежило и чаровало взгляд,
Когда из перламутра и рубина
В то Утро ты соткало свой наряд.

Потом, вспоив столетья, миллионы
Горячих, огнецветных, страстных дней,
Ты жизнь вело чрез выси и уклоны,
Но в каждый взор вливало блеск огней.

И много раз лик Мира изменялся,
И много протекло могучих рек,
Но громко голос Солнца раздавался,
И песню крови слышал человек.

«О, дети Солнца, как они прекрасны!» —
Тот возглас перешел из уст в уста.
В те дни лобзанья вечно были страстны,
В лице красива каждая черта.

То в Мексике, где в таинствах жестоких
Цвели так страшно красные цветы, —
То в Индии, где в душах светлооких
Сложился блеск ума и красоты, —

То там, где Апис, весь согретый кровью,
Склонив чело, на нем являл звезду,

И, с ним любя бесстрашною любовью,
Лобзались люди в храмах, как в бреду, —

То между снов пластической Эллады,
Где Дионис царил и Аполлон, —
Везде ты лило блеск в людские взгляды,
И разум Мира в Солнце был влюблен.

Как не любить светило золотое,
Надежду запредельную Земли.
О, вечное, высокое, святое,
Созвучью нежных строк моих внемли!

3

Я все в тебе люблю. Ты нам даешь цветы,
Гвоздики алые, и губы роз, и маки,
Из безразличья темноты
Выводишь Мир, томившийся во мраке,
К красивой цельности отдельной красоты,
И в слитном Хаосе являются черты,
Во мгле, что пред тобой, вдруг дрогнув, подается,
Встают — они и мы, глядят — и я и ты,
Растет, поет, сверкает, и смеется,
Ликует празднично все то,
В чем луч горячей крови бьется,
Что ночью было как ничто.

Без Солнца были бы мы темными рабами,
Вне понимания, что есть лучистый день,
Но самоцветными камнями
Теперь мечты горят, нам зримы свет и тень.

Без Солнца облака — тяжелые, густые,
Недвижно-мрачные, как тягостный утес,
Но только ты взойдешь, — воздушно-золотое,
Она воздушней детских грез,
Нежней, чем мысли молодые.

Ты не взойдешь еще, а Мир уже поет,
Над соснами гудит звенящий ветер Мая,

И влагой синею поишь ты небосвод,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вот твой яркий диск на Небеса взошел,
Превыше вечных гор, горишь ты над богами,
И люди Солнце пьют, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глаз, привыкших видеть дол,
На Солнце лишь глядит орел,
Когда летит над облаками.

Но, не глядя на лик, что ослепляет всех,
Мы чувствуем тебя в громах, в немой былинке, —
Когда, желанный нам, услышим звонкий смех,
Когда увидим луч, средь чащи, на тропинке.

Мы чувствуем тебя в реке полночных звезд,
И в глыбах темных туч, разорванных грозою,
Когда меж них горит, манящей полосою,
Воздушный семицветный мост.

Тебя мы чувствуем во всем, в чем блеск алмазный,
В чем свет коралловый, жемчужный иль иной.
Без Солнца наша жизнь была б однообразной,
Теперь же мы живем мечтою вечно-разной,
Но более всего ласкаешь ты — весной.

4

Свежей весной
Всеозаряющее,
Нас опьяняющее
Цветом, лучом, новизной, —
Слабые стебли для жизни прямой укрепляющее, —
Ты, пребывающее
С ним, неизвестным, с тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое в радостно-грустном Апреле,
Когда на заре
Играют свирели,
Горячее в летней поре,
В палящем Июле,

Родящем зернистый и сочный прилив
В колосьях желтеющих нив,
Что в свете лучей утонули.
Ты жгучее в Африке, свет твой горит
Смертельно, в час полдня, вблизи Пирамид,
И в зыбях песчаных Сахары.
Ты страшное в нашей России лесной,
Когда, воспринявши палящий твой зной,
Рокочут лесные пожары.
Ты в отблесках мертвых, в пределах тех стран,
Где белою смертью одет Океан,
Что люди зовут Ледовитым, —
Где стелются версты и версты воды
И вечно звенят и ломаются льды,
Белея под ветром сердитым.
В Норвегии бледной — полночное ты;
Сияньем полярным глядишь с высоты,
Горишь в сочетаньях нежданных.
Ты тусклое там, где взрастают лишь мхи,
Цепляются в тундрах, глядят как грехи,
В краях для тебя нежеланных.
Но Солнцу и в тундрах предельности нет,
Они получают зловещий твой свет,
И, если есть черные страны,
Где люди в бреду и в виденьях весь год,
Там день есть меж днями, когда небосвод
Миг правды дает за обманы,
И тот, кто томился весь год без лучей,
В миг правды богаче избранников дней.

5

Я тебя воспеваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво и нежно пою,
И хоть струны Поэта звончей золотого червонца,
Я не в силах исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если б я родился не Певцом, истомленным тоскою,
Если б был я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсил бы берег жемчужиной — искрой морскою —
Но не знал бы я, сколько сокрыто их всех глубиной.

Если б я родился не стремящимся жадным Поэтом
Я расцвел бы как ландыш, как белый влюбленный цветок,
Но не знал бы я, сколько цветов раскрывается летом,
И душистые сны сосчитать я никак бы не мог.

Так, тебя воспевая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частию слышу ликующий жизненный смех,
Все люблю я в тебе, ты во всем и всегда — молодое,
Но сильнее всего то, что в жизни горишь ты — для всех.

6

Люблю в тебе, что ты, согрев Франциска,
Воспевшего тебя, как я пою,
Ласкаешь тем же светом василиска,
Лелеешь нежных птичек и змею.

Меняешь бесконечно сочетанья
Людей, зверей, планет, ночей, и дней,
И нас ведешь дорогами страданья,
Но нас ведешь к Бессмертию Огней.

Люблю, что тот же самый свет могучий,
Что нас ведет к немеркнущему Дню,
Струит дожди, порвавши сумрак тучи,
И приобщает нежных дев к огню.

Но, если, озаряя и целуя,
Касаешься ты мыслей, губ, и плеч,
В тебе всего сильнее то люблю я,
Что можешь ты своим сияньем — сжечь.

Ты явственно на стоны отвечаешь,
Что выбор есть меж сумраком и днем,
И ты невесту с пламенем венчаешь,
Когда в душе горишь своим огнем.

В тот яркий день, когда владыки Рима
В последний раз вступили в Карфаген,

Они на пире пламени и дыма
Разрушили оплот высоких стен, —

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекор победному врагу,
Взглянув на Солнце, про себя сказала:
«Еще теперь я победить могу!»

И, окружив себя людьми, конями,
Как на престол, взошедши на костер,
Она слилась с блестящими огнями,
И был триумф — несбывшийся позор.

И вспыхнуло не то же ли сиянье
Для двух, чья страсть была сильней, чем Мир,
В любовниках, чьи жаркие лобзанья
Через века почувствовал Шекспир.

Пленительна, как солнечная сила,
Та Клеопатра, с пламенем в крови,
Пленителен, пред этой Змейкой Нила,
Антоний, сжегший ум в огне любви.

Полубогам великого Заката
Ты вспыхнуло в веках пурпурным днем,
Как нам теперь, закатностью богато,
Сияешь алым красочным огнем.

Ты их сожгло. Но в светлой мгле забвенья
Земле сказало: «Снова жизнь готовь!» —
Над их могилой — легкий звон мгновенья,
Пылают маки, красные, как кровь.

И как в великой грезе Македонца
Царил над всей Землею ум один,
Так ты одно царишь над Миром, Солнце,
О, мировой закатный наш рубин!

И в этот час, когда я в нежном звоне
Слагаю песнь высокому Царю,
Ты жжешь костры в глубоком небосклоне,
И я светло, сжигая жизнь, горю!

7

О, Мироздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты в полногласной
Сказке прекрасной
Сделало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и Создатель,
Мудро сжигающий — Свет!
Рад я на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в Мире
Счастия нет!

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Свой мозг пронзил я солнечным лучом.
Гляжу на Мир. Не помню ни о чем.
Я вижу свет, и цветовой туман.
Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян.

Как луч горит на пальцах у меня!
Как сладко мне присутствие огня!
Смешалось все. Людское я забыл.
Я в мировом. Я в центре вечных сил.

Как радостно быть жарким и сверкать!
Как весело мгновения сжигать!
Со светлыми я светом говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

СИГУРД

Когда Сигурд отведал крови
Убитого Фафнира,

Весь Мир ему открылся внове,
Узнал он утро Мира.
Он увидал рожденье грома,
Проник в язык он птиц,
И все, что было так знакомо,
Оделось в блеске зарниц.

Певец, что был лицом прекрасен,
И был в словах разумен,
Узнал, как смысл явлений ясен,
Как хор их многошумен.
Он был избранником для пира, —
Прочь то, что нас гневит,
Он звал соперником Фафнира,
Соперник был убит.

Сигурд, Сигурд, ты был властитель,
Возлюбленный Судьбою,
Да будет славен победитель,
Ты взял добычу с бою.
Сигурд, Сигурд, ты звался Чудом,
Ты смело в Мире шел,
Ты видел Землю изумрудом,
И пел тебе орел.

«Возьми», он пел напевом властным,
«Запястья золотые,
В них день горит, с отливом красным,
В них звезды молодые.
Налей свой кубок, в блеске пира,
Забудь, что было встарь,
Тебе открыто утро Мира,
И ты в том Мире — Царь».

ЧТО МНЕ НРАВИТСЯ

Что мне больше нравится в безднах мировых,
И кого отметил я между всех живых?

Альбатроса, коршуна, тигра, и коня,
Жаворонка, бабочку, и цветы огня.

Альбатрос мне нравится тем, что он крылат,
Тем, что он врезается в грозовой раскат.

В коршуне мне нравится то, что он могуч,
И, как камень, падает из высоких туч.

В тигре то, что с яростью мягкость сочетая,
И не знал раскаянья, Бога не видал.

И в других желанно мне то, что — их вполне,
Нравятся отдельностью все созданья мне.

Жаворонок — пением, быстротою — конь,
Бабочка — воздушностью, красотой — огонь.

Да, огонь красивее всех иных живых,
В искрах — ликование духов мировых.

И крылат и властен он, в быстроте могуч,
И поет дождями он из громовых туч.

По земле он ластится, жаждет высоты,
В красные слагается страстные цветы.

Да, огон красивее между всех живых,
В искрах ликование духов мировых.

В пламени ликующем — самый яркий цвет.
В жизни — смерть, и в смерти — жизнь.
Всем живым — привет!

МОИ ЗВЕРИ

Мой зверь — не лев, излюбленный толпою,
Мне кажется, что он лишь крупный пес.
Нет, желтый тигр, с бесшумною стопою
Во мне рождает больше странных грез.

И символ Вакха, — быстрый, сладострастный,
Как бы из стали, меткий леопард,
Он весь — как гений вымысла прекрасный,
Отец легенд, зверь-бог, колдун и бард.

Еще люблю я черную пантеру,
Когда она глядит перед собой
В какую-то внежизненную сферу,
Как страшный Сфинкс в пустыне голубой.

Но, если от Азийских, Африканских
Святых пустынь мечту я оторву,
Средь наших дней, и плоских, и мещанских,
Моей желанной — кошку назову.

Она в себе, в изящной миньятюре,
Соединила этих трех зверей.
Есть искры у нее в лоснистой шкуре,
У ней в крови — бродячий хмель страстей.

Она проходит в комнатах бесшумно,
Всегда свою преследуя мечту,
Влюбляется внезапно и безумно,
И любит ведьм и любит темноту.

В ее зрачках — непознанная чара,
В них фосфор и круги нездешних сфер,
Она пленила страшного Эдгара,
Ей был пленен трагический Бодлэр.

Два гения, влюбленные в мечтанья,
Мои два брата в бездне мировой,
Где вам даны безмерные страданья
И беспредельность музыки живой.

ЖАР-ПТИЦА

То, что люди называли по наивности любовью,
То, чего они искали, мир не раз окрасив кровью,

Эту чудную Жар-Птицу я в руках своих держу,
Как поймать ее, я знаю, но другим не расскажу.

Что другие, что мне люди! Пусть они идут по краю,
Я за край взглянуть умею и свою бездонность знаю.
То, что в пропастях и безднах, мне известно навсегда,
Мне смеется там блаженство, где другим грозит беда.

День мой ярче дня земного, ночь моя не ночь людская,
Мысль моя дрожит безбрежно, в запредельность убегая.
И меня поймут лишь души, что похожи на меня,
Люди с волей, люди с кровью, духи страсти и огня!

УЗЕЛ

Я нити завязал могучего узла, —
Добро и Красоту, Любовь и Силу Зла,
Спасение и Грех, Изменчивость и Вечность
В мою блестящую включил я быстротечность.

Он мой, безумный миг слияния — всего,
Ничто не ускользнет от взора моего.
Когда же я сотру весь яркий цвет мгновенья,
К себе я кликну Смерть, и с ней придет Забвенье.

ЗВЕЗДНЫЙ ХОРОВОД

Я заглянул во столько глаз,
Что позабыл я навсегда,
Когда любил я в первый раз,
И не любил — когда?

Как тот Севильский Дон Жуан,
Я Вечный Жид, минутный муж.
Я знаю сказки многих стран
И тайну многих душ.

Мгновенья нежной красоты
Соткал я в звездный хоровод.

Но неисчерпанность мечты
Меня зовет — вперед.

Что было раз, то было раз,
Душе любить запрета нет.
Хочу я блеска новых глаз,
Непознанных планет.

Волненье сладостной тоски
Меня уносит вновь и вновь.
И я всегда гляжу в зрачки,
Чтоб в них читать — любовь.

ЗЫБИ ЗРАЧКОВ

Когда на меня напряженно глядят
Безмолвные сотни зрачков,
И каждый блестящий мерцающий взгляд
Хранит многозыблемость слов, —

Когда я стою пред немою толпой
И смело пред ней говорю, —
Мне чудится, будто во мгле голубой,
Во мгле голубой я горю.

Дрожит в углубленной лазури звезда,
Лучи устремив с вышины,
Ответною чарой играет вода,
Неверная зыбь глубины.

Как много дробящихся волн предо мной,
Как зыбки мерцания снов,
И дух мой к волнам убегает волной,
В безмолвное море зрачков.

ПЕСОК

Ровный, плоский, одноцветный,
Безглагольный, беспредметный,

Солнцем выжженный песок
Был когда-то в безднах Моря,
И над ним, о силе споря,
Шквал со шквалом биться мог.

И чудовища морские,
Меж стихий морских стихия,
С зыбким праздником в крови,
В неземной глубинной дали,
Трепетали, сочетали
Узы грузные любви.

Но над царством тем зеленым,
Миллион за миллионом,
Минул ток текучих лет.
И чудовища устали
Трепетать в глубинной дали,
И любви их больше нет.

И другая даль, немая,
В беспредельность убегая,
Молча свой проводит срок.
Спит — не спит в безвестной чаре,
В утомительной Сахаре,
Нескончаемый песок.

ВОРОЖБА

В час полночный, в чаще леса, под ущербною Луной,
Там, где лапчатые ели перемешаны с сосной,
Я задумал, что случится в близком будущем со мной.

Это было после жарких, после полных страсти дней,
Счастье сжег я, но не знал я, не зажгу ль еще сильней,
Это было — это было в Ночь Ивановых Огней.

Я нашел в лесу поляну, где скликалось много сов,
Там для смелых были слышны звуки странных голосов,
Точно стоны убиенных, точно пленных к вольным зов.

Очертив кругом заветный охранительный узор,
Я развел на той поляне дымно-блещущий костер,
И взирал я, обращал я на огни упорный взор.

Красным ветром, желтым вихрем, предо мной возник огонь.
Чу! в лесу невнятный шопот, дальний топот, мчится конь.
Ведьма пламени, являйся, но меня в кругу не тронь!

Кто ж там скачет? Кто там плачет? Гулкий шум в лесу сильней.
Кто там стонет? Кто хоронит память бывших мертвых дней?
Ведьма пламеня, явись мне в Ночь Ивановых Огней!

И в костре возникла Ведьма, в ней и страх и красота,
Длинны волосы седые, но огнем горят уста,
Хоть седая — молодая, красной тканью обвита.

Странно мне знаком злорадный жадный блеск зеленых глаз,
Ты не в первый раз со мною, хоть и в первый — так зажглась,
Хоть впервые так тебя я вижу в этот мертвый час.

Не с тобой ли я подумал, что любовь — бессмертный Рай?
Не тебе ли повторял я: «О, гори и не сгорай»?
Не с тобой ли сжег я Утро, сжег свой Полдень, сжег свой Май?

Не с тобою ли узнал я, как сознанье пьют уста,
Как душа в любви седеет, холодеет красота,
Как душа, что так любила, та же все — и вот не та?

О, знаком мне твой влюбленный блеск зеленых жадных глаз,
Жизнь любовью и враждою навсегда сковала нас,
Но скажи мне, что со мною будет в самый близкий час?

Ведьма пламени качнулась, и сильней блеснул костер,
Тени дружно заплясали, от костра идя в простор,
И змеиной красотою заиграл отливный взор.

И на пламя показала Ведьма огненная мне,
Вдруг увидел я так ясно, — как бывает в вещем сне, —
Что возникли чьи-то лики в каждой красной головне.

Каждый лик — мечта былая, то, что знал я, то, чем был,
Каждый лик — сестра, с которой в брак святой — душой —
вступил,
Перед тем как я с проклятой обниматься полюбил.

Кровью каждая горела предо мною головня,
Догорела и истлела, почернела для меня,
Как безжизненное тело в пасти дымного огня.

Ведьма ярче разгорелась, та же все — и вот не та,
Что-то вместе мы убили, как рубин — ее уста,
Как расплавленным рубином, красной тканью обвита.

Красным ветром, алым вихрем, закрутилась над путем,
Искры с свистом уронила ослепительным дождем,
Обожгла и опьянила и исчезла... Что потом?

На глухой лесной поляне я один среди стволов,
Слышу вздохи, слышу ропот, звуки дальних голосов,
Точно шопот убиенных, точно пленных тихий зов.

Вот что было, что узнал я, что случилося со мной
Там, где лапы темных елей перемешаны с сосной,
В час полночный, в час зловещий, под ущербною Луной.

ДЬЯВОЛ МОРЯ

Есть рыба — Дьявол Моря,
Она мала на взгляд.
Но в ней, с тобою споря,
Таится смертный яд.

Она — морское чудо.
Лови в морях, живой,
И рыб бери оттуда,
Но бойся рыбы той.

Когда она ужалит
        Чуть зримым острием,
Твой челн туда причалит,
        Где все, в свой час, уснем.

Живой — и смертный телом,
        С душой — где бьют моря,
Иди к своим пределам,
        В тебе горит заря.

В тебе так много дивных
        Сокровищ, трав, и рыб.
Но там, в морях призывных,
        Запретный есть изгиб.

И в чем изгиб случайный,
        То каждый знает сам,
Но он смертельной тайной
        Грозит всечасно нам.

И нам нельзя коснуться
        Немого острия,
Иначе вдруг проснутся
        Все пытки бытия.

Смертельно опечален,
        Навеки сам не свой,
Зачахнешь ты, ужален
        Душою, не змеей, —

Зубцом жестоким чуда,
        Что хочет быть на дне.
Не все поймешь отсюда,
        Что скрыто в глубине.

Живи — с душой не споря,
        Не все ты трогай в ней.
Есть рыба Дьявол Моря
        В морях души твоей!

КОЛДУНЬЯ

She who must be obeyed.
R. Haggard[1]

— Колдунья, мне странно так видеть тебя.
Мне люди твердили, что ты
Живешь — беспощадно живое губя,
Что старые страшны черты:
Ты смотришь так нежно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты. —

«Кто так говорил, может, был он и прав:
Жила я не годы, — всегда.
И много безумцев, свой ум потеряв,
Узнали все пытки, — о, да!
Но я как цветок расцветаю меж трав,
И я навсегда — молода».

— Колдунья, Колдунья, твой взор так глубок,
Я вижу столетья в зрачках.
Но ты мне желанна. Твой зыбкий намек
В душе пробуждает не страх.
Дай счастье с тобой хоть на малый мне срок,
А там — пусть терзаюсь в веках. —

«Вот это откроет блаженство для нас,
Такие слова я люблю.
И если ты будешь бессмертным в наш час,
Я счастие ваше продлю.
Но, если увижу, что взор твой погас,
Я тотчас тебя утоплю».

Я слился с Колдуньей, всегда-молодой,
С ней счастлив был счастьем богов.
Часы ли, века ли прошли чередой?
Не знаю, я в бездне был снов.
Но как рассказать мне о сладости той?
Не в силах. Нет власти. Нет слов.

---

[1] Та, что должна быть послушной. *Р. Хаггард* (*англ.*).

— Колдунья, Колдунья, ты ярко-светла,
Но видишь, я светел, как ты.
Мне ведомы таинства Блага и Зла,
Не знаю лишь тайн Красоты.
Скажи мне, как ткани свои ты сплела,
И как ты зажгла в них цветы? —

Колдунья взглянула так страшно-светло.
«Гляди в этот полный стакан».
И что-то как будто пред нами прошло,
Прозрачный и быстрый туман.
Вино золотое картины зажгло,
Правдивый возник в нем обман.

Как в зеркале мертвом, в стакане вина
Возник упоительный зал.
Колдунья была в нем так четко видна,
На ткани весь мир оживал.
Сидела она за станком у окна,
Узор за узором вставал.

Не знаю, что было мне страшного в том,
Но только я вдруг побледнел.
И страшно хотелось войти мне в тот дом,
Где зал этот пышный блестел.
И быть как Колдунья, за странным станком,
И тот же изведать удел.

Узор за узором живой Красоты
Менялся все снова и вновь.
Слагались, горели, качались цветы,
Был страх в них, была в них любовь.
И между мгновеньями в ткань с высоты
Пурпурная падала кровь.

И вдруг я увидел в том светлом вине,
Что в зале ковры по стенам.
Они изменялись, почудилось мне,
Подобно причудливым снам.

И жизнь всем владела на левой стене,
Мир справа был дан мертвецам.

Но что это, что там за сон бытия?
Войною захваченный стан.
Я думал, и мысль задрожала моя,
Рой смертных был Гибели дан.
Там были и звери, и люди, и я! —
И я опрокинул стакан.

Что сделал потом я? Что думал тогда?
Что было, что стало со мной?
Об этом не знать никому никогда
Во всей этой жизни земной.
Колдунья, как прежде, всегда — молода.
И разум мой — вечно с весной.

Колдунья, Колдунья, раскрыл твой обман
Мне страшную тайну твою.
И красные ткани средь призрачных стран
Сплетая, узоры я вью.
И весело полный шипящий стакан
За жизнь, за Колдунью я пью!

ОЧЕРТАНИЯ СНОВ

Long lines of light...
Shelley[1]

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мне хочется снова дрожаний качели,
В той липовой роще, в деревне родной,
Где утром фиалки во мгле голубели,
Где мысли робели так странно весной.

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
Быть снова ребенком, хотя бы в другом,
Но только б упиться бездонным, безбрежным,
В раю белоснежном, в раю голубом.

И, если любил я безумные ласки,
Я к ним остываю, совсем, навсегда,
Мне нравится вечер, и детские глазки,
И тихие сказки, и снова звезда.

РАННИМ УТРОМ

Ранним утром я видал,
Как белеют маргаритки.
Я видал, меж тяжких скал,
Золотые слитки.

В раннем детстве я любил
Тихий зал и шум на воле,
Полночь в безднах из светил,
И росинки в поле.

---

[1] Длинные линии света. *Шелли* (*англ.*).

В раннем детстве я проник
В тишь планет и в здешний ропот,
Я люблю — безумный крик,
И нежнейший шопот.

ПРЕДДВЕРЬЯ

Зачем мы торопимся к яркости чувства,
В которой всех красок роскошный закат?
Помедлим немного в преддверьях Искусства,
И мягким рассветом насытим наш взгляд.

Есть много прозрачных воздушных мечтаний
В начальных исканьях наивной души,
Есть много пловучих, как сон, очертаний
В предутренних тучках, в безвестной глуши.

Есть свежесть и тайна в младенческих взорах,
Там новые звезды в рожденьи своем,
Слагаются там откровенья, в которых
Мы, прежние, утренней жизнью живем.

И много стыдливости, розовой, зыбкой,
В девическом лике, не знавшем страстей,
С его полустертой смущенной улыбкой,
Без знания жизни, судьбы, и людей.

О, много есть чар в нерасцветших растеньях,
Что нам расцветут, через час, через миг.
Помедлим лелейно в своих наслажденьях, —
В истоках прозрачных так нежен родник.

ПОДО ЛЬДОМ

Над окованной льдом глубиной я иду,
И гляжу, и скольжу я на льду.
Лучезарна поверхность холодного льда,
Но темна подо льдами вода.

Там в студеных садах, в тишине темноты,
Цепенея, белеют цветы.
Дотянулся до льда несвободный цветок,
Но на воздух он выйти не мог.

И в душе у меня хорошо и светло,
Что-то к сердцу от сердца дошло.
О, лелейный цветок, ты дождешься весны,
Подожди в тишине глубины.

Если даже теперь и пронзил бы ты лед,
Этот воздух расцвет твой убьет.
О, прекрасный цветок, подожди до весны,
Ты увидишь все лучшие сны.

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

От детских дней одна черта пленила
Мои мечты, в чьих зыбях таял сон,
В глаза печальный отблеск заронила,
В мой ум вошла как дальний тихий звон.

Мне снился грустный ангел, белоснежный,
С улыбкой сожаления в глазах,
Я с ним дышал одной печалью нежной,
Я видел бледный Рай в его слезах.

Он мне являлся в разные мгновенья,
И свет храню я этих беглых встреч.
Есть проблески, которым нет забвенья,
Есть взгляд без слов, его не молкнет речь.

Любил — еще люблю я — неземное,
Ум сердца — луч холодному уму,
Я верю в Небо, синее, родное,
Где ясно все неясное пойму.

С небесным я душой не разлучаюсь,
И, встретив чей-нибудь глубокий взор,
Я с ним, я с Белым Ангелом встречаюсь,
Таинственным и близким с давних пор.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ В МОСКВЕ

Благовещенье и свет,
Вербы забелели.
Или точно горя нет,
Право, в самом деле?

Благовестие и смех,
Закраснелись почки.
И на улицах, у всех
Синие цветочки.

Сколько синеньких цветков.
Отнятых у снега.
Снова мир и свеж и нов,
И повсюду нега.

Вижу старую Москву
В молодом уборе.
Я смеюсь и я живу,
Солнце в каждом взоре.

От старинного Кремля
Звон плывет волною.
А во рвах живет земля
Молодой травою.

В чуть пробившейся траве
Сон весны и лета.
Благовещенье в Москве,
Это праздник света!

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: Плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

ЕСТЬ ЛЮДИ...

Есть люди: мысли их и жесты
До оскорбительности ясны.
Есть люди: их мечты — как тихие невесты,
Они непознанно-прекрасны.

Есть люди — с голосом противным,
Как резкий жесткий крик шакала.
Есть люди — с голосом глубоким и призывным,
В котором Вечность задремала.

О, жалок тот, кто носит крики
В своей душе, всегда смущенной.
Блажен, с кем говорят негаснущие лики,
Его душа — как лебедь сонный.

ГОЛУБАЯ РОЗА

Фирвальдштетское озеро — Роза Ветров.
Под ветрами колышутся семь лепестков.
Эта роза сложилась меж царственных гор
В изумрудно-лазурный узор.

Широки лепестки из блистающих вод,
Голубая мечта, в них качаясь, живет.
Под ветрами встает цветовая игра,
Принимая налет серебра.

Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы никто никогда не сорвет.
В водяной лепесток — лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой.

Горы встали кругом, в снеге рады цветам,
Юной Девой одна называется там.
С этой Девой далекой ты слита Судьбой,
Роза-влага, цветок голубой.

Вы давно замечтались о горной весне,
Ваша мысль — в голубом, ваша жизнь — в белизне.
Дева белых снегов, голубых ледников,
Как идет к тебе Роза Ветров!

МЕРРЕКЮЛЬ

Ветры тихие безмолвны.
Отчего же плещут волны,
И несутся в перебой?
Им бы нужно в час вечерний
Биться, литься равномерней,
А меж тем растет прибой.

Отчего же? — Там далеко,
В безднах бледного Востока,
Светит пышная Луна.
А направо, точно лава,
Солнце светит величаво,
И под ним кипит волна.

В миг предсмертный, в час заката,
Солнце красное богато
Поразительным огнем.
Но волна в волну плеснула,
И, признав Луну, шепнула:
«Мы теперь сильней, чем днем».

И меж тем как факел красный,
В отдаленности неясной,
Будет тлеть и догорать,
Лик Луны, во мгле безбрежной,
Будет, властный, будет, нежный,
Над волнами колдовать.

КОРОМЫСЛО

Коромысло, коромысло,
С нежными крылами,
Как оно легко повисло
В воздухе над нами.

Прилетает, улетает,
В ласковой лазури.
Для него она рождает
Блески, а не бури.

Коромысло, коромысло,
Почему мы пленны?
Если б знать, какие числа
Для тебя священны.

Наши числа приковали
Нас к земле угрюмой,
И в просторах вольной дали
Мы скользим лишь думой.

Но и в думах мало смысла,
Тяжесть в них земная.
Ты же грезишь, коромысло,
В воздухе летая.

ЛЕСНАЯ ЛИЛИЯ

Сонет

Над гладью зеркальной лесного затона,
Вся белая, лилия дремлет одна.
Мерцает во мгле, а с высот небосклона
К ней сходит в сияньи Луны тишина.

И лилия жаждет небесного сна.
Не зная ни жалоб, ни вздоха, ни стона,
Безбольно мечтает и любит она,
Над влагой глубокой ночного затона.

Безмолвно белеет, и вот в полусне
Ей видится небо, простор бесконечный,
Там ангел с невестой идет в вышине.

Ковер облачков расстилается млечный,
И лилия дышит в воздушном огне.
Как льнет к ней, идет к ней наряд подвенечный!

СНЕЖИНКА

Светло-пушистая,
    Снежинка белая,
Какая чистая,
    Какая смелая!

Дорогой бурною
    Легко проносится,
Не в высь лазурную,
    На землю просится.

Лазурь чудесную
    Она покинула,
Себя в безвестную
    Страну низринула.

В лучах блистающих
    Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
    Сохранно-белая.

Под ветром веющим
    Дрожит, взметается,
На нем, лелеющем,
    Светло качается.

Его качелями
    Она утешена,
С его метелями
    Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальная,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

РУЧЕЕК

Ручеечек, ручеек,
Ты как ниточка идешь.
Под тобой блестит песок,
Весел ты, хоть неглубок,
Ручеечек, ручеек,
Ты уходишь и поешь.

Словно девушка-дитя,
В малом зеркальце твоем,
Кудри в косы заплетя,
Травка смотрится, блестя,
С ней журчанием шутя,
Ты идешь своим путем.

Вьются пчелы меж стеблей,
Прогудит мохнатый шмель.
Ты бежишь скорей, скорей,
Вдруг неволя — средь камней,
Вспенясь, звонче, веселей,
Зажурчишь ты: «Мель, мель, мель!»

Нет, не смогут голыши
В мель сложиться ручейку.
В травяной, в лесной глуши,
Он, исполненный души,
Сам себе поет: «Спеши!»
И змеится по песку.

Может, он впадет в реку,
    С ней до Моря дотечет,
Будет льнуть там к челноку.
Может, он в своем леску
Будет течь под крик: «Ку-ку»,
    Что кукушка людям шлет.

Может, к мельнице придет,
    Но уж ниточку свою
Он до цели доведет,
Он не медлит, он не ждет,
К колесу, блеснув, польет,
    Закрутит свою струю.

Неширок ты, ручеек,
    Неглубок ты, — ну так что ж!
Всем — свой разум, всем — свой срок,
Ты прекрасен был, чем мог.
Ручеечек, ручеек,
    Ты бежишь и ты поешь.

БОЖЬЯ НЕВЕСТА

Розе дремлется, не спится,
    Серебрится в ней роса,
С Неба дальнего струится
    Первых блесков полоса.

Тем сияньем перевита,
    В круглый храм свой — луч приняв,
Капля влаги, с Небом слита,
    Розу нежит между трав.

Капля ласковая блещет,
    Переливна в ней игра,
В ней дрожание трепещет
    Бриллиантов, серебра.

В час рассвета розе алой
    Быть прекрасною дано,

Для невесты каплей малой
Ожерелье сплетено.

И она под взором Бога
Розовеет, как мечта.
Вся небесная дорога
Блеском Солнца залита.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был веселый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Легкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под Луной,
Точно вырезные,
Опьяненные Весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели ее
Музыканты бала,
Но от рыбки, от нее,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнет, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздается.
И в сердцах Любовь журчит,
И Весна смеется.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко.
Оттого, что там в пруду —
Золотая рыбка.

ЛИНИИ СВЕТА

Длинные линии света
Ласковой дальней Луны.
Дымкою Море одето.
Дымка — рожденье волны.

Волны, лелея, сплетают
Светлые пряди руна.
Хлопья плывут — и растают,
Новая встанет волна.

Новую линию блеска
Вытянет ласка Луны.
Сказка сверканий и плеска
Зыбью дойдет с глубины.

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство Небом дается,
Слитность — зеркальностью вод.

Есть полногласность ответа,
Только желай и зови.
Длинные линии света
Тянутся к нам от Любви.

МГНОВЕНЬЯ СЛИЯНИЯ

And was not this enough?
They met, they parted.
Shelley[1]

КАК ПРИЗРАК

Я прихожу как призрак, я ухожу как тень,
Я полон тайн как вечер, я весь огонь как день.

Ты мне была желанна всего один лишь миг,
Но вдруг воскрес — так странно — в моей душе твой лик.

Я был тобою счастлив, ты мне была близка,
Мы были вне пределов, мы были два цветка.

И ты едва ли знала, что ты была моей,
А мне шептали мысли: «О, как ты счастлив с ней!»

Твой дух светло-прозрачный весь погружен был в сон,
А мой, нежней, смелее, был в этот сон влюблен.

Я твой опять, бесплотно. Смотри, как нежен день.
Я вновь пришел как призрак. Я вновь уйду как тень.

ИЗ-ПОДО ЛЬДА

Быть может, не было у нас
Весны воздушно-молодой,
Когда полдневный светит час
Над просветленною водой.

---

[1] Иль было мало им?
Встретились и расстались. *Шелли* (*англ.*)

Весна пленительно-нежна
Для двух влюбленно-молодых,
Когда себе поет она
Лесной протяжный слитный стих.

Мы жили розно в те года,
Мы были розно и потом.
Но никогда, о, никогда
Цветок не стынет подо льдом.

Он ждет, под бледной чарой сна,
Чтоб, совершив круговорот,
И для него пришла весна,
И для него раскрылся год.

Он ждет, в признательной мечте,
Чтоб лед разрушился звеня,
И чтоб запели в высоте
Созвучья песен и огня.

Смотри, смотри: Идет весна,
Нам светит Солнце с высоты.
Ты мне навеки предана,
Я твой навеки. Мы — цветы.

ЛУННАЯ СОНАТА

1

Моя душа озарена
        И Солнцем и Луной,
Но днем в ней дышит тишина.
        А ночью рдеет зной.

И странно так, и странно так,
        Что Солнце холодит.
И учит ласкам полумрак,
        И страсть во тьме горит.

Сверкая, ширятся зрачки,
И льнут уста к устам.
За радость сладостной тоски
Я все, о, все предам.

А глянет Солнце, я опять
И холоден и тих,
Чтоб ночью снова повторять
Влюбленный в ласки стих.

Моя душа увлечена
Не Солнцем, а Луной.
Побудь во мгле, и будь нежна,
Ты все поймешь со мной.

2

Лунным лучом и любовью слиянные,
Бледные, страстные, нежные, странные,
Оба мы замерли, счастием скованы,
Сладостным, радостным сном зачарованы.

В Небе — видения облачной млечности,
Тайное пение — в сердце и в Вечности,
Там, в бесконечности — свет обаяния,
Праздник влияния правды слияния.

Это Луна ли, с покровами белыми,
Быть нам велела влюбленными, смелыми?
Мы ли, сердцами влюбленными нашими,
Небо наполнили пирными чашами?

Чашами радости, светлыми, пирными,
Лунною сказкой, цветами всемирными,
Сердцу лишь слышными звонкими струями,
Блеском зрачков, красотой, поцелуями.

Как я узнаю и как я разведаю?
Знаю, что счастлив я нежной победою,
Знаю, ты счастлива мною, желанная,
Вольной Луною со мною венчанная.

3

О, миг пленительный, когда всемирно дышит
Невозмутимая лесная тишина,
И мы с тобой вдвоем, и сердце, дрогнув, слышит,
Как льет тебе и мне свой нежный свет Луна.

Успокоительно белея над холмами,
Рождает свежестью росу для трав лесных,
Глядит, бесстрастная, и ворожит над нами,
Внушая мысли нам, певучие как стих.

Мы зачарованы, мы, нежно холодея,
Друг с другом говорим воздушностью мечты,
Лелея тишину, и, чуткие, не смея
Нарушить ласкою безгласность красоты.

4

Вечерний час потух. И тень растет все шире.
Но сказкой в нас возник иной неясный свет,
Мне чудится, что мы с тобою в звездном мире,
Что мы среди немых загрезивших планет.

Я так тебя люблю. Но в этот час предлунный,
Когда предчувствием волнуется волна,
Моя любовь растет, как рокот многострунный,
Как многопевная морская глубина.

Мир отодвинулся. Над нами дышит Вечность.
Морская ширь живет влиянием Луны,
Я твой, моя любовь — бездонность, бесконечность,
Мы от всего с тобой светло отделены.

УТРО

На вершине горной коршун прокричал,
Ветер этот возглас до меня домчал,
Я рассвет весенний не один встречал.

Солнце протянуло острые лучи,
И они зардели, ярко-горячи,
И от них запели горные ключи.

О, как много силы и любви вокруг,
О, как нежно млеет этот горный луг,
Я с тобой душою, мой далекий друг.

Я гляжу в долину с горной высоты,
В мыслях, полных страсти, расцвели цветы,
В этом мире — Солнце, в этом сердце — ты.

ЖЕМЧУГ

1

Нежный жемчуг, Маргарита, —
Как поют в испанских песнях, —
Пели ангелы на Небе
В день рожденья твоего.

Пели ангелы и птицы,
И цвели в садах гвоздики,
Распускались, раскрывались
В блеске Солнца чаши роз.

Оттого лицом красивым
Ты на ангелов похожа,
И уста твои гвоздики,
Нежный голос — пенье птиц.

И мечтанья — светлый жемчуг,
Оттененный розой алой,
И глаза твои — как Небо,
Где бездонна глубина.

2

Мне радостно видеть, что в сердце моем
Есть нежность без жадных желаний,

Что в эту минуту, когда мы, вдвоем,
Как будто безгласную песню поем,
Так тихо в восторженном сердце моем,
Так много немых обаяний.

Ты светлая радость воздушного сна,
Восторг, но восторг не влюбленный,
Ты мне на мгновенье, как сказка, дана,
О, как ты спокойна, как стройно-нежна,
Минута, и вот убегает волна,
И я ухожу просветленный.

3

Паутинка сентябрьского дня,
Ты так нежно пленяешь меня.
Как живешь ты, под Солнцем блистая,
Как ты светишься — вся золотая!

Паутинка сентябрьского дня,
Ты блестишь далеко от меня.
Но со мной ты на выжатом поле,
Ты со мною — под Солнцем, на воле.

4

Я хотел бы дышать белоснежным цветком,
Но в душе лепестки раскрываются алые.
О, мой друг, я с твоей белизной незнаком.
Я мерцаю раскрытым и страстным цветком.
Я люблю упоенья любви, запоздалые.
И в душе у меня, еле слышно звеня,
Сквозь восторг раздаются упреки усталые.

К ЕЛЕНЕ

О, Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных Луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
Но во тьме ты мерцаешь как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я твой раб, я твой брат, и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи: —
С красотою красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова: —
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем Луна.

Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О, Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

ПЕСНЯ АРАБА

Есть странная песня араба, чье имя — ничто.
Мне сладко, что этот поэт меж людей неизвестен.
Не каждый из нас так правдив и спокоен и честен,
Нам хочется жить — ну, хоть тысячу лет, ну, хоть сто.

А он, сладкозвучный, одну только песню пропел,
И, выразив тайно свою одинокую душу,
Как вал Океана, домчался на бледную сушу,
И умер как пена, в иной удаляясь предел.

Он пел: «Я любил красоту. А любила ль она,
О том никогда я не знал, никогда не узнаю.
За первою встречей к иному умчался я краю,
Так Небо хотело и так повелела Луна.

Прекрасная дева на лютне играла, как дух,
Прекрасная дева смотрела глазами газели.
Ни слова друг другу мы с нею сказать не успели,
Но слышало сердце, как был зачарован мои слух.

И взгляд мой унес отраженье блистающих глаз.
Я прожил пять лет близ мечетей Валата-Могита.
Но сердцем владычица дум не была позабыта.
И волей созвездий второй мы увиделись раз.

Я встретил другую. Я должен спросить был тогда,
Она ли вот эта. Все ж сердце ее разглядело.
И счастлив я был бы, когда бы она захотела.
Но, слова не молвив, она отошла навсегда.

Мне не в чем ее упрекнуть. Мы не встретимся вновь.
Но мне никогда обещанья она не давала.
Она не лгала мне. Так разве же это так мало?
Я счастлив. Я счастлив. Я знал, что такое любовь!»

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЦВЕТОК

Любовь есть свет, что сходит к нам оттуда,
Из царства звезд, с лазурной высоты,
Она в нас будит жажду чуда
И красоты.

И красота есть луч, который тонет,
Вдали от Солнца, в сумраке теней,
Когда оно его уронит
В умы людей.

И, если дух людской пронизан светом,
Что шлет ему небесная звезда,
Он жадно мчится за ответом,
Туда, туда.

ЗВЕЗДА ЗВЕЗДЕ

Мне звезды рассказали: «Любви на небе нет».
Я звездам не поверил. Я счастлив. Я поэт.

Как сон тебя я вижу, когда влюбленный сплю,
И с грезой просыпаюсь и вновь тебя люблю.

Не в царственных пространствах, где дышит Орион,
Не там, где блещет Вега, мой светлый небосклон.

В твоих глазах я вижу бессмертную мечту,
Бессмертие сознанья, любовь, и красоту.

И вот в пустынях неба не светится Луна,
Ты вечность победила, ты царствуешь одна.

Звезде — звездой влюбленной — я шлю свой луч живой,
С тобой навек далекий, теперь навек я твой.

* * *

Прекрасны улицы с толпой,
Волшебен праздничный наряд.
Но как прекрасней — быть с тобой,
Роняя взгляд в глубокий взгляд.

Прекрасно, кончив смелый бой,
Упиться негой тишины.
Но как прекрасней — быть мольбой,
Быть криком страсти и весны.

Прекрасен сумрак голубой.
Но как прекрасней — в яркий час
Увидеть близко пред собой
Зрачки влюбленных женских глаз.

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ

1

Я вижу в мыслях белую равнину,
Вкруг Замка Джэн Вальмор.
Тебя своей мечтой я не покину, —
Как мне забыть твой взор!

Поблекла осень с красками пожара,
Лежит седой покров.
И, бледная, на всем застыла чара
Невысказанных слов.

Все счастие, вся сладостная ложность
Живых цветов и трав
В безмолвную замкнулась невозможность,
Блаженство потеряв.

Заклятьем неземного чародея
Окована земля.
В отчаяньи белеют, холодея,
Безбрежные поля.

И мертвою Луной завороженный,
Раскинулся простор.
И только бродит ветер возмущенный
Вкруг Замка Джэн Вальмор.

2

Дни убегают, как тени от дыма,
Быстро, бесследно, и волнообразно.
В сердце моем ты лелейно хранима.
В сердце моем ты всегда неотвязно.

Нет мне забвенья в блеске мгновенья
Грустно-блаженной услады прощанья,

Непогасимых лучей откровенья,
И недосказанных слов обещанья.

Тени меняются — звезды все те же,
Годы растратятся — небо все то же.
Радости светят нам реже и реже,
С каждым мгновеньем ты сердцу дороже.

Как бы хотелось увидеть мне снова
Эти глаза, с их ответным сияньем,
Нежно шепнуть несравненное слово,
Вечно звучащее первым признаньем.

Тихие, тихие, тучи седые,
Тихие, тихие, сонные дали,
Вы ей навейте мечты золотые
И о моей расскажите печали.

Вы ей скажите, что грустно и нежно
Тень дорогая душою хранима,
В шуме прибоя, что ропщет безбрежно
Бурями пламени, звуков, и дыма.

3

Ты мне была сестрой, то нежною, то страстной,
И я тебя любил, и я тебя люблю.
Ты призрак дорогой... бледнеющий... неясный...
О, в этот лунный час я о тебе скорблю!

Мне хочется, чтоб Ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила нас.
Мне хочется, чтоб я, исполненный бессилья,
В твои глаза струил огонь влюбленных глаз.

Мне хочется, чтоб ты, вся бледная от муки,
Под лаской замерла, и целовал бы я
Твое лицо, глаза, и маленькие руки,
И ты шепнула б мне: «Смотри, я вся — твоя!»

Я знаю, все цветы для нас могли возникнуть,
Во мне дрожит любовь, как лунный луч в волне.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть: —
«Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!»

4

Мне видится безбрежная равнина,
Вся белая под снежной пеленой.
И там, вверху, застывшая как льдина,
Горит Луна, лелея мир ночной.

И чудится, что между нами — сказка,
Что между нами — таинство одно.
Безмолвна их бестрепетная ласка,
И холодно любить им суждено.

О, мертвое прекрасное Светило.
О, мертвые безгрешные снега.
Мечта моя, я помню все, что было,
Ты будешь вечно сердцу дорога.

РАЗЛУЧЕННЫЕ

1

Розоватый свет заката озаряет облака,
И волною просветленной плещет сонная река.
Еле плещет, еле дышит просветленная волна,
Точно чувствует и слышит, что подходит тишина.

Друг желанный, одинокий, о тебе моя печаль,
Я один в стране далекой, и тебя мне сердцем жаль.
Я, как ты, не знаю ласки, сохраняю поцелуй,
В час, когда мне шепчет сказки еле слышный лепет струй.

Если б нам убить пространство, друг мой, друг мой, сон мечты,
Я б с тобой устами слился, как со мной слилась бы ты.

Мы бы вместе проникались этой стройной тишиной,
Ты со мной бы чуть шепталась, как в реке волна с волной.

2

Прозвенит ли вдали колокольчик,
Колокольчик, во мгле убегающий, —
Догорает ли Месяц за тучкой,
Там за тучкой, бледнеющей, тающей, —

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной! —
Над водой, над рекой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной, —

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и в сердце хранимая, —
Вдруг я вижу, что ты не забыта,
Позабытая, горько-любимая.

ТЕНЬ

Ты в жизни проходишь безучастною тенью,
И вечно опущен твой взор.
Ты сердцем уходишь к неземному селенью,
Уж там — с незапамятных пор.

Тебя повстречал я на великой дороге,
Ведущей в безвестную даль.
И мне показалось — мы стоим на пороге,
Чего-то обоим нам жаль.

И мне показалось, — и, быть может, обманно,
Быть может, с правдивостью сна, —
Друг другу мы близки, так воздушно и странно,
Так нежно ты мне суждена.

Мы думали оба, и мы оба молчали,
Но вдруг приподнявши свой взор,

Ты молча сказала в предвечной печали,
Я друг твой, я брат твой с тех пор.

И если б была ты не бесстрастною тенью,
И если б не сказкой был сон,
Я отдал бы сердце роковому томленью,
Но в сказку, я в сказку влюблен.

* * *

Когда я был мальчиком, маленьким, нежным,
Был кроток мой взор и глубок.
Ты знаешь, что утром, пред Морем безбрежным
Горит золотистый песок?

Когда я был юношей, робким и странным,
Я вечной был полон тоской.
Ты знаешь, что вечером, в свете туманном,
Русалки поют над рекой?

Когда я стал страстным, желанным и властным,
Целую я всех на пути.
Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
Так страшно, так страшно идти?

МАСКИРОВАННЫЙ БАЛ

No vivas en flor.[1]

Испанская поговорка

О, цветы красоты! Вы с какой высоты?
В вас неясная страстная чара.
Пышный зал заблистал, и ликуют мечты,
И воздушная кружится пара.

— «Не живи как цветок. Он живет краткий срок,
От утра и до вечера только.

[1] Не живи как цветок (*исп.*).

Так прожить — много ль жить? Жизнь его лишь
намек.
О, красивая нежная полька!»

«— Лишь намек, говоришь. Но и сам ты горишь,
Закружил ты свой бешеный танец.
Ты минуту живешь, и ты ложь мне твердишь,
На минуту влюбленный испанец.

Я живу как цветок, я дневной мотылек,
Я красивая нежная полька.
Я хоть час, но живу, и глубок мой намек,
Ты мгновение кружишься только!»

«— Что мгновенье и час для тебя и для нас, —
Раз цветок, для чего ж ты считаешь?
Ты цвети и гори. Если ж вечер погас,
Говори, что как тучка растаешь.

О, живи как цветок! Мне отдай свой намек.
Мы продлим наш ликующий танец.
Не ропщи, трепеща, золотой мотылек,
Я безумно влюбленный испанец!»

ПРОКЛЯТИЯ

Love that turns hate...
Shelley[1]

ОТРЕЧЕНИЕ

Красивы сочетания светил,
Пленительна зеленая планета,
Где человек свой первый миг вкусил.

В пространстве много воздуха и света,
И каждый день, в определенный час,
Земля огнем рубиновым одета.

Источник новых мыслей не погас,
Источник новых чувств горит всечасно,
И тот, кто любит, любит в первый раз.

Цветы цветут, их чаши дышат страстно,
Желанны их цветные лепестки,
И роскошь их оттенков полновластна.

Безгласное течение реки
И призрачно-зеркальные озера
Внушают больше неги, чем тоски.

Вершины гор — пьянящий пир для взора,
Бессмертно-свеж безбрежный океан,
И что нежнее пенного узора.

Прекрасна разность всех различных стран,
Просторны и равнины и провалы,
В мираже обольстителен обман.

---

[1] Любовь, которая превращается в ненависть... *Шелли* (*англ.*)

И губы женщин ласковы и алы,
И ярки мысли избранных мужчин,
Но так как все в свой смертный час усталы, —

И так как жизнь не понял ни один,
И так как смысла я ее не знаю, —
Всю смену дней, всю красочность картин,

Всю роскошь солнц и лун — я проклинаю!

ЗЛАЯ НОЧЬ

Нет, Ночь! Когда душа, мечтая,
Еще невинно-молодая,
Блуждала — явное любя,
Казалось мне, что ты — святая,
Но блекнут чары, отпадая, —
Старуха, страшная, седая,
Я отрекаюсь от тебя!

Ты вся — в кошмарностях, в разорванных мечтаньях,
В стихийных шорохах, в лохмотьях, в бормотаньях,
Шпионов любишь ты, и шепчет с Ночью раб,
Твои доносчики — шуршанья змей и жаб.

Ты речь окольную с больной душой заводишь,
И по трясинам с ней, и по тоске с ней бродишь.
Распространяешь чад, зловещий сон и тишь,
Луну ущербную и ту гасить спешишь.

Проклятие душе, коли тебе поверит,
Все расстоянья Ночь рукою черной мерит.
Рукою мертвою мешает все, мутит,
Пугает, мучает, удавно шелестит.

Всю грязь душевную взмесив, как слизь в болоте,
В Раскаянье ведет, велит хлестать Заботе.

Прикинется, что друг, заманит в разговор,
И скажешь те слова, в которых — смерть, позор.

Незабываемо-ужасные признанья,
Что ждали искры лишь, толчка, упоминанья.
Чтобы проснуться вдруг, и, раны теребя,
Когтистой кошкою нависнуть на тебя.

Ты хочешь сбросить гнет, не чувствовать, не видеть,
Но для существ иных, все в том, чтоб ненавидеть,
Качаться страхами, силками изловить,
Детоубийствовать, не отпускать, давить.

Что было точкою — гора, не опрокинешь,
И лапы чудища лежат, и их не сдвинешь.
Глаза глядят в глаза, рот близок, жаден... Прочь!
О, ненавистная, мучительная Ночь!

Последней волею, упорной,
На миг отброшен Призрак Черный,
Не знаем — как, не знаем — чей.
В зловещем Замке Заключенья —
Тяжелый вздох, и облегченье,
И блеск испуганных очей.
Страх тут, он здесь, но стал он дальным,
В молчаньи темном и печальном,
Невольно должен ум молчать.
В угрозе, в мраке погребальном,
Весь мир стал снова изначальным,
Весь мир — замкнутый дом, и на замке печать.

Вновь Хаос к нам пришел и воцарился в мире,
Сорвался разум мировой,
И миллионы лет в Эфире,
Окутанном угрюмой мглой,
Должны мы подчиняться гнету
Какой-то Власти неземной,
Непобедимую дремоту
Вбирать, как чару Силы злой,
И видеть всюду мрак могильный,

И видеть, как за слоем слой,
Покров чуть видимый, но пыльный
На разум падает бессильный,
И сетью липнет над душой.

* * *

Он был из тех, на ком лежит печать
Непогасимо-яркого страданья,
Кто должен проклинать или молчать,
Когда звучат аккорды мирозданья.

Средь ликов, где прозрачен каждый взгляд,
Средь ангелов, поющих светлым хором,
И вторящих свой вечный «Свят, свят, свят», —
Он вспыхнул бы и гневом, и укором.

Нет, в нем сверкал иной зловещий свет,
Как факел он горел на мрачном пире:
Где есть печаль, где стон, там правды нет,
Хотя бы красота дышала в мире.

«Ответа — сердцу, сердцу моему!»
Молил он, задыхаясь от страданья,
И демоны являлися к нему,
Чтоб говорить о тайнах мирозданья.

Он проклял Мир, и вечно-одинок,
Замкнул в душе глубокие печали,
Но в песнях он их выразить не мог,
Хоть песни победительно звучали.

И полюбил он в Мире только то,
Что замерло в отчаяньи молчанья:
Вершины гор, где не дышал никто,
Безбрежность волшебства их без названья.

Ночных светил неговорящий свет,
И между них, с их правильным узором,

Падение стремительных комет,
Провал ночей, пронзенный метеором.

Все то, что, молча, выносив свой гнет,
Внезапной бурей грянет в миг единый,
Как чистый снег заоблачных высот
Стремится вниз — губительной лавиной.

* * *

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

С людьми скучаю до чрезмерности,
Одно и то же вижу в них,
Желаю случая, неверности,
Влюблен в движение и в стих.

О, как люблю, люблю случайности,
Внезапно взятый поцелуй,
И весь восторг — до сладкой крайности,
И стих, в котором пенье струй.

НЕВЕРНОМУ

1

Когда бы я к тебе не приходил,
Ты был всегда неотразимо-цельным,
Властительным, как голос из могил,
С лицом волхва, каким-то запредельным.

И я в тебе искал нездешних сил.
Но ты стал кротким, тихим, колыбельным.
Зачем же ты Святыне изменил,
Меня взманив обетом беспредельным?

Скажи мне, почему теперь, когда
Тень женщины с тобою навсегда,
Мне хочется — не говорить с тобою,

А птицей, с птицей, выхватив, любя,
Ее, твою, исчезнуть от тебя,
И хохотать за бездной голубою?

2

Неверный, ты наказан будешь мной,
При всей моей любви к глубоким взорам
Твоих блестящих глаз. О, дух земной,
Заемным ты украшен был убором.

Ты высился звездою предо мной.
Ты звал меня к заоблачным озерам,
К тому, что вечно скрыто тишиной,
Не создано, но встанет шумным бором.

Как я любил читать в твоих глазах
Любовь к любви, без женщины, без жизни,
Как любят звуки звонко петь на тризне.

А! самовластник, в замке, на горах,
Ты изменил ненайденной Отчизне.
Так жди меня. Я вихрь. Я смерть. Я страх.

РАЗЛИЧНЫЕ

В нас разно светит откровенье,
И мы с тобой не властны слиться,
Хотя мы можем на мгновенье
В лучах одной мечты забыться.
Не оскорбись, но оскорбленье
Я нанесу тебе невольно.
Мы два различные явленья,
Моей душе с твоею больно.

Ты, может быть, мой брат влюбленный,
Но, брат мой, ты мой враг заклятый.
И я врываюсь, исступленный,
В твои дремотные палаты.
Ты — успокоенный и сонный,
Ты ждешь так мудро над водою.
А я — стихийно-разрешенный,
Живу стремительной мечтою.

Ты иссушил источник жгучих
Правдиво-ярких заблуждений.
А я всегда среди певучих
Сирено-гибельных видений.
Ты — в числах дробных и тягучих,
Ты весь — в рассекновеньях Мира.
Я — в вечно-чувствующих тучах,
Я — в скоротечном блеске пира.

ДАЛЕКИМ БЛИЗКИМ

Мне чужды ваши рассуждения: —
«Христос», «Антихрист», «Дьявол», «Бог».
Я нежный иней охлаждения,
Я ветерка чуть слышный вздох.

Мне чужды ваши восклицания: —
«Полюбим тьму», «Возлюбим грех».
Я причиняю всем терзания,
Но светел мой свободный смех.

Вы так жестоки — помышлением,
Вы так свирепы — на словах.
Я должен быть стихийным гением,
Я весь в себе — восторг и страх.

Вы разделяете, сливаете,
Не доходя до бытия.
Но никогда вы не узнаете,
Как безраздельно целен я.

* * *

О, да, молитвенна душа,
И я молюсь всему.
Картина Мира хороша,
Люблю я свет и тьму.
Все, что приходит, то прошло,
В воспоминании светло
Живут добро и зло.

Но, чтоб в душе была волна
Молитвенной мечты,
В явленьи цельность быть должна,
Должны в нем жить черты.
Чем хочешь будь: будь добрый, злой.
Но будь же честен за игрой,
Явись — самим собой.

Пусть будет в смерть твоя игра,
Пусть ты меня убьешь, —
Пойму, что мне уйти пора,
Пойму я все, — не ложь.
Я только цельному молюсь,
И вечно мерзки мне, клянусь,
Ханжа, глупец, и трус.

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Mamma, mamma! perché lo dicesti?
— Figlia, figlia! perché lo facesti?[1]

Из неумирающих разговоров

Жили в мире дочь и мать.
«Где бы денег нам достать?»
Говорила это дочь.
А сама — темней, чем ночь.

---

[1] Мама, мама! Зачем ты это сказала?
Дочка, дочка! Зачем ты это сделала? (*Итал.*)

«Будь теперь я молода,
Не спросила б я тогда.
Я б сумела их достать».
Говорила это мать.

Так промолвила со зла.
На минуту отошла.
Но на целый вечер прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

«Дочка, дочка — Боже мой! —
Что ты делаешь со мной?»
Испугалась, плачет мать.
Долго будет дочку ждать.

Много времени прошло.
Быстро в мире ходит Зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денег принесла.

Помертвела, смотрит мать.
«Хочешь деньги сосчитать?»
«Дочка, дочка — Боже мой! —
Что ты сделала с собой?»

«Ты сказала — я пошла».
«Я обмолвилась со зла».
«Ты обмолвилась, — а я
Оступилась, мать моя».

К СЛУЧАЙНОЙ

Опрокинулось Небо однажды, и блестящею кровью своей
Сочеталось, как в брачном союзе, с переменною Влагой
морей.
И на миг вероломная Влага с этой кровью небесною слита,
И в минутном слияньи двух светов появилася в мир
Афродита.

Ты не знаешь старинных преданий? Возмущаясь, дивишься
ты вновь,
Что я двойственен так, вероломен, что люблю я мечту,
не любовь?
Я ищу Афродиту. Случайной да не будет ни странно,
ни внове,
Почему так люблю я измену и цветы с лепестками из крови.

* * *

Чем выше образ твой был вознесен во мне,
Чем ярче ты жила как светлая мечта,
Тем ниже ты теперь в холодной глубине,
Где рой морских червей, где сон, и темнота.

За то, что ты лгала сознанью моему,
За то, что ты была поддельная звезда,
Твой образ навсегда я заключил в тюрьму.
Тебе прощенья нет. Не будет. Никогда.

МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

Маленькая птичка, что ты мне поешь?
Маленькая птичка, правду иди ложь?

— Я пою, неверный, от души пою,
Про любовь и счастье, про любовь мою. —

Маленькая птичка, что в ней знаешь ты?
Я большой и сильный, как мои мечты.

— Маленькое тельце любит как твое.
Глупый, в этом правда, ты забыл ее. —

Маленькая птичка, все же я большой.
Как же быть? Не знаю. Пой мне, птичка, пой!

ТАК СКОРО

Так скоро ты сказала:
«Нет больше сил моих».
Мой милый друг, так мало?
Я только начал стих.

Мой стих, всегда победный,
Желает красоты.
О, друг мой, друг мой бедный,
Не отстрадала ты.

Еще я буду, в пытке,
Терзаться и терзать.
Я должен в длинном свитке
Легенду рассказать.

Легенду яркой были
О том, что я — любовь,
О том, как мы любили,
Как любим вновь и вновь.

И вот твоих мучений
Хочу я как моих.
Я жажду песнопений,
Я только начал стих.

ПРИЛИВ

Морской прилив растет, подъятый глубиной,
Валы запенились — седьмой, восьмой, девятый.
Я чувствую тебя. Ты счастлива со мной.
Мы возрастающей надеждою богаты.
        Мы схвачены волной.

Как полнозвучны сны и звоны Океана!
Стократ воспетая, вся бездна поднялась.
Я слышу гул войны, спешащей из тумана,

Неумолимая толпа идет на нас,
Всей силой вражеского стана.

О, пенный блеск воды, ты вспыхнул и погиб.
Откинут гул валов, — и на песках размытых
Лишь стебли трав морских, согнутых вперегиб,
Осколки раковин, приливом позабытых,
И трупы бледных рыб.

ДОВОЛЬНО

Я был вам звенящей струной,
Я был вам цветущей весной,
Но вы не хотели цветов,
И вы не расслышали слов.

Я был вам призывом к борьбе,
Для вас я забыл о себе,
Но вы, не увидев огня,
Оставили молча меня.

Когда ж вы порвали струну,
Когда растоптали весну,
Вы мне говорите, что вот
Он звонко, он нежно поет.

Но если еще я пою,
Я помню лишь душу мою,
Для вас же давно я погас,
Довольно, довольно мне вас.

МОИ ПРОКЛЯТИЯ

Мои проклятия — обратный лик любви,
В них тайно слышится восторг благословенья.
И ненависть моя спешит, чрез утоленье,
Опять, приняв любовь, зажечь пожар в крови.

Я прокляну тебя за низость обмеленья,
Но радостно мне знать, что мелкая река,
Приняв мой снег и лед, вновь будет глубока,
Когда огонь весны создаст лучи и пенье.

Когда душа в цепях, в душе кричит тоска,
И сердцу хочется к безбрежному приволью.
Чтоб разбудить раба, его я раню болью,
Хоть я душой нежней речного тростника.

Чу, песня пронеслась по вольному раздолью,
Безумный блеск волны, исполненной любви,
Как будто слышен зов: «Живи! Живи! Живи!»
То льды светло звенят, отдавшись водополью.

БЕЗРАДОСТНОСТЬ

Come, darkness!
Shelley[1]

БЕЗРАДОСТНОСТЬ
Сонет

Мне хочется безгласной тишины,
Безмолвия, безветрия, бесстрастья.
Я знаю, быстрым сном проходит счастье.
Но пусть живут безрадостные сны.

С безрадостной бездонной вышины
Глядит Луна, горят ее запястья.
И странно мне холодное участье
Владычицы безжизненной страны.

Там не звенят и не мелькают пчелы.
Там снежные безветренные долы,
Без аромата льдистые цветы.

Без ропота безводные пространства,
Без шороха застывшие убранства,
Без возгласов безмерность красоты.

ВОЗДУШНОСТЬ

Как воздушно в нежном сердце у меня!
Чуть трепещут очертания страстей,
Все видения оконченного дня,
Все минутности предметов и людей.

---

[1] Тьма, сойди! *Шелли* (*англ.*).

Самого себя бесплотным двойником
Вижу в ясной успокоенной воде.
Был себе я странным другом и врагом,
Но уж больше не найти себя нигде.

Только тень моя качается едва
Над глубокой зачарованной водой.
Только слышатся последние слова
Нежной жалости о жизни молодой.

ПРОЩАНИЕ

Далеко предо мною
Мерцают маяки,
Над водной пеленою,
Исполненной тоски.

Налево — пламень красный,
Направо — голубой.
Прощай, мой друг прекрасный,
Прощаюсь я с тобой.

Плыву я к голубому
Прозрачному огню.
К нему, всегда живому,
Свой дух я преклоню.

Той пристани прекрасной,
Где звон призывных струн,
Где пламень ярко-красный,
Где царствует бурун, —

Той сказке позабытой
Я горький шлю привет,
Мечте моей изжитой
В ней места больше нет.

Я жажду прорицаний
Застывшей тишины.

Серебряных мерцаний
Чуть глянувшей Луны.

Я жажду голубого
Небесного цветка,
Хочу родиться снова, —
Приди ко мне, тоска.

Тоска о жизни красной
Вне бездны голубой...
Прощай, мой друг прекрасный,
Прощаюсь я с тобой.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в Русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада. —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

ПОДНЕВОЛЬНОСТЬ

Когда я думаю, что рядом,
Вот здесь, кругом, передо мной:
Безмерным преданы отрадам,
Ликуют духи, мир иной, —

В той комнате, где дни и ночи,
Как каторжник, забыв про сон,
Так бьюсь я, не смыкая очи,
Все бьюсь, к работе присужден, —

Когда я думаю, что годы,
С печальной бледностью лица,
В окно все тот же лик Природы
Я буду видеть без конца, —

И сердцем, более не юным,
Я буду, догорая, тлеть,
Внимать метелям и бурунам,
Слабеть, седеть, и холодеть, —

Вдруг сам себе тогда я страшен,
Я содрогаюсь, как в бреду,
Как будто я с высоких башен
Вот-вот на землю упаду.

А между тем так близко, рядом,
Но не слиянные со мной,
Безбрежным преданы усладам,
Сплетают духи мир иной.

КАТОРЖНИК

Если вы в полдневной дреме,
В замираньи сладких снов,
Я в рождающей истоме,
Я в рабочем страшном доме,
В стуке дружных молотков.

Не входите, не глядите,
Нет, не слушайте меня,
Пауки сплетают нити,
С пауком и вы плетите
Паутинки в блеске дня.

Замирайте в нежной дреме,
Мне же — каторжником быть,
Мне не видеть счастья, кроме
Как работать в страшном доме,
Намечать, стучать, дробить.

ВЫБОР

1

Будь свободным, будь как птица, пой, тебе дана судьба.
Ты не можешь быть как люди, ты не примешь лик раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный лик,
Это быть в пустыне темной, быть казненным каждый миг.

Ты не можешь, ты не можешь, — о, мой брат, пойми меня, —
Как бы мог ты стать неярким, ты, рожденный от Огня.

Это — страшное проклятье, это — ужас: быть как все.
Ты свободный, луч, горящий — в водопаде и в росе.

Ты порою мал и робок, но неравенство твое —
Жизнь стихии разрешенной, сохрани в себе ее.

Ты сейчас был мал и робок, но судьба тебе дана.
Вот ты вспыхнул, вот ты Солнце. Вся лазурь твоя, до дна.

2

Нет, мой брат, не принимаю
Гордый твой завет.

Я иду к иному раю,
Я люблю спокойный свет.

Ежедневный, ежечасный,
Свет души — на дне,
Тем прекрасный, что, бесстрастный,
Неизменен он во мне.

Брат мой, кто ты? Что ты знаешь
Обо всех других?
Ты неярких проклинаешь,
Я для них пою свой стих.

Ты сказал, что я сияю
В капельке, в росе, —
Это я благословляю,
Я желаю быть как все.

Все мы капли в вечном Море,
Нет различья в нас.
Все мы боль таим во взоре
В наш последний смертный час.

Это — страшное проклятье:
Презирать других.
Всех люблю я без изъятья,
Я для всех пою свой стих.

ОТДАЛ СЕБЯ

Отдать себя на растерзание,
Забыть слова — мое, твое,
Изведать пытку истязания,
И полюбить как свет ее.

Не знать ни страха, ни раскаянья,
Благословить свою печаль,
Благословить свое отчаянье,
Сказать — мне ничего не жаль.

Быть равным с низкими, неравными,
Бред криком — нежным быть как вздох:
Так правят силами державными,
Так меж людей ты будешь Бог.

ТИШЕ, ТИШЕ

Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды,
Слишком долго вы молились, не забудьте прошлый свет,
У развенчанных великих как и прежде горды вежды,
И слагатель вещих песен был поэт и есть поэт.

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзорен, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец — и царь.

Дети Солнца, не забудьте голос меркнущего брата,
Я люблю в вас ваше утро, вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлажденья и заката. —
В первый миг и в миг последний будьте, будьте как цветы.

Расцветайте, отцветайте, многоцветно, полновластно,
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодеющих могил.

ПЕЧАЛЬНИЦА

Она живет среди видений,
В ее глазах дрожит печаль,
В них ускользающая даль
И умирающие тени.

Она поникла как цветок,
Что цвел в пустыне заповедной,
И вдруг поблек, печальный, бледный,
Не довершив свой полный срок.

В ней неразгаданное горе,
Ей скучен жизни ровный шум,
В ней той печалью полон ум,
Какою дышут звезды в Море.

Той бледностью она бледна,
Которую всегда заметишь,
Когда монахиню ты встретишь,
Что смертью жить осуждена.

Жить ежечасным умираньем
И забывать свои мечты, —
И Мир, и чары Красоты
Считать проклятием, изгнаньем!

ЦАРСТВО ТИХИХ ЗВУКОВ

Царство тихих звуков, ты опять со мной,
Маятник невнятный бьется за стеной.
В ровном коридоре мерные шаги.
Близкие ли это? Злые ли враги?

Я люблю волненье позлащенных нив,
На опушке леса вечер так красив.
Над простором вольным водной глубины
Дамно дышут чары царственной Луны.

Нет, я должен, должен полюбить печаль,
Не искать блаженства, не стремиться вдаль.
Не желать блаженства вечных перемен,
Нет, уйти нельзя мне от бесцветных стен.

Тонкая, но властно, вытянулась нить,
Бледного кого-то должен я щадить.
Кто-то дышит близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стеной.

БОЛОТО

Прерывистые строки

Miles and miles and miles of desolation
Leagues on leagues on leagues without
a change.
Swinburne[1]

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленой обманною травой.
Каждый миг в нем шепчет, словно плачет кто-то,
Как будто безнадежно тоскует над собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли в изумрудной тиши.

На самом зеленом изумрудном месте
Кто-то когда-то погиб навсегда.
Шел жених влюбленный к любящей невесте,
Болото заманило, в болоте нет следа.

И многих манит к обманным изумрудам,
Каждому хочется над бездонностью побыть.
Каждый, утомившись, ярко грезит чудом,
И только тот живет, кто может все забыть.

О, как грустно шепчут камыши без счета,
Шелестящими шуршащими стеблями говорят.
Болото, болото, ты мне нравишься, болото,
Я верю, что божественен предсмертный взгляд.

СТАРЫЙ ДОМ

Прерывистые строки

В старинном доме есть высокий зал,
Ночью в нем слышатся тихие шаги,
В полночь оживает в нем глубина зеркал,
И из них выходят друзья и враги.

---

[1] На сотни миль лишь пустота,
Тысячи лье однообразья. *Суинберг* (*англ.*).

Бойтесь безмолвных людей,
Бойтесь старых домов,
Страшитесь мучительной власти несказанных слов,
Живите, живите — мне страшно — живите скорей.

Кто в мертвую глубь враждебных зеркал
Когда-то бросил безответный взгляд,
Тот зеркалом скован, и высокий зал
Населен тенями, и люстры в нем горят.

Канделябры тяжелые свет свой льют,
Безжизненно тянутся отсветы свечей,
И в зал, в этот страшный призрачный приют
Привиденья выходят из зеркальных зыбей.

Есть что-то змеиное в движении том,
И музыкой змеиною вальс поет,
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый дом,
Кто в тебя дневной неполночный свет прольет?

Кто в тебе тяжелые двери распахнет?
Кто воскресит нерассказанность мечты?
Кто снимет с нас этот мучительный гнет?
Мы только отражения зеркальной пустоты.

Мы кружимся бешено один лишь час,
Мы носимся с бешенством, скорее и скорей,
Дробятся мгновения и гонят нас,
Нет выхода, и нет привидениям дверей.

Мы только сплетаемся в пляске на миг,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
Пред каждым и с каждым его же двойник,
И вновь мы возвращаемся в зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходим незримо туда,
Где будто бы все ясно и холодно-светло,
Нам нет возрожденья, не будет никогда,
Что сказано — отжито, не сказано — прошло.

Бойтесь старых домов,
Бойтесь тайных их чар,
Дом тем более жаден, чем он более стар,
И чем старше душа, тем в ней больше задавленных
слов.

* * *

Я больше ни во что не верю,
Как только в муку и печаль,
И в бесконечную потерю,
И в отнимающую даль.

Я был, как все, красив и молод,
Но торжествующий цветок
В свой должный миг воспринял холод
И больше нежным быть не мог.

Мне никогда не вспыхнуть снова,
Себя и взоры веселя,
И Небо низко и свинцово,
И вся безрадостна Земля.

* * *

Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?
Я совсем остываю к мечте.
Дни моя равномерны, жизнь моя однозвучна,
Я застыл на последней черте.

Только шаг остается, только миг быстрокрылый,
И уйду я от бледных людей.
Для чего же я медлю пред раскрытой могилой?
Не спешу в неизвестность скорей?

Я не прежний веселый, полубог вдохновенный,
Я не гений певучей мечты.
Я угрюмый заложник, я тоскующий пленный,
Я стою у последней черты.

Только миг быстрокрылый, и душа, альбатросом,
Унесется к неведомой мгле.
Я устал приближаться от вопросов к вопросам,
Я жалею, что жил на Земле.

* * *

Медленно, тягостно, в русла забытые
Воды вступают уставшие.
Время, пространство, мысли изжитые,
Снова в сознанье мое перелитые,
Вместе со мною так ярко мечтавшие,
Счастья не давшие,
Дым от огня,
Бросьте меня, беглецы запоздавшие,
Я уже в царстве нездешнего дня,
Бросьте меня.

Я КАК ОБЛАКО

Я как облако в миг равнодушного таянья,
Я храню еще отблеск последних лучей,
Но во мне уже нет ни надежд, ни раскаянья,
Ни тревоги земной, только холод отчаянья,
Тишь сознанья, что мне не сверкнуть горячей.

Я громами смеялся во мгле отдаления,
Я вкруг молнии пел перекличкой громов,
Я земных научил красоте исступления,
Свежей влагой поил и пески и растения,
Я был чудом для душных немых теремов.

Есть безгласность и тишь у преддверия Вечности,
Есть слова, что живут, но без речи, не тут.
Есть полет облаков, переливы их млечности.
Есть минутный восторг, есть покой Бесконечности,
И красивы цветы, что весною цветут.

Далеко, далеко, над высокими кручами,
Ходит ветер, туман собирая кругом.

Мир упьется созвучьями, снова — могучими,
Ходит ветер, и весело грезит он тучами.
Я над ветром. Один. Я забыл обо всем.

УМИРАЮЩИЙ

Как странно, как страшно в бездонной Вселенной,
Томясь ежечасно, всечасно тону,
Я смертью захвачен, я темный, я пленный.
Я в пытке бессменной иду в глубину.

Один я родился, один умираю,
И в смерти живу бесконечно один.
К какому иду я безвестному краю?
Не знаю, не знаю, я — в страхах глубин.

Я знаю, есть Солнце, там в высях, там где-то,
Но я навсегда потерял красоту.
Я мертвая тяжесть, — от вольного лета,
От счастья и света иду в темноту.

ПТИЧКА

Воздушная птичка, на окне у меня,
На мгновенье присела и запела звеня, —
Воздушная птичка не видала меня.

Закат запоздалый в облаках догорал,
Упоительно-алый как небесный коралл, —
Забытый, усталый, я один умирал.

Но серая птичка, на раскрытом окне,
Все воздушнее пела о негаснущем дне, —
О вечности светлой в неизвестной стране.

И тихо я умер, без печали земной,
И замолкшая птичка улетела со мной, —
Смутившись внезапно неземной тишиной.

К НОЧИ

Вспоенная соленой морскою глубиной,
Вся дышащая влагой, мечтой, и тишиной, —
О, Ночь, побудь со мной,
О, Ночь, побудь моей,
Дай мне побыть во сне,
В бездонной глубине,
Где скрыты зерна дней.

Окутанная дымом сожженных вечеров,
Дочь Хаоса немая, любимица веков, —
О, Ночь, пошли мне снов,
Мою печаль развей,
О, ночь, люби меня,
Я так устал от Дня,
Хотя я жажду дней.

Ты, капище видений, свобода всех рабов,
Колдунья преступлений и самых нежных слов, —
О, Ночь, сгусти покров
Своих густых теней,
Чтоб мне забыть себя,
Чтоб снова жить любя
Рожденье новых дней.

В одежде из созвездий, где каждая звезда
Живет тысячелетья, и вечно молода, —
О, Ночь, живи всегда,
О, Ночь, свой мрак лелей,
Чтоб в блеске красоты
Еще цвели цветы
Не мне цветущих дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хрустит песок.
О, как мне больно у Моря ночью.
Есть где-то счастье. Но путь далек.

Я вижу звезды. Одна мне светит
Других светлее и всех нежней.
Но, если сердце ее отметит,
Она далеко, не быть мне с ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песок затянет, зальет волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбит лишь Смерть одна.

МЕЖ ПОДВОДНЫХ СТЕБЛЕЙ

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Тонкоствольные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в Море погиб.

ПРИБЛИЖЕНИЯ

I change, but I cannot die.
Shelley[1]

Я ТИХО СПЛЮ

Я тихо сплю на дне морском,
Но близок мир земли.
Я вижу, верховым путем
Проходят корабли.

И видя бледность глубины
И жемчуга ее,
Я вспоминаю зыбь волны,
Тревожу забытье.

Бежит прилив, растет прибой: —
«Усни! Усни! Ты спишь?
Над нами бездны голубой
Молитвенная тишь».

Поет прибой, растет прилив: —
«Проснись! Проснись! Бежим!
Ты знаешь, мир земной красив,
Мы овладеем им!»

Я тихо сплю на дне морей,
И знаю, сладок сон.
Но сердце шепчет мне: — «Скорей!
Ты будешь в жизнь влюблен».

---

[1] Я могу измениться, но не могу умереть. *Шелли* (*англ.*).

Я мирно сплю на дне морском,
Но чувствую врага.
Я вновь пойду слепым путем,
Я брошу жемчуга!

БОЛЬ

Мы должны бежать от боли,
Мы должны любить ее.
В этом правда высшей Воли,
В этом счастие мое.

Сам себя из вечной сферы
Устремил я с высоты,
В область времени и меры,
В царство мысли и мечты.

И отпавши от начала,
Полновольная душа
Затомилась, заскучала,
И бежит, к концу спеша.

Но конца не будет сердцу —
Где моря без берегов,
Как не встретить иноверцу
В чуждых снах — своих богов.

Тот, кто бросился в скитанья,
Не уйдет тягот пути,
От страданья на страданье
Будет вынужден идти.

Но зато он встретит страны,
Где упьется он мечтой,
Где измены и обманы
Поражают красотой.

И затянутый в измены,
Где обманчивы огни,

Он вскипит, как брызги пены,
И погаснет, как они.

И опять, опять застонет
Легким ропотом челнок,
Рано ль, поздно ль, он потонет.
Так плывем же. Путь далек.

Путь далек до вечной Воли,
Но вернемся мы в нее.
Я хочу стремиться к боли,
В этом счастие мое.

СКОРЕЕ

Скорее, скорее, скорее, —
На лестницах Ангелы ждут.
Они замирают, бледнея,
И смотрят, и шепчут: — «Идут!»

«Идем мы, о, Ангелы Рая,
Идем не года, а века.
Терзает нас тайна земная,
Нас мучает страх и тоска.

Последней надежды лишаясь,
Обрывисты трудным путем,
Срываясь, и снова взбираясь,
Идем мы, идем мы, идем.

По острым камням и обломкам,
По ужасам липких болот,
Конца не предвидя потемкам,
Идем мы — как время идет.

О, Ангелы, вы помогите
Уставшим идти по земле.

Вы только с высот поглядите,
Как мы потемнели во мгле.

Мы падаем, снова слабея.
Ужели напрасен весь труд?»
Но сердце торопит. Скоре!
Стремления к Солнцу ведут.

МАЛО КРИКОВ

Мало криков. Нужно стройно
Грамонически рыдать.
Надо действовать спокойно
И красивый лик создать.

Мало искренних мучений,
Ты же в Мире не один.
Если ты разумный гений,
Дай нам чудо звонких льдин.

Силой мерного страданья
Дай нам храмы изо льда.
И тогда твои рыданья
Мы полюбим навсегда.

* * *

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него, —
И, если твой талант крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса,
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

* * *

Зимой ли кончается год,
Иль осенью, право не знаю.
У сердца особенный счет,
Мгновенья я в годы вменяю.

И год я считаю за миг,
Раз только мечта мне прикажет,
Раз только мне тайный родник
Незримое что-то покажет.

Спросила ты, сколько мне лет,
И так усмехнулась мне тонко.
Но ты же ведь знаешь: поэт
Моложе, наивней ребенка.

Но также могла бы ты знать,
Что всю многозыблемость света
Привыкло в себе сохранять
Бездонное сердце поэта.

Я старше взметнувшихся гор, —
Кто Вечности ближе, чем дети?
Гляди в ускользающий взор,
Там целое море столетий!

ПОХВАЛА УМУ

Безумие и разум равноценны.
Как равноценны в Мире свет и тьма.
В них два пути, пока мы в Мире пленны,
Пока замкнуты наши терема.

И потому мне кажется желанной
Различность и причудливость умов.
Ум Английский, и светлый, и туманный.
Как Море вкруг несчетных островов.

Бесстыдный ум Француза, ум Немецкий,
Строительный, тяжелый, и тупой.
Ум Русский, исступленно-молодецкий.
Ум Скандинавский, вещий и слепой.

Испанский ум, как будто весь багряный,
Горячий, как роскошный цвет гвоздик.
Ум Итальянский, сладкий, как обманы,
Утонченный, как у Мадонны лик.

Как меч, как властный голос, ум Латинский,
Ум Эллинский, язык полубогов.
Индийский ум, кошмарно-исполинский,
Свод радуги, богатство всех тонов.

Я вижу, волны мира многопенны,
Я здесь стою на звонком берегу,
И кто б ты ни был, Дух, пред кем мы пленны,
Привет мой всем, и брату, и врагу.

К НЕНАВИДЯЩИМ

О, слушайте, бледные люди,
Я новое создал звено: —
Есть много мечтаний о Чуде,
Но Небо, Небо — одно.

О, слушайте все, кто в тумане,
В обмане незрячих долин: —
Есть множество разных страданий,
Но свет блаженства — один.

О, слушайте, сонмы видений,
Я пропасти видел до дна: —
Есть много дорог заблуждений,
Дорога Правды — одна.

ПЯТЬ ПЕЩЕР

Бледны и томительны все сны земного Сна,
Блески, отражения, пески, и глубина,
Пять пещер, в которые душа заключена.

В первую приходим мы из тайной темноты,
Нет в ней разумения, ни мысли, ни мечты,
Есть в ней лишь биение животной теплоты.

Рядом с нею смежная, туманности полна,
Млечная и нежная в ней дышит белизна,
С миром созидающим связует нас она.

Третья и четвертая и пятая горят,
Ароматом, звуками, и светом говорят,
Нам дыханье радуют, пленяют слух и взгляд.

Быстро мы касаемся, для нас доступных, сфер,
Видим все сокровища пяти земных пещер,
Но земной неярок цвет, и скуден он, и сер.

Серые, томительно проходят наши дни,
Как неубедительно все, что твердят они,
О, зажжемте лучшие и высшие огни.

Победимте волею число земное — пять,
Только тот весь Мир поймет, кто может семь обнять,
Глянь в глаза души своей, раз хочешь все понять.

Кроме тех пяти пещер, есть в сердце глубина,
Есть для взора скрытого простор и вышина,
Примирись, что глубь и высь — только два звена.

Вознесешься ль в небо ты, падешь ли ты на дно,
Всюду цепь одной мечты, к звену идет звено.
Жизнь прядет живую ткань, шумит веретено.

Жизнь прядет, шумит, поет, к примеру льнет пример,
Радуйся, о, мыслящий, ты гений высших сфер,
Вольны крылья легкие, разбиты пять пещер.

РАДОСТНЫЙ ЗАВЕТ

Памяти князя А. Н. Урусова

Мне кажется, что каждый человек
Не потому оцениваться должен,
Как жил он в этой жизни на Земле,
А потому, как он ушел из жизни.
Пока мы здесь, мы видим смену дней,
И в этой смене разное свершаем.
Пока мы здесь, мы слушаем напевы
Своей мечты: в одном она нежней,
В другом — грубей; во всех она случайна,
И всем поет различно о различном.
А Смерть равняет всех, затем что властно
Стирает все различия мечты.

Пока живем пьянящею игрою,
Мы думаем, что жизни нет конца,
Но Смерть к нам неожиданно приходит
И говорит: «Ты должен умереть».
И только в этот миг разлуки высшей
Со всем, что было дорого для сердца,
Является величие души,
И разность душ видна неустранимо.
Иной в теченьи лет героем был,
И в миг один с себя свой блеск свергает.
Другой всю жизнь казался еле видным,
И в миг один проснулся в нем герой.
Прекрасней всех — кто, вечно-светлый в жизни,
Не изменил себе, свой день кончая,
Но, озарив последнюю черту,
Без жалобы угас, как гаснет Солнце.
Вот почему тот самый человек,
Чья тень теперь, невидимая, с нами,
Не только дорог жизнью мне своей,
Но тем, что был живым и в самой Смерти.

Своих друзей, свою работу, книги
Не разлюблял он до последних дней,

Он холодел — лишь для телесной жизни,
Он отходил — без ропота и страха,
И нам оставил радостный завет
В своем, как бы прощальном, восклицаньи.
Когда уж остывала кровь его,
И видел взор души — что может видеть
Лишь взор души, от пут освобожденной,
Он вдруг воскликнул, звучно, как поэт:
«Есть Бог — хоть это людям непонятно!»
И снова повторил: «Есть Бог! Есть Бог!»

Да, верю, знаю. Та сказал пред смертью,
Что каждый сознает в свой лучший миг.
Есть родина для всех живых созданий,
Есть Правда, что незримо правит Миром,
И мы ее достигнем на Земле,
И мы ее постигнем в запредельном.
Безгласности вещания внимая,
К незримому душою обратившись,
Я говорю вам: «Бог нас ждет! Есть Бог!»

ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА

Памяти Владимира Сергеевича Соловьева

Недалека воздушная дорога, —
Как нам сказал единый из Певцов,
Отшельник скромный, обожатель Бога,
Поэт-монах, Владимир Соловьев.

Везде идут незримые теченья,
Они вкруг нас, они в тебе, во мне.
Все в Мире полно скрытого значенья,
Мы на Земле — как бы в чужой стране.

Мы говорим. Но мы не понимаем
Всех пропастей людского языка.
Морей мечты, дворцов души не знаем,
Но в нас проходит звездная река.

Ты подарил мне свой привет когда-то.
Поэт-отшельник, с кроткою душой.
И ты ушел отсюда без возврата,
Но мир Земли — для Неба не чужой.

Ты шествуешь теперь в долинах Бога,
О, дух, приявший светлую печать.
Но так близка воздушная дорога,
Вот вижу взор твой — я с тобой — опять.

КОЛОДЕЦ

«Наклонись над колодцем...»
1885

Я припомнил слова, что приснились мечте
В утро жизни, как нежное пение.
И хоть я уж не тот, и хоть мысли не те, —
Тайны те же зовут в отдаление.

«Наклонись над колодцем, увидишь ты там,
Словно темная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

«Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мглистая,
Как в суровых объятьях угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая».

Не напрасно те строки привиделись мне,
Промелькнули, как нежное пение,
Нет обманности — в сне, все правдиво — в весне,
Все — рождение светлого Гения.

Наклонись над колодцем, далеко — до дна,
Но не смерть там под мраками грубыми,
Ключевая волна так светло-холодна,
Между темными тесными срубами.

Не напрасно поднимется тяжесть ведра,
Не напрасно опустится, звонкая.
Сколько выйдет на свет хрусталя, серебра,
Нить мечтания скрутится тонкая.

Жизнь глубоко-свежа, предвещательны сны,
Неисчерпана мгла утоления.
Многоструйна мечта в темноте глубины,
Ясен праздник весны — Приближения.

МИРОВОЕ КОЛЬЦО

Кто, смотря, увидал Мировое Кольцо, —
Обвенчался душой с Бесконечностью.

Бальмонт

БОГ И ДЬЯВОЛ

Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному — мои стоны, и другому — мой вздох,
Одному — мои крики, а другому мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далеко, с Востока, поплыву на Закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет Земля,
И змеиностью молний, и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный Дьявол, о, единственный Бог!

КРАСОТА

Красота создается из восторга и боли,
Из желания воли и тяжелых цепей.
Все, что хочешь, замкнешь ты в очертания доли,
Красоту ли с грозою, или тишь серых дней.

Если хочешь покоя, не заглядывай в бездны.
Не ищи и не думай, правда ль жизнь или ложь.
Но мечты твои будут беспланетны, беззвездны,
В бескометное небо ты навеки уйдешь.

О, горячее сердце, что ж возьмешь ты как долю.
Полнозвучность ли грома и сверкающий свет,
Или радость быть дома и уют и неволю?
Нет, твой дом изначальный — где рожденье комет.

Ты равно полюбило двух враждебных неравных,
И виденья покоя отодвинулись прочь.
Ты богов уравняло в двух мирах полноправных,
Приходите же, грозы, и колдуй мне, о, Ночь.

Наколдуй свои чары, но развейся с рассветом: —
Если будешь чрезмерной, я себе изменю.
Все, что к сердцу подходит, я встречаю ответом,
И мне сладко отдаться золотистому Дню.

НАМЕКИ

Есть намеки тайные
В будничных вещах.
Есть необычайные
Пропасти в сердцах.

В той же ежедневности,
Где томишься ты,
Дышут бури гневности.
И цветут цветы.

Краткое мгновение
Может пронести
Ужас разрушения
На твоем пути.

Краткое мгновение
Может дать нам сон,

Весь восторг забвения,
Целый небосклон.

День, что был томительным,
Ярким станет вдруг,
Блеском поразительным
Все зальет вокруг.

Верь в приход нежданного,
Тайна есть во всем,
В сердце много странного,
Мы живем... Живем!

ЛЕСТНИЦА ЛЮБВИ

Только бы встречаться.
Только бы глядеть.
Молча сердцем петь.
Вздрогнуть и признаться.
Вдруг поцеловаться.
Ближе быть, обняться.
Сном одним гореть.
Двум в одно смешаться.
Без конца сливаться.
И не расставаться.
Вместе умереть.

РЕБЕНОК

1

Полозья проскрипели,
Умолк вечерний гул.
В недвижной колыбели
Ребенок мой уснул.

Горели звезды где-то.
Но я их не видал.

Мечта была пропета.
Слеза была — кристалл.

Храни Господь Всевышний
Всех темных на земле.
Того, кто в мире лишний,
Того, кто здесь, во мгле.

Храни Господь незлобный
Всех тех, кто слаб и сир.
Кто страшной тьмой утробной
Заброшен в этот мир.

Я знаю, что пребудет
Во мраке наша плоть.
О, что с тобою будет?
Храни тебя Господь.

2

Нет, нет, я не жалею.
Что мне ты был рожден.
И я любя лелею
Твой безмятежный сон.

Дитя мое, я знаю,
Что ты услада дней,
Но все дороги к Раю
Забыты меж людей.

И мне так больно, больно
Того, что в жизни ждет.
Я думаю невольно,
Пусть лучше смерть придет.

И думать так не смею,
Ведь я люблю тебя.
И я твой сон лелею,
Мучительно скорбя.

Тебя благословляя,
Скорблю, в душе своей,
Что не найдешь ты Рая,
Вплоть до исхода дней.

3

Нет, что бы мне ни говорили
Все мысли мудрые мои,
Что надо поклоняться Силе,
Чтоб с нею слиться в бытии, —

Нет, что бы мне ни утверждали,
Что будут счастливы все те,
Которые живя страдали
И задохнулись в пустоте, —

Я не могу принять мучений
Немых, как ангелы, детей,
И вижу я, что темен Гений
Земных убийственных сетей.

О, Господи, я принимаю
Все, что из пыток дашь Ты мне.
Чтобы найти дорогу к Раю,
Готов гореть века в огне.

Но я не в силах видеть муки
Ребенка с гаснущим лицом,
Глядеть, как он сжимает руки
Пред наступающим концом.

Глядеть, как в этом кротком взоре
Непобедимо-нежных глаз
Встает сознательность, и, в споре
Со смертью, детский свет погас.

Глядеть, как бьется без исхода
В нем безглагольная борьба!
Нет, лучше, если б вся Природа
Замкнулась в черные гроба!

Но лишь не он, в ком все так тонко,
Кто весь был обращен к лучу.
Нет, пытки моего ребенка
Я не хочу, я не хочу!

4

И вдруг мне послышался Голос,
Откуда-то с неба ответ
На то, что так больно боролось,
В душе выжигая свой след.

«Будь равен со слабым и сильным,
И к каждому мыслью спеши.
Не медли в томленьи могильном,
Но слушай напевы души.

Весь мир есть великая тайна,
Во мраке скрывается клад.
Что было, прошло не случайно,
Все счастье вернется назад.

Но, если дорога есть к Раю,
Кто скажет, быть может, и Я
Безмерно, бездонно страдаю
В немой глубине бытия.

Кто был тот безумный и пленный,
Обманно сказавший тебе,
Что я улыбаюсь, блаженный,
Когда вы томитесь в борьбе?

Зачем восхожденье, ступени?
Поймет эту тайну лишь тот,
Кто всю беспредельность мучений
В горячее сердце вольет.

Но в темных равнинах страданья,
Принявши крещенье огнем,

Придем мы к Бессмертью Мечтанья,
Где будем с негаснущим днем.

Ты плачешь у детской постели,
Где бледный ребенок застыл.
Но очи его заблестели
Высоко над мглою могил.

Последнего атома круга
Еще не хватало — но вот,
По зелени пышного луга
Он к братьям небесным идет.

Там ярко цветут златооки.
Он должен увидеть их был.
Он сам в полуясном намеке
Улыбкой о них говорил.

И мысль твоя скорбью одета,
Но ты полюбил — и любим: —
Дорога незримого света
Теперь меж тобою и им.

Смотри, Я его облекаю
В сиянье Своей красоты.
С тобою Я слезы роняю,
Но Я зажигаю — цветы».

ОДИН ИЗ ИТОГОВ

В конце концов я твердо знаю,
Кто мы, что мы, где я, в чем я.
Всю неразрывность принимаю,
И вся Вселенная — моя.

Я знаю все ее стихии,
Я слышал все ее слова.
И здесь являясь не впервые,
Моя душа опять жива.

Из тех планет, что были стары,
Я много новых создаю.
Неумирающие чары
И возрождение пою.

Металлов мертвенные слитки
Бросаю в нестерпимый жар,
И — в первозданьи, и — в избытке,
И свеж, и юн — кто был так стар.

Я знаю все. Но есть забвенье.
И страшно-сладко мне забыть,
И слушать пенье, видеть звенья,
И ненавидеть, и любить.

Моя заманчивая доля —
Быть вольным даже и в цепях.
О, да, я воля, воля, воля,
Я жизнь, я смерть, я страсть, я страх.

Мое певучее витийство —
Не только блеск созвучных сил.
Раз захочу, свершу убийство,
Быть может, я уж и убил.

Но в должный миг припоминанье
Пронзит внезапно темноту.
И приведет меня скитанье
К весенneликому Христу.

К Тому, который не страдает,
Страдая вольно за других,
Но бесконечно созидает
Из темных душ блестящий стих.

Он убедителен и кроток,
Он упоительно-жесток,
И Он — в перебираньи четок,
Но больше — в пеньи звонких строк.

Всечуткий, многоликий, цельный —
Встречает с ясностью лица
Всех тех, кто в жажде беспредельной
Во всем доходит до конца.

Кто говорит, что Он — распятый?
О, нет, неправда, Он не труп,
Он юный, сильный, и богатый,
С улыбкой нежной свежих губ.

Он так красив, так мудр, спокоен,
Держа все громы в глубине.
Он притягателен и строен,
И вечно нас ведет к Весне.

Он смотрит, как резвятся дети,
Как мчится молний череда,
Не двадцать маленьких столетий,
А сердце говорит — всегда.

И был ли Он сейчас в хитоне,
И был ли в панцире — как знать!
Но только в самом страшном стоне
Сокрыта звездная печать.

Земле, что ярче изумруда,
Сказал Он, что ей суждено: —
Нам первое являя чудо,
Он воду превратил в вино.

И, весь — бездонное значенье,
Зиме уготовляя Май,
Разбойника за миг мученья
Он взял с собою в вечный Рай.

И там, где звезд живые реки,
Звеня, не точат берега, —
Внемлите слову, человеки, —
Он примет худшего врага.

У Человека больше сходства
С Христом, чем с Дьяволом, и он,
Впадая в низкое уродство,
Лишь на мгновенье ослеплен.

Впадая в ярость возмущенья,
В великий Сатанинский Сон,
Желая ужаса и мщенья,
Лишь на мгновенье ослеплен.

В гореньи властного пожара
Себе лишь нанося урон,
Впадая в марево Кошмара,
Лишь на мгновенье ослеплен.

И это краткое мгновенье
Продлится миллионы лет,
Но в яркий праздник Воскресенья
Весь мрак войдет в безмерный Свет!

ДРУГИЕ ИТОГИ

Другие итоги... Их много,
И скоро я их расскажу.
Но я еще здесь — у порога,
С восторгом смотрю на межу.

И то, что заветная тайна
До завтра во мне заперта,
Не прихоть, что встала случайно,
Но знаний моих полнота.

О, сколько вам будет открытий,
Безвестные братья мои,
О, сколько блистательных нитей,
Различных в одном бытии.

Еще я колеблюсь, робею,
Еще я горжусь, и гляжу,

Великою тайной моею
Лелейно еще дорожу.

Но скоро всю бездну сокровищ
Явлю в прорицаньях я вам,
И вы, миновавши чудовищ,
Войдете в невиданный Храм.

Не будет ни звука, ни краски,
К которым мечтой не коснусь,
И в правде неслыханной сказки
Я все их отдам вам... Клянусь!

СОЗНАНЬЕ, СИЛА, И ОСНОВА

Сознанье, Сила, и Основа
Три ипостаси Одного.
О, да, в начале было Слово,
И не забуду я его.
В круженьи Солнца мирового
Не отрекусь ни от чего.

Высоты горные Сознанья —
Как Гималайские хребты.
Там вечный праздник пониманья,
Зачатья новой красоты.
Для нежной радости ваянья
Я изменяю все черты.

Неумирающая сила
Не знает, что такое мель.
Она не помнит то, что было,
Родит приливы и метель.
И в каждом атоме могила,
В пылинке каждой колыбель.

Неистребимая Основа —
Неисчерпаемый рудник.
В ней все возможности живого,

В ней мрак и блеск и вздох и крик.
Столетье отжил я, и снова
Встречаю детски майский миг.

Среди стихийного бесчинства,
И столкновенья встречных струй,
Я чую радость материнства,
Я слышу новый поцелуй,
И двустороннее Единство
В моей крови поет: «Ликуй!»

О, да, в начале было Слово,
И как не помнить мне его!
В движеньи круга мирового
Я прикасался до всего.
Сознанье, Сила, и Основа, —
Три солнца духа моего!

ПОЛНОЧЬ

Каждый день я умираю, каждый день рождаюсь вновь.
Утром с Солнцем в мир вступаю, ночью праздную любовь.

Ненасытно сердце хочет каждый день иной мечты.
Каждой ночью смотрят звезды с невозбранной высоты.

Опьяненное пространством, Солнце каждый день горит,
С неизменным постоянством Полночь сердцу говорит.

Слышу, слышу — волны звона, то двенадцать бьет часов,
С голубого небосклона льются хоры голосов, —

Возрастающих в безгласьи, ясно внятных для души. —
Гул растений ароматных, расцветающих в глуши.

Море времени и мысли бьется в бездне голубой.
О пределы пониманий ударяется прибой.

И душе, для снов открытой, сладко знать, что берега
Принимают от созвездий и от Моря жемчуга.

Миг еще, и тьма закроет в Вечность глянувшую дверь,
И сознанье успокоит. Клад получен. Спи теперь.

Ты — вневременное видел. Вновь во времени умри.
И на завтра встань венчанный в первозданности Зари.

БЕЗГЛАСНАЯ ПОЭМА

Каждый цветок есть изваянный стих,
В каждом растении — сага.
В них очертания мыслей моих,
Слез освежительных влага.

Стоит мне только подумать о чем,
Мысли в пространство стремятся,
Светятся в нем достающим лучом,
В гроздьях созвездий роятся.

Мыслью моею я все достаю,
В царствах бездонных Эфира.
В кузницах тайных незримо кую
Звенья богатого мира.

То, что чернело, как грубый кусок,
Было обломком тяжелым,
Я превращаю в горящий цветок,
Отданный огненным пчелам.

Творческий молот стучит без конца,
Искры сплетаются в пляске.
Звенья растут Мирового Кольца,
Неумирающей сказки.

Дальше и дальше уходят мечты,
Нет для мышленья границы.

В новых просторах раскрылись цветы,
Искрятся их вереницы.

В лилиях белых вся нежность моя,
Страсть моя в кактусах красных,
В желтых колосьях покой бытия,
Ласковость в розах атласных.

Арум зловещий, и старый анчар,
Пасть орхидеи тигриной —
Яркая разность тождественных чар,
Отблески мысли единой.

Кровью я каждый цветок расцветил,
Или слезою воздушной,
Дал им вкусить от сверкающих сил,
Вырастил в бездне послушной.

Вырастил их, и до завтра затих.
Лучшие радости немы.
Каждый цветок есть изваянный стих
Вечно-безгласной Поэмы.

ВЫСОТЫ

Безмолвствуют высоты,
Застыли берега.
В безмерности дремоты
Нагорные снега.

Здесь были океаны,
Но где теперь волна?
Остались лишь туманы,
Величье, глубина.

Красивы и усталы,
В недвижности своей,
Не грезят больше скалы
О бешенстве морей.

Безжизненно, но стройно,
Лежат оплоты гор.
Печально и спокойно
Раскинулся простор.

Ни вздоха, ни движенья,
Ни ропота, ни слов.
Безгласное внушенье
Чарующих снегов.

Лишь мгла долин курится,
Как жертвы бледный дым.
Но этой мгле не слиться
С тем царством снеговым.

Здесь кончили стремленья
Стремительность свою.
И я как привиденье
Над пропастью стою.

Я стыну, цепенею,
Но все светлей мой взор.
Всем сердцем я лелею
Неизреченность гор.

К ЛЮДЯМ

О, люди, я к вам обращаюсь, ко всем,
Узнайте, что был я несчастен и нем,
Но раз полюбил я возвышенность гор,
И все полюбил я и понял с тех пор.

Я понял, но сердцем, — о, нет, не умом,
Я знаю, что радостен царственный гром,
Что молния губит людей и зверей,
Но мир наш вдвойне обольстителен с ней.

Мне нравится все, что Земля мне дала,
Все сложные ткани и блага и зла,

Всего я касался, всему я молюсь,
Ручьем я смеялся, но с Морем сольюсь.

И снова под властью горячих лучей
С высот оборвется звенящий ручей.
Есть мудрость, но жизнь не распутал никто.
Всем мудрым, всем мертвым, скажу я — «Не то!»

Есть что-то, что выше всех знаний и слов.
И я отвергаю слова мудрецов,
Я знаю и чувствую только одно,
Что пьяно оно, мировое вино.

Когда же упьюсь я вином мировым,
Умру и воскресну и буду живым.
И буду я с юными утренним вновь...
О, люди, я чувствую только Любовь!

Книга V

ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ

Стихийные гимны

Вся Земля — моя, и мне дано пройти по ней.

Аполлоний Тианский

Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть,
Свет Луны они забыли, потеряли Млечный Путь.

Развенчав Царицу-Воду, отрекаясь от Огня,
Изменили всю Природу, замок Ночи, праздник Дня.

В тюрьмах дум своих, в сцепленьи зданий-склепов, слов-могил
Позабыли о теченьи Чисел, Вечности, Светил.

Но качнулось коромысло золотое в Небесах,
Мысли Неба, Звезды-Числа, брызнув, светят здесь в словах.

Здесь мои избрали строки, пали в мой журчащий стих,
Чтоб звенели в нем намеки всех колодцев неземных.

Чтоб к Стихиям, людям бледным, показал я светлый путь,
Чтобы вновь стихом победным в Царство Солнца всех
вернуть.

ПРАЗДНИК СЕРДЦА

Cada mañana hallarás, alma mia, á la puerta de tu casa á todo el universo.

Diego de Estella

Каждое утро, душа, ты найдешь
у двери своего дома весь мир.

Диэго де Эстелья

МОЙ ЗАВЕТ

Я не устану быть живым,
Ручей поет, я вечно с ним,
Заря горит, она — во мне,
Я в вечно-творческом Огне.

Затянут в свет чужих очей,
Я — в нежном золоте лучей,
Но вдруг изменится игра,
И нежит лунность серебра.

А Ночь придет, а Ночь темна, —
В душе есть светлая страна,
И вечен светоч золотой
В стране, зовущейся Мечтой.

Мечта рождает Красоту,
Из нежных слов я ткань плету,
Листок восходит в лепесток,
Из легких строк глядит цветок.

Мгновений светлый водопад
Нисходит в мой цветущий сад,
Живите ж все, любите сон, —
Прекрасен он, кто в Жизнь влюблен.

ТРИ СТРАНЫ

Строить зданья, быть в гареме, выходить на львов.
Превращать парей соседних к собственных рабов.
Опьяняться повтореньем яркой буквой *я*, —
Вот, Ассирия, дорога истинно твоя.

Превратить народ могучий в восходящесть плит,
Быть создателем загадок, сфинксом Пирамид,
И, достигши граней в тайнах, обратиться в пыль, —
О, Египет, эту сказку ты явил как быль.

Мир опутать светлой тканью мыслей-паутин.
Слить душой жужжанье мошки с грохотом лавин,
В лабиринтах быть как дома, все понять, принять.
Свет мой, Индия, святыня, девственная мать.

Много есть еще созданий в мире Бытия,
Но прекрасна только слитность разных *ты* и *я*,
Много есть еще мечтаний, сладко жить в бреду, —
Но, уставши, лишь к родимой, только к ней приду.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ

Я знаю, что Брама умнее, чем все бесконечно-имянные боги.
Но Брама — Индиец, а я — Славянин. Совпадают ли наши дороги?
О, Брама — Индиец, а я — Скандиван, а я — Мексиканец жестокий.
Я — Эллин влюбленный, я — вольный Араб, я — жадный, безумный, стоокий.
Я — жадный, и жить я хочу без конца, не могу я насытиться лаской.
Не разум люблю я, а сердце свое, я пленен многозвучною сказкой.
Все краски люблю я, и свет Белизны не есть для меня завершенье.
Люблю я и самые темные сны, и алый цветок преступленья.

Оранжевый, желтый, и красный огонь мне желанен,
как взор темно-синий.
Не знаю, что лучше: снега ли вершин или вихри
над желтой пустыней.
И стебель зеленый с душистым цветком — прекрасен,
прекрасна минута.
Не странно ли было б цветку объявить, что он только
средство к чему-то.

И если ты викинга счастья лишишь — в самом царстве
Валгаллы рубиться,
Он скажет, что Небо беднее Земли, из Валгаллы он прочь
удалится.
И если певцу из Славянской страны ты скажешь, что ум есть
мерило,
Со смехом он молвит, что сладко вино, и песни во славу
Ярила.

К СЛАВЯНАМ

Славяне, вам светлая слава,
За то, что вы сердцем открыты,
Веселым младенчеством нрава
С природой весеннею слиты.

К любому легко подойдете,
С любым вы смеетесь как с братом,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите в море богатом.

Враждуя с врагом поневоле,
Сейчас помириться готовы,
Но, если на бранном вы поле,
Вы тверды и молча суровы.

И снова мечтой расцвечаясь,
Вы — где-то, забывши об узком,

И светят созвездья, качаясь.
В сознании Польском и Русском.

Звеня, разбиваются цепи,
Шумит, зеленея, дубрава,
Славянские души — как степи,
Славяне, вам светлая слава!

КОЛИБРИ

Тиуй! — Идем!
Мексиканское слово

Колибри, птичка-мушка, бесстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца наряд цветистый дан.
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смелых бросить родимый их Ацтлан.

Веселым пышным утром, когда Весна багряная
Растит цветы, как солнца, как луны, меж ветвей,
Летунья щебетнула: «Тиуй, тиуй», — румяная,
Как бы цветочно-пьяная, — «Тиуй, — идем, скорей!»

В тот миг жрецы молились, и пение жемчужное
Лазурно-алой феи услышали они.
Пошел народ бесстрашный все дальше, в царство Южное.
И красной лентой крови свои обвил он дни.

И Мексика возникла, виденье вдохновенное,
Страна цветов и Солнца и плясок и стихов,
Безжалостность и нежность, для грезы — сердце пленное.
Сын Бога — жертва Богу, земной — среди богов.

Дабы в Чертогах Солнца избранник знал забвение,
Ему исторгнут сердце агатовым ножом: —
Разбей земные лютни, забудь напев мгновения,
Там в Небе — Девы Солнца, Бог Семицветник в нем.

Богиня Белой Жатвы, Богиня Звездотканности.
Бог Пламя, Бог Зеркальность, Богиня Сердце Гор...
Колибри, птичка-мушка, в безжизненной туманности
Ты сердце научила знать красочный узор!

ЙОНИ-ЛИНГАМ

Напряженно-могучий Лингам,
Восприимчиво-влажная Йони,
Эта песня лелейная — вам.
Жизнь и свет на немом небосклоне.
Завлекательно-жадная Йони,
Безыстомно-горячий Лингам.

Вы — отрада зверям и богам,
Вы — заветная радость людская,
Вы дарите гирлянды векам,
И родятся созвездья, сверкая,
Жизнь — все та же, и вечно — другая,
Нераздельны в ней Йони-Лингам.

Вы подобны пьянящим цветкам,
Вы растете в далеком Тибете,
Вы влечете к чужим берегам,
Это вы — Афродита в расцвете,
Адонис в упоительном лете,
И Милитта, о, Йони-Лингам.

Вы подобны бессмертным цветкам,
Вы светло зажигаете взоры,
И Венера идет по волнам,
Будит Пан задремавшие горы,
И в зеленых пещерах Эллоры
Обнимаются Йони-Лингам.

И Изида — добыча мечтам,
И в Истар загорелись порывы,
Стон идет по холмам и лесам.

И глаза так безумно-красивы
У него, андрогинного Сивы,
Сочетавшего Йони-Лингам.

И НЕТ ПРЕДЕЛОВ

Ты создал мыслию своей
Богов, героев, и людей,
Зажег несчетности светил,
И их зверями населил.

От края к краю — зов зарниц,
И вольны в высях крылья птиц,
И звонко пенье вешних струй,
И сладко-влажен поцелуй.

А Смерть возникнет в свой черед, —
Кто выйдет здесь, тот там войдет,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрей.

Все звери в страсти горячи,
И Солнце жарко льет лучи,
И нет пределов для страстей
Богов, героев, и людей.

ПРИЗЫВ

Братья, посмотримте ясно,
Скорбь о невнятном бесплодна,
Девушки, утро прекрасно,
Женщина, будь же свободна.

Что нам скитаться по мыслям,
Что нам блуждать по идеям?
Мы Красоту не исчислим,
Жизнь разгадать не сумеем.

Пусть. Нам рассудок не нужен, —
Чувства горят необманно,
Нить зыбкоцветных жемчужин
Без объяснений желанна.

Эти воздушные нити,
Братья, смотрите, повсюду,
Девушки, вы полюбите,
Радостно ввериться чуду.

ВИНО МИНУТ

«Охраняй врата всех чувств» — завет Готамы
«Умертви себя — ты внидешь в царство Брамы».
Но раскрыл я все закрытые врата.
Мне желанна боль, и с болью — Красота.
И в раскрытости, в разорванности чувства
Дышут бури, светят молнии Искусства.
Смех и пляски, красный цвет и там и тут.
Страх развязки, звук рыданий, звон минут.

«Бойся жизни» — нам грозит иное слово.
Говорят мне: — «В том веление Христово».
О, неправда! Это голос не Христа,
Нет, в Христе была живая Красота.
Он любил, Он Вечность влил в одно мгновенье,
Дал нам хлеб, и дал вино, и дал забвенье.
Боль украсил, Смерть убил, призвав на суд.
Будем жить, и будем пить вино минут!

ВЕСНА

Вот и белые березы.
Развернув свои листы,
Под дождем роняют слезы
Освеженной красоты.

Дождь идет, а Солнце светит,
Травы нежные блестят,
Эту нежность их заметит,
И запомнит зоркий взгляд.

Видя радость единенья
Солнца, влаги, и стеблей,
Дух твой будет как растенье,
Взор засветится светлей.

И войдет в твоя мечтанья
Свежесть пышной новизны.
Это — счастие, свиданье,
Праздник Солнца и Весны!

РАСТЕНИЕ

Зародыш, в малом виде, есть полное растенье,
В нем корень, стебель, листья возможно различить.
Едва заметно семя, но жажда наслажденья
Зеленую, из мрака, исторгнет к свету нить.

Корень вниз растет, а стебель кверху убегает.
Но различность устремленья разве расторгает?
Если б не было деленья этих двух стремлений,
Мы не знали бы цветенья красочных растений.

Главный корень — вечно вниз,
А другие — всюду,
Вправо, влево расползлись,
Выше, ниже, но впились
В почвенную груду, —
В эту толщу, где они
Слышат ночь, и слышат дни,
И доныне искони
Все стремятся к Чуду.
Прорастают каждый час,
И совсем не тяготясь
Тьмою и неволей,

Кормят верхние листки. —
И довольны долей
Корневые волоски,
Чрез которые ростки
Пьют растворы солей.
Капли влаги жадно пьют,
И для зренья создают
Пышный цвет магнолий.

Но корни есть также иные,
Воздушные корни бывают, не только земные,
И корни есть также, что тянутся смело в воде.
В Природе царит разновидность везде.
Различны узоры резные
Листов и травинок, что дышут, ища.
Воздушные корни плюща
Впиваются в камни стенные,
А корни пшеницы, ветвистой семьей,
Блаженствуют мирно в земле полевой,
И вольно растенья другие
Плодятся, качаясь во влаге живой.

Но так иль иначе, а стебель прямой,
Иль стебель изогнутый, листья лелеет.
И тайная греза растенья, весной,
Иль пламенным летом,
Алеет,
Венчаясь невестой со светом,
Обручаясь с воздушною теплой волной.
Золотится цветок, голубеет,
Многоцветностью млеет,
Ощущенья свои расстилает цветной пеленой, —
В каждом месте ином освеженно-иные,
О, цветы, о, соцветья земные!
Да, есть созвездья, — есть соцветия,
Есть разветвления стеблей.
Прекрасен праздник однолетия,
Когда роскошные соцветия
Роятся в пышности своей.

На стержне колос получается,
На нем сидячие цветки,
Цветочки нежные качаются,
Дыханьем в воздухе встречаются, —
Просторы света широки.
У злаков, полных мудрой сложности,
Взамен цветочков — колоски,
Восторг исчерпанной возможности;
У незабудки — знак неложности —
В односторонность завитки.
Растут различности безгласные;
Как фей немые корабли,
Под ветром зыблются, согласные,
С волны к волне блестят, прекрасные,
Вот тут, вон там, вблизи, вдали.
О, светом, воздухом вспоенные,
И всем, что в почве взять могли.
Живые мысли, в жизнь влюбленные.
Соцветья, дружеством скрепленные.
Созвездья зиждущей Земли!

ТЕМНОМУ БРАТУ

Не верь, мой темный брат,
Внушениям вражды.
Созвездия горят,
Взгляни, о, сын Звезды.

Мы — дети ярких звезд,
Мы в них вовлечены.
Нам к ним сплетают мост
Узывчивые сны.

Не помни, позабудь
О том, что сделал злой,
Ты сам чужую грудь
Не раз пронзил стрелой.

Лишь помни мой намек,
Завет цветов: Гори.
Смотри, любой цветок
Раскрылся — изнутри.

Когда ты помнишь зло,
Ты делаешься злом,
И ты глядишь светло,
Лелея свет умом.

Ты создал сам свой лик,
Все можно изменить.
Вот, в этот самый миг
Идет из света нить.

Возьми ее скорей,
Сплети себе покров
Из ласковых лучей
И самых нежных слов.

И встретим праздник звезд,
Он каждый миг нас ждет.
От звезд лучистый мост
До сердца к нам идет.

БЫТЬ УТРОМ

Тот, кто хочет, чтобы тени, ускользая, пропадали,
Кто не хочет повторений, и бесцельностей печали,
Должен властною рукою бесполезность бросить прочь,
Должен сбросить то, что давит, должен сам себе помочь.
Мир — бездонность, ты — бездонность, в этом свойстве
вы едины,
Только глянь орлиным оком, — ты достигнешь до вершины.
Мир есть пропасть, ты есть пропасть, в этом свойстве
вы сошлись,
Только вздумай подчиниться, — упадешь глубоко вниз.

О, глубоко видит око! О, высоко ходят тучи!
Выше туч и глубже взоров свет сознания могучий.
Лишь пойми, скажи — и будет. Захоти сейчас, сейчас, —
Будешь светлым, будешь сильным, будешь утром,
в первый раз!

СОЛНЦЕ – КРАСНОЕ

Солнце — красное, сказал мне мой родной народ,
И о вольном красном Солнце сердце мне поет.

Так до боли, в жажде воли, все стучит, звучит,
Звук биенья — песнопенье, чувство не молчит.

Сердце, слышу. Мы сложили много звонких строк,
Юг и Север мы воспели, Запад и Восток.

Мы с тобой взрастили, сердце, красные цветы,
Я мечтал — и страстной краской в грезах билось ты.

Ни себя ты не жалело, ни других порой,
Но под Солнцем ты алело, сам я был не свой.

Мы с тобой не сомневались — о, ни в ком, ни в чем,
Мы пьянели, опьянялись — солнечным лучом.

Мы взрастили много смелых ярких лепестков,
Мы учили жгучей силе, власти гордых снов.

Сердце — вольно, Солнце — красно, мир согласен весь,
Там, далеко, свет зажжется, раз ты светел здесь.

Юность, юность, будь же юной, вспыхни, пожелай.
Каждый миг — начало, воля, вечный скрытый Май.

Не напрасно же раскрыл я в пеньи звонких строк
Тайну сердца — алость крови — солнечный цветок.

ВЕТЕР

Я вольный ветер, я вечно вею.
К. Бальмонт

С визгом, присвистом напевным
Веет, мечется, гудит.
Ю. Балтрушайтис

Гордый Юргис, ты похитил Ветер, Ветер у меня,
Ты подслушал и расслышал, как он шепчет, нас дразня.
Как свистит и шелестит он возле дрогнувшей листвы,
Возрастает, отвечая завываниям совы.

Вдруг притихнет, и забьется вкруг единого листка,
Над осиной вьется, вьется, дышит струйка ветерка,
Чуть трепещет, лунно блещет зачарованный листок,
И воздушен, и послушен, заколдован ветерок.

Только слушает, как дышит шаткий лист среди осин,
Между самых, самых чутких, на одной, всего один,
Лист сорвался, покачнулся, и умчался далеко,
Ветерок им насладился, бросил дальше, как легко.

Веет, млеет, цепенеет, странным шорохом в сосне,
Зашуршит на сучьях старых, страшно травам в тайном сне.
Над седыми пустырями зашептал он как колдун,
Вот затресся, и понесся, хохот, стоны, звоны струн.

Вспышки светов. Двух поэтов, бледных скальдов он нашел,
Очертанья всех предметов изменил, и обошел.
Шопот Ветра гордым ведом, вещий Ветер близок им,
За зловещим, тайным следом, мы идем, и мы следим.

То мы вместе, то мы порознь, затаимся меж кустов,
Брат — соперник, враг — помощник, два волхва созвучных снов.
Ветер с нами, он землею, небесами нас ведет,
К одному, смеясь, приникнет, свистнет, крикнет — и вперед.

Не всегда ж мне быть с тобою, если властен и другой,
Звонки хвои в летнем зное — звонко-влажен вал морской.
В смерти, в жизни — я в отчизне, дальше, дальше, миг не ждет,
Тот же дважды я не буду: больше, меньше, — но вперед.

ТАЛИСМАН

Знать, хотеть, сметь, и молчать.
El Ktab

Знать, хотеть, молчать, и сметь — завещал Араб.
Знай, молчи, желай, и смей, если ты не слаб.

Если ж слаб, я говорю вовсе не с тобой,
Уходи, не прерывай сон мой голубой.

Сон мой алый, золотой, сон мой всех тонов,
Чьей усладой каждый миг так цветисто-нов.

Вижу утро, вижу сад, каждый лепесток,
Розы губ, воздушный цвет белых рук и ног.

Розы губ, и губы роз, нежные как стих,
Опьяняющий намек раковин немых.

Звон струны, сплетенья струн, звонкий водоем,
Тело к телу, взор во взор, сладко быть вдвоем.

Раз ты властен, чтоб другой дрогнул, побледнев,
Знай, что вложен в разум твой вкрадчивый напев.

Раз хотеть умеешь ты, научись молчать,
Взор безгласный — для души — прочная печать.

Раз цветок к тебе глядит, ласки ждет твоей,
Наклонись к нему нежней, смелым быть умей.

Но, любя, не торопи розовой зари,
Дай раскрыться лепесткам, медленно гори.

Из познавших новый день мудрым будет тот,
Кто увидит — мрака в свет полный переход.

Венчик нежный обожай, о, счастливец ты,
Видишь, дышут пред тобой яркие цветы.

Сада пышного теперь стал ты властелин,
Где пьянеют гроздья роз, мускус, и жасмин.

Знать, хотеть, молчать, и сметь — радостный завет,
Этот светлый талисман дал нам Магомет.

Помня, сам Пророк сказал, бросив луч в мечты:
«В этом мире я люблю — женщин и цветы».

ЖИВИ

«Живи один», — мне Мысль сказала, —
«Звезда Небес всегда одна.
Забудь восторг, начни сначала.
Дорога скорби — суждена».

«О, нет», — шепнуло ей Мечтанье. —
«Звезда — одна, один — цветок,
Но их дыханья и сиянья
Проходят множеством дорог».

И вечно-юное Стремленье
Прервало их неравный спор.
Взял лютню я, — и волны пенья,
Звеня, наполнили простор.

КРУЖЕВНЫЕ УЗОРЫ

Ipsa jussit inane totae virgines
nubant rosae.

Pervigilium Veneris

Воля Венеры — чтоб утром
венчались все девушки с розами.

Латинский стих

ЮНАЯ ДЕВУШКА

Милая юная девушка, с глазами как сказка прекрасными,
Как сказка, которую в детстве читал,
С глазами, где небо воздушное зарницами светит неясными,
Ты видишь, ты знаешь: мы близки, тебя я мечтаньем ждал.

И строки с напевностью зыбкой, мои слова торопливые,
Прерывисты, девушка милая, оттого, что, дрожа и звеня,
Они навстречу спешат к тебе, и шепчут, счастливо-стыдливые:
«О, сказка, я *вижу*, я *слышу*! *Ты* видишь, *ты* слышишь меня?»

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Она была в кого-то влюблена.
Дышал Апрель. И зелень молодая
Была светло-девически-нежна.

Узорность облачков, воздушно тая,
В лазури утопала, как мечты,
Сирень пьянила воздух, расцветая.

И девушка, в расцвете красоты,
На утре дней, смотря прозрачным взором,
Преображала все свои черты.

Душа светилась свадебным убором,
И нежная все делалась нежней,
Влюбленность облекала легким флером.

О, девушка, ты в светлой зыби дней,
Средь вод, где волны только закипают,
Баюкают мельканием огней.

И пусть мечты с другим тебя сливают,
Пусть я тебе далекий и чужой,
Мои слова твой сон не прерывают.

К твоей душе я льну своей душой,
С тобой я слит, как луч с лучом, согласный,
Как свет в волне, я нежно, вольно твой.

Люблю тебя, люблю, мой сон прекрасный!

ГРЕЗА

Мне грустно, Поэт. Ты пойми: не весталка я,
И нет, не русалка я, лунно-холодная.
Я только любовница, бледная, жалкая,
Я — греза Поэта, я — в мире безродная.

Меня ты поманишь, капризный, но вкрадчивый,
Я тотчас к тебе из-за Моря спешу,
Стараюсь быть кроткой, послушной, угадчивой,
Тобою одним и свечусь, и дышу.

Глазами в глаза проникаю бездонные,
Любви ты захочешь, — целую тебя,
Как жемчуг, сплетаю созвучья влюбленные,
Устанешь, — страдаю, и таю, любя.

Захочешь, — с тобой я, захочешь, — далеко я,
Все, все, что ты хочешь, тебе отдаю,
Но только с тобой — я всегда одинокая,
И я без тебя — одиноко пою.

Ты нежен, Поэт, ты с душою воздушною,
Но нет мне слияния даже с тобой,
Понять ты не можешь подругу послушную,
Хоть часто даришь мне венок голубой.

Ты все ж, хоть Поэт, устаешь от мечтания,
Сливаешься с жизнью людскою — изношенной.
И нет мне слияния, вечно изгнание,
Я — греза, я — призрак любовницы брошенной.

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

О, люди, жалко-скучные, о, глупые затейники,
Зачем свои мечтания в слова вложили вы?
Вы ходите, вы бродите, по селам коробейники,
Но все людские вымыслы поблеклы и мертвы.

Словами захватали вы все радости желанные,
Все тайное лишили вы светло-заветных чар.
И травы грубо топчете, и бродите, обманные,
И, сгорбленные, носите непрошенный товар.

Торгуете, торгуетесь, назойливо болтаете,
Ступая, убиваете безмолвные цветы.
И все, что в мысли просится, на деньги вы считаете,
И в сердце оставляете проклятье пустоты.

О, скупщики корыстные, глядельщики бесстыдные,
Оставьте нас, — ужели же вам мало городов?
Луга мои, мечты мои, неслышные, невидные,
Найду ли для любви моей нетронутых цветов!

СЕРАЯ ПТИЧКА

О, серая птичка, с глазами печальными, черными.
И с грудкою алою, точно в крови, —
Не бейся о клетку, с углами ее, с прутьями железными,
узорными.
В клетке — живи.

Ты бьешься, ты бьешься. Ужели еще ты не знаешь
всемирной законности?

Кто сеть расставляет, тот в клетке умеет держать.
О, серая птичка, не бейся, подчинись непреклонности,
Научись — даже в клетке, звенеть в дышать.

ПОЛЬСКОЙ ДЕВУШКЕ

В ней есть что-то лебединое,
Лебединое, змеиное.
И поет мечта несмелая: —
Ты ужалишь, лебедь белая?

*Б.****

1

Мне нравятся нежные лепеты сказки,
И юность, и флейты, и ласки, и пляски.
И чуть на тебя я взгляну, — я ликую,
Как будто с тобой я мазурку танцую.

2

Я люблю из женщин тех,
В чьих глазах сверкает смех.
Оттого и без огня
Зажигаешь ты меня.

3

Я люблю. И разве грех,
Что в тебе люблю я смех?
Утро можно ль не любить?
Солнце можно ли забыть?

4

Ты вся мне воздужно-желанна,
Ты вся так расцветно-нежна.
Ты — май. Неужели же странно,
Что весь пред тобой я — весна.

5

Ты вся мне воздушно-желанна,
Так как же тебя не любить?
Ты нежная польская панна,
Так как же мне нежным не быть?

6

Люди скрывают в себе боязливо
Нежное слово — люблю.
Глупые. Ежели сердце счастливо,
Разве я счастьем своим оскорблю!

7

В душе моей были упреки, ошибки,
Но ты предо мной, улыбаясь, предстала,
И вдруг я услышал певучие скрипки,
И мы закружились в веселии бала.

8

В душе моей темное что-то боролось,
В душе моей было угрюмо, пустынно.
Но я услыхал твой девический голос,
И понял, как может быть сердце невинно.

9

Отчего душа проснулась?
Я спросил, тревожный, знойный.
Ты безмолвно усмехнулась,
И умчал нас танец стройный.

10

Это счастие откуда?
Но опять, одной улыбкой,
Ты сказала: «Радость чуда».
И помчал нас танец зыбкий.

11

Душа полна растроганности кроткой,
Я в сад вошел, в осчастливлен был
Нежданно-нежною находкой:
Вдруг вижу, вот, я полюбил.

12

Я нашел, весь пронзенный лучами, цветок,
И как тучка на небе, я медлю и таю,
Так желанен мне каждый его лепесток,
Что, смотря на расцвет, я и сам расцветаю.

13

В тебе музыкальные сны,
Зеркальность бестрепетных взоров,
Сверканье певучей струны,
Согласье манящих узоров.

14

Ты вся — светловодный ручей,
Бегущий средь мягких излучин,
Твой взор — чарованье лучей,
Твой смех упоительно-звучен.

15

Ты свет примирительный льешь,
Но вдруг, словно в ткани узорной,
Ты прячешься, дразнишь, зовешь,
И смотришь лукаво-задорной.

16

Будь вечно такою счастливой,
Что, если узнаешь ты горе,
Лишь легкой плакучею ивой
Оно б отразилось во взоре.

17

Когда ты в зеркальности чистой
Допустишь хоть трепет случайный,
В душе моей лик твой лучистый
Все ж будет бестрепетной тайной.

18

Я тебя сохраню невозбранно,
И мечты, что пленительно-юны,
О, воздушная польская панна,
Я вложу в золотистые струны.

19

Когда ты узнаешь смущенность,
О, вспомни, что, нежно тоскуя,
Тебе отдавая бездонность,
В ответ ничего не прошу я.

20

Нежное золото в сердце зажглось.
Если кто любит блистающий свет,
Как же он Солнцу поставит вопрос?
В самой любви есть ответ.

21

О, Польша! Я с детства тебя полюбил,
Во мне непременно есть польская кровь: —
Я вкрадчив, я полон утонченных сил,
Люблю, и влюблен я в любовь.

22

Твой нежный румянец,
И нежные двадцать два года —
Как будто бы танец
Красивого в плясках народа!

ФИНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Нинике

Спи, моя деточка, глазки свои закрывая,
Спи, моя девочка, птичка моя полевая,
Светлоголовка, усни, хорошо тебе будет,
Спи, моя деточка, Бог тебя завтра разбудит.

Птичке своей Он навеет воздушные грезы,
Сплел колыбель ей Он нежно из листьев березы,
Сон наклонился с дремотой, и шепчет сквозь ветку:
Есть ли здесь деточка? Я убаюкаю детку.

Спит ли здесь деточка в мягкой своей колыбельке?
Славно ли деточке в теплой уютной постельке?
Спи, моя девочка, глазки свои закрывая,
Спи, моя деточка, птичка моя полевая.

ОСЕНЬ

1

Белесоватое Небо, слепое, и ветер тоскливый.
Шелесты листьев увядших, поблекших в мелькании дней.
Шорох листвы помертвевшей, и трепет ее торопливый,
Полное скорби качанье далеких высоких стеблей.

Степь за оградою сада, просторы полей опустелых,
Сонные мертвые воды затянутой мглою реки,
Сказочность облачных далей, безмолвных, печальных,
и белых,
Шелесты листьев увядших, их вздохи, и лепет тоски.

Смутная тайна мгновений, которые вечно стремятся,
Падают с призрачным звоном по склонам скалистых времен,
Осени саван сплетают, и траурной тканью ложатся,
Зимний готовят, холодный, томительный, длительный сон.

2

На кладбище старом пустынном, где я схоронил все надежды,
Где их до меня схоронили мой дед, мой отец, мой брат,
Я стоял под Луной, и далеко серебрились, белели одежды,
Это вышли из гроба надежды, чтобы бросит последний
свой взгляд.

На кладбище старом пустынном качались высокие травы,
Немые, густые, седые, и сердце дрожало в ответ.
О, надежды, надежды, надежды, неужели мертвы навсегда вы?
Неужели теперь вы мне шлете замогильный, прощальный
привет?

На кладбище старом пустынном, — услышал ответ
я безмолвный, —
Ты сам схоронил нас глубоко, ты сам закопал нас навек.
Мы любили тебя, мы дышали, мы скользили, как легкие
волны,
Но твое охладевшее сердце отошло от сияющих рек.

На кладбище старом пустынном, в безвременье ночи осенней,
За нами приходишь ты поздно, отсюда закрыта стезя.
Посмотри, все короче минуты, посмотри, все мгновенней,
мгновенней
В истечении Времени брызги, — и продлить нам свиданье
нельзя.

На кладбище старом пустынном, с сознанием, полным отравы,
Под мертвой Луною, сияньем, как саваном, был я одеть
И мгновенья ниспали в столетья, и качались высокие травы,
И отчаянье бледно струило свой холодный безжизненный
свет.

В БЕЛОМ

Я сидел с тобою рядом,
Ты была вся в белом.
Я тебя касался взглядом,
Жадным, но несмелым.

Я хотел в твой ум проникнуть
Грезой поцелуя.
Я хотел безгласно крикнуть,
Что тебя люблю я.

Но кругом сидели люди,
Глупо говорили.
Я застыл в жестоком чуде,
Точно был в могиле.

Точно был в гробу стеклянном,
Где-то там — другие.
Я — с своим виденьем странным,
В сказке летаргии.

И твои глаза горели
В непостижной дали.
Но мои сказать не смели,
Почему мерцали.

Ты — невеста, ты — чужая.
Ты и он — мечтанья.
Но застыл я, твердо зная,
Что любовь — страданье.

Вижу, вижу, как другого
Счастье ослепило.
Я утратил силу слова,
Но сильна могила.

Кто узнал с другим слиянье,
Тем не возродиться.
Я застыл, как изваянье,
Знаю, нам не слиться.

Смерть свои соткала сети,
Смерть непобедима.
Если есть любовь на свете,
Ты лишь мной любима!

ПРОЩАЙ

За наше «Когда-то» — последний привет.
И больше ни мысли, ни памяти нет.

Что было, то было. Что будет, не ждет.
И Солнце все дальше и дальше идет.

В разбеге прибоя таится отлив.
Но море рокочет, и рокот красив.

Мы счастливы были безумьем любви.
Минутным, неверным меня не зови.

Я нежен, я верен отшедшей мечте.
Но вот уже эти признанья — не те.

И счастлив — я светел — один — как звезда.
Не помни. Не думай. Прощай. Навсегда.

КОЛЬЦО

Нет, наша встреча не случайна,
И помню я твое лицо,
Меж нами дремлющая тайна,
Душа душе дала кольцо.

И нет в словах определенья
Для этой тайны, что вдвоем
Через потоки измененья
Мы не роняя пронесем.

И наших чувств не называя,
Затем, что им названья нет,
Мы будем светлы — вспоминая,
И созерцая тайный свет.

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, через годы, быть может, через дни
С тобой мы будем вместе, и будем мы одни.

И сердце сердцу скажет, что в смене дней и лет
Есть вечный, негасимый, неуловимый свет.

Он был у нас во взорах, названья нет ему,
Он будет снова — знаю, не зная почему.

Но мы, переменившись во внешностях своих,
Друг другу молча скажем, глазами, яркий стих.

Мы скажем: Вот, мы вместе. Где жизнь? Где мир?
Где плен?
Мы — жизнь, и в переменах для сердца нет измен.

Еще, еще мы скажем, но что, не знаю я,
Лишь знаю, что бессмертна любовь и жизнь моя.

Лишь знаю — побледнею, и побледнеешь ты,
И в нас обоих вспыхнут, лишь нами, все черты.

ТЫ ПРИШЛА

Ты пришла, как приходит весна,
Расцвела, как весенний цветок.
И в душе у меня тишина,
Хоть теперь от тебя я далек.

Тишина и созвучие строк,
И дрожанье, и пенье мечты.
Ты нежна, как воздушный намек,
Ты нежна, как ночные цветы.

Сердце хочет всегда Красоты,
Мысли жаждут цветов и зимой.
Ты была и останешься — ты,
Я в минувшем и будущем твой.

Мне не страшно быть порознь с тобой,
И звучит и не молкнет струна.
Ты под снегом, цветок голубой,
Но уж близко вторая весна.

ВНОВЬ

Я вновь хочу быть нежным,
Быть кротким навсегда,
Прозрачным и безбрежным,
Как воздух и вода.

Безоблачно прекрасным,
Как зеркало мечты,
Непонятым и ясным,
Как небо и цветы.

Я вновь хочу быть сонным,
Быть в грезе голубой,
И быть в тебя влюбленным,
И быть всегда с тобой.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Серебряные звезды, я сердце вам отдам,
Но только вы скажите — вы что ночным цветам
Сюда сияньем льете, сияя вечно там?

Серебряные мысли полночной тишины,
Вы нежны и нарядны на Празднике Весны,
Но что в вас тайно дышит? Какие в звездах сны?

Серебряные воды просторов неземных,
В зеркальностях Природы какой поете стих?
Вселенские озера! Потоки вод живых!

Так молча звезды с сердцем старался я сплести,
Душой своей вздыхая у Млечного Пути,
И талисман мечтая меж дружных звезд найти.

Я спрашивал, я слышал незримую струну,
Забыл, глядел ли в Небо, в свою ли глубину,
Но я любил, лелеял влюбленность и Весну.

Душа моя дрожала от пенья тайных строк,
В душе моей раскрылся неведомый цветок,
Узнать его названье я никогда не мог.

Но весь я полон пенья, сиянья странных снов,
О, праздник обрученья Небес и лепестков,
О, таинство венчанья созвездий и цветов!

МАНДОЛИНА

Светлый голос мандолины сладкой лаской прозвучал,
Точно кто-то поцелуй мой с поцелуем обвенчал.

Точно кто-то, властным словом, вызвав к жизни брызги струй,
Дал им литься, дал им слиться в долгий влажный поцелуй.

О, Неаполь! Волны Моря! Афродиты колыбель!
Легкий звон растет, лелея. Веет млеющий Апрель.

Белый снег в горах растаял, блеском влажности плывет.
Капля с каплей тесно слиты, ключ звенит, и ключ зовет.

Возвеличились, запели, закипели ручейки,
И в русле, как в колыбели, стало тесно для реки.

И река, в своем стремленьи, впала в Море, в блеск и гул,
В пенной зыби, в смутном пеньи, призрак ласковый мелькнул.

Губы — нежный цвет коралла, очерк бледного лица,
Струи, струи, поцелуи, струи, струи, без конца.

Сладкий голос мандолины, Итальянский светлый сон,
Нежный с нежным, близок мысли, юным с юным, в Жизнь влюблен.

НОЧНОЙ ЦВЕТОК

Вновь и вновь струятся строки
Звучно-сладостных стихов,
Снова зыблются намеки,
Вновь ищу во тьме грехов.

Темной ночью, глухо спящей,
Еле слышно в сад иду,
И под чащей шелестящей
С красотою речь веду.

«Красота моя, ты любишь?
Если любишь, будь моей».
«Милый, ты меня погубишь,
Милый, милый, пожалей».

Миг борьбы взаимно-нежной,
Спешный, слышный стук сердец,
Свет незримый, свет безбрежный, —
О, блаженство! Наконец!

Мглой ночною, черноокой,
Много скрыто жгучих снов.
«Милый, милый, ты — жестокий!»
В оправданье нужно ль слов?

Тот, кто любит, разве губит,
Раз желанное берет?
Он лишь нежит, он голубит,
В сердце мед он сладко льет.

И не ночью ли глубокой,
О, блаженство красоты,
Под лазурью звездоокой
Дышат нежные цветы?

Не во тьме ли, опьяненный,
Мглу поит ночной цветок,
Не жалея, что влюбленный,
Наконец, раскрыться мог?

ЛУННЫЙ СВЕТ

Легкий лист, на липе млея,
    Лунный луч в себя вобрал.
Спит зеленая аллея,
    Лишь вверху поет хорал.

Это – лунное томленье,
    С нежным вешним ветерком,
Легкость ласк влагает в пенье
    Лип, загрезивших кругом.

И в истоме замиранья
    Их вершины в сладком сне
Слышат лунное сиянье,
    Слышат ветер в вышине.

Свет Луны и ветер вешний,
    Бледный ландыш спит в тени,
Грезя, видит сон нездешний,
    Дню хранит свои огни.

Полон зыблемого звона,
    Легкой грезы и весны,
С голубого небосклона
    Принимает луч Луны.

Лик Луны, любовь лелея,
    Мир чарует с высоты.
Спит зеленая аллея,
    Спят деревья и цветы.

«BEN ESCRIVIA MOTZ ET SONS»

О забытом трубадуре, что ушел в иной продел,
Было сказано, что стройно он слагал слова и пел.
И не только пел он песни, но умел их записать,
В знаки, в строки, и в намеки жемчуг чувства нанизать.

Эти песни трубадура! Эти взоры chatelaine!
Эти звоны, перезвоны двух сердец, попавших в плен.
Я их вижу, знаю, слышу, боль и счастье их делю,
Наши струны вечно-юны, раз поют они: «Люблю».

Мертвый замок, долгий вечер, мост подъятый, рвы с водой,
Свет любви, и звон мгновенья вьются, льются чередой.
Нет чужих, и нет чужого, нет владык, и нет рабов,
Только льется серебристый ручеек напевных слов.

О, ручей, звончей, звончее. Сердце просит, мысль зовет.
Сердце хочет, мысль подвластна, власть любви — как
сладкий мед.
Эта власть раба равняет с самой лучшей из цариц.
Взор темнеет, сказка светит из-под дрогнувших ресниц.

Эти песни трубадура! Эти взоры chatelaine!
Сколько пышных стран раскрылось в двух сердцах средь
темных стен.
Раб — с царицей, иль рабыня наклонилась к королю?
О, любите, струны — юны, раз поют они: «Люблю»!

ЧЕРНАЯ ОПРАВА

Die Hochzeit kam fur Licht und Finsterniss.

Nietzsche

Свадьба настала для Света и Тьмы.

Ницше

ПЛЯСКА АТОМОВ

Яйцевидные атомы мчатся. Пути их — орбиты спиральные.
В нашем видимом явственном мире незримая мчится
Вселенная,
И спирали уходят в спирали, в незримости — солнца
овальные,
Непостижные в малости земли, планетность пылинок
бессменная.

Сочетанья, сплетенья, круженье потока
сокрыто-мальстрёмного,
Да и *нет* этих атомов зыбких, в слияньи с эфирным
течением,
Пляски дикого смерча, циклона,
безмерно-бездонно-огромного,
Изначальное празднество чисел, закрученных сложным
стремлением.

В чем их цель, в чем их смысл, этих плясок, зачем
коловратность бессменная,
Не дознались Индийцы, Китайцы, не ведала мудрая Греция,
И о смысле их шабаша знает надменная мысль современная
Так же мало, как старые песни, наивные песни Лукреции.

Но несчетности атомов мчатся, Вселенная дышит
Вселенными,

Несосчитанность явностей наших с бездонной Незримостью скована,
И желанно ли нам, нежеланно ль быть вакхами, будучи пленными,
Но кружиться должны мы, должны мы — зачем? — нам узнать не даровано.

ИХ ДВОЕ

Довременно Доброе Начало,
Довременно и Начало Злое.
Что сильнее, — Мысль мне не сказала,
Лишь одно известно мне: — Их двое.

Гений неразлучен с темным Зверем,
Лик Огня — в эбеновой оправе,
Веря в Бога — в Дьявола мы верим,
Строим Замок — быть при нем канаве.

Ты дрожишь, облыжное Мечтанье,
Как собака под хлыстом владыки?
Маятника лживое болтанье,
В Замке — песни, в подземелье — крики.

Маятник — прикованный и медный,
Мечется и вправо он и влево,
Эта сказка — кажется мне бледной,
Я дрожу от бешеного гнева.

Я дрожу — и Мысли нет исхода,
Раз я светлый — весь мой мрак откуда?
Красота — в объятиях урода,
Бог Христос — и рядом с ним Иуда.

Тут и Чудо — Мысли не поможет,
Потому что разум мой — не чувство,
Потому что Мысль играть не может,
И не прячет доводов в Искусство.

Если Мир — как Мир — противоречье,
Я не знаю, чем он разрешится.
В Вавилоне — разные наречья,
И всезрящей башне — ввысь не взвиться.

Умствователь нищий, я слабею,
Предаюсь безумному Поэту,
Боль зову я правдою своею,
В темной Ночи песнь слагаю Свету.

ПРОНУНСИАМИЭНТО

Снова Тень, и снова Дьявол, снова Тень, и снова боги,
Снова тягость перекрестков, и несчетные дороги.
Будет, будет. Надоело. Есть же мера наконец.
Если жалкую повторность ты не видишь, ты — глупец.

Или нужно в самом деле нам вздыхать, бледнеть всечасно?
Даже глупая ищейка устает искать напрасно.
И тогда ее хозяин прочь с собой ведет домой:
И не скажет: «Псу — усталость!» И не скажет: «Отдых — мой!»

Нет, собаку холит, кормит — кто идет за красной дичью.
Это только справедливость, тут и места нет величью.
Мы же, люди, кто мы? Что мы? — Кто не слеп, тот сам суди: —
Мы — охотник, мы — собака, или — зверь с копьем в груди?

Выбирайте. Только, братья, раз хотите вы лохмотий,
Я вам больше не товарищ, здесь, на этом повороте.
Брама, Вишну, Сива, Эа, Мирри-Дугга, Один, Тор,
Витцлипохтли, маски, маски, это все сплошной позор.

В лабиринтах ли Индийских, или в бешеной Валгалле,
На уступах пирамидных Мексиканских теокалли,
Всюду — Демону в угоду — истязание умов,
Трепет вырванного сердца, темный праздник, темный ров.

Жертва, жертва, нож вонзенный, ужас взора, кровь из груди,
Растоптанье, оскверненье, одураченные люди.
Прочь, кошмары, Ночь провальна, прочь, Дракон, и прочь, Змея,
Я люблю одну бездонность, это — Воля, это — Я.

Вера в Тени это только — мозговая паутина,
Призрак Дьявола — попутчик Привиденья-Исполина.
Против этих двух Бактерий прибегаю я к Лучу: —
Нет их больше! Нет их больше! Больше Чудищ не хочу!

МИРОВАЯ ТЮРЬМА

Когда я думаю, как много есть Вселенных,
Как много было их, и будет вновь и вновь, —
Мне Небо кажется тюрьмой несчетных пленных,
Где свет закатности есть жертвенная кровь.

Опять разрушатся все спайки, склейки, скрепы,
Все связи рушатся, — и снова будет Тьма.
Пляс жадных атомов, чудовищно-свирепый,
Циклон незримостей, стихийная Чума.

И вновь сомкнет, скует водоворот спиральный,
Звено упорное сложившихся планет,
И странной музыкой, безгласной и печальной,
В эфирных пропастях польется звездный свет.

И как в былые дни, чтоб прочным было зданье,
Под основание бывал живой зарыт, —
В блестящих звездностях есть бешенство страданья,
Лучист Дворец Небес, но он из тяжких плит.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Мучительная слитность
Волны с волной, волны с волной, в туманной неразрывности.

Томленье, беззащитность
Всех наших дум, всех наших снов, во всей их страшной
дивности.

Волна волной быть хочет,
Но прочь уйти от прочих волн никак нельзя в Безбрежности.
И сердцу ум пророчит,
Что каждый миг, что каждый луч есть отблеск
Безнадежности.

БОГ ОКЕАН

Волны морей, беспредельно — пустынно — шумящие,
Бог Океан, многогласно — печально — взывающий.
Пенные ткани, бесцельно — воздушно — летящие,
Брызги с воздушностью, призрачно — сказочно — тающей.

Горькие воды, туманно — холодно — безбрежные,
Долгий напев, бесконечно — томительно — длительный,
Волны морей, без конца — без конца — безнадежные,
Бог Океан, неоглядно — темно — утомительный.

ГОРЕНЬЕ

Изначально горенье Желанья,
А из пламени — волны повторные,
И рождаются в Небе сиянья,
И горят их сплетенья узорные.

Неоглядны просторы морские,
Незнакомы с уютом и с жалостью,
Каждый миг эти воды — другие,
Полны тьмою, лазурностью, алостью.

Им лишь этим и можно упиться,
Красотою оттенков различия,
Загораться, носиться, кружиться,
И взметаться, и жаждать величия.

Если ж волны предельны, усталы,
В безднах Мира, стеной онемелою,
Возникают высокие скалы,
Чтоб разбиться им пеною белою.

МУДРЕЦЫ ГОВОРЯТ

Мудрецы говорят: описать нам Его невозможно,
Трижды темная Тайна, хоть Он — ослепительный Свет.
Лишь скажи утвержденье, — оно уж наверное ложно,
Все реченья о Нем начинаются с возгласа: «Нет».

Нет в Нем скорби, ни жизни, ни смерти, ни снов,
ни движенья,
Но, скорбя со скорбящим, с живущим живет Он как брат.
И повсюду, во всем, ты увидишь Его отраженья,
Он в зрачках у тебя, Он твой первый, последний твой взгляд.

Не терзайся, душа, если речь рассказать неспособна
То, что, будучи Словом, бежит от несчетности слов.
Капля каждая — видишь — играет и искрится дробно,
И не капле явить Океан, без теснин берегов.

Мудрецы — говорят. Но не медли, душа, с мудрецами,
Если хочешь побыть с Тем, Кто в каждой песчинке пустынь.
Видишь — горы горят снеговыми своими венцами?
Их молчанье — с душой, их молчанье есть область святынь.

Лишь вступи в этот мир, или пенью внимай Океана, —
Ты вздохнешь и поймешь, что беседует Кто-то с тобой,
И закроется в сердце глубокая алая рана,
И утонет душа в Белизне, в глубине голубой.

КАК ЗНАТЬ!

Далеко идут — идут пути.
Ждут ли нас, в конце их, за горами?
Есть ли Бог? Он сжалится ль над нами?
Есть ли Бог, и как Его найти?

Затаив невыраженный вздох,
Я прошел несчетные дороги.
Мозг болит, болят глаза и ноги.
Я не знаю, братья, есть ли Бог.

Все устали в тягостном пути.
Вот, теперь последняя дорога.
Если даже здесь не встретим Бога,
Больше негде Бога нам найти.

Страшный путь. Уступы. Скудный мох.
Западнями — всюду щели, срывы.
Будем ли в конце концов счастливы?
Как узнать! Как знать, какой Он, — Бог!

НЕ ОБВИНЯЙ

Не обвиняй, не обвиняй. Быть может, он неправ.
Но он в тюрьме твоей забыл пучок душистых трав.
И он в тюрьме твоей забыл замуровать окно.
И Мир Ночной, и Мир Дневной идут к тебе на дно.

Ты потонул. Ты здесь уснул. И встать не можешь ты.
Но вот в тюрьме глядят, растут, и царствуют цветы.
На месте том, где ты лежишь, как труп ты должен быть,
Но сердце знает, что нельзя созвездья не любить.

Не обвиняй, не обвиняй — хотя бы потому,
Что обвиненьем все равно не повредишь ему,
А только сделаешь свой взор тяжелым и больным.
И, если вправду он неправ, сравняешься ты с ним.

А если то не случай был, что он забыл цветы?
А если то не случай был, что Небо видишь ты?
Как взглянешь ты, когда он вдруг в тюрьме откроет дверь,
Отворит дверь, что заперта, закована теперь?

Я знаю, больно ждать того, что только может быть.
Но счастлив тот, кто даже боль сумеет полюбить.

Я знаю все. Мне жаль тебя. Но чу! Цветы — цветут.
Мой брат, я — дух того, кто был — в твоей тюрьме — вот тут.

ОТЗВУКИ БЛАГОВЕСТА

В недвижности, в безгласной летаргии
Прибрежных скал, молчащих над водой, —
Молчащих век, века, еще, другие,
Молчащих в безглагольной летаргии, —
Есть смысл — какой? — не уловить мечтой,
Но только вечный, благостный, святой,
Сильней, чем все напевности морские.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Запад и Север объяты
Пламенем вечера сонного.
Краски печально-богаты
Дня безвозвратно-сожженного.

Ветер шумит, не смолкая,
Между листов опадающих.
С криком проносится стая
Птиц, далеко улетающих.

Счастлив, кто мудро наполнил
Хлебом амбары укромные.
Горе, кто труд не исполнил,
Горе вам, мыслями темные!

ТЕНЬ ОТ ДЫМА

Мое несчастье несравнимо
Ни с чьим. О, подлинно! Ни с чьим.
Другие — дым, я — тень от дыма,
Я всем завидую, кто — дым.

Они горели, догорели,
И, все отдавши ярким снам,
Спешат к назначенной им цели,
Стремятся к синим небесам.

Великим схвачены законом,
Покорно тают в светлой мгле.
А я, как змей, ползу по склонам,
Я опрокинут на земле.

И я хотел бы на вершины
Хоть бледным призраком дойти,
Они — для всех, они едины,
Но я цепляюсь по пути.

Увы, я сам себя не знаю,
И от себя того я жду,
Что преградит дорогу к Раю,
Куда так зыбко я иду.

ВОСПОМИНАНИЕ

Снежные храмы в душе возвышаются,
Горные замки из чистого льда,
Воспоминаньем они называются, —
Но не тревожь их мечтой никогда.

Некогда жившие, страстно любившие,
Вставшие светлой немой чередой,
Воспоминанья кристаллы застывшие, —
Но не буди их тревожной мечтой.

Воспоминанья граничат с раскаяньем,
Только их тронешь горячим лучом,
Льды разомкнутся, смягченные таяньем, —
Снежные глыбы польются ручьем.

Белые хлопья, потоками мутными,
Жадные, падают вниз с высоты,

С комьями грязи несутся попутными, —
Воспоминание, это ли ты?

Где же все чистое? Где все невинное?
Храмы и замки из снега и льда?
Воспоминания — тяжесть лавинная, —
О, не тревожь их мечтой никогда!

ГЕНИЙ МГНОВЕНЬЯ

Ко мне приходят юноши порой.
Я их пленяю ласковой игрой
Моих стихов, как флейта, лунно-нежных,
Загадкой глаз, из мира снов безбрежных.
Душа к душе, мы грезим, мы поем.
О, юноши, еще вы чужды грязи,
Которую мы буднями зовем.
Ваш ум — в мечте опаловой, в алмазе,
В кораллах губ, сомкнутых сладким сном.
Но вы ко мне приходите наивно,
Моя мечта лишь призрачно-призывна.
Зову, но сам не знаю никогда,
В чем свет, мой свет, и он влечет — куда.
Но я таков, я с миром сказок слитен,
Как снег жесток, — как иней, беззащитен.

ЧИТАТЕЛЬ ДУШ

Читатель душ людских, скажи нам, что прочел ты?
Страницы Юности? Поэмы Красоты?
— О, нет, затасканы, истерты, темны, желты
В томах людской души несчетные листы.

Я долго их читал, и в разные наречья
Упорно проникал внимательной мечтой,
Все думал в их строках нежданность подстеречь я,
Искал я тайны тайн за каждою чертой.

Я родился чтецом, и призрачные строки
Полуослепший взор волнуют, как всегда,
Я жажду островов, ищу, люблю намеки,
Их мало, и горька в морях души вода.

За днями странствия, усталый, истомленный,
В книгохранилище случайное зайду,
Перед чужой душой встаю, как дух бессонный,
И укоризненно беседы с ней веду.

Зачем так бледны вы, несмелые стремленья?
Зачем так гордости в вас мало, сны людей?
Я иногда хочу, вам всем, уничтоженья,
Во имя свежести нетронутых полей.

Не потому ль, храня незримую обиду,
Природа вольная замыслила потоп,
Прияла гневный лик, и стерла Атлантиду,
Чтоб все повторности нашли свой верный гроб?

Нам быстрый час грозит. Есть мера повторенья.
Природа стережет, и утра ждет от нас.
Сожжемте ж прошлое, сплетем в венок мгновенья,
Начнем свою Весну, скорей, теперь, сейчас!

ЗАМОК

Глубокие рвы. Подъемные мосты.
Высокие стены с тяжелыми воротами.
Мрачные покои, где сыро и темно.
Высокие залы, где гулки так шаги.
Стены с портретами предков неприветных.
Пальцы, чтоб ткань все ту же вышивать.
Узкие окна. Внизу — подземелья.
Зубчатые башни, их серый цвет.
Серый их цвет, тяжелые громады.
Что тут делать? Сегодня — как вчера.
Что тут делать? Завтра — как сегодня.
Что тут делать? Завтра — как вчера.

Только и слышишь, как воет ветер.
Только и помнишь, как ноет сердце.
Только взойдешь на вершину башни.
Смотришь на дальнюю даль горизонта.
Там, далеко, страны другие.
Здесь все те же леса и равнины.
Там, далеко, новое что-то.
Здесь все те же долины и горы.
Замок, замок, открой мне ворота —
Сердце больше не может так жить.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ШАР

Не говори мне — Шар Земной, скажи точнее — Шар
Железный,
И я навеки излечусь от боли сердца бесполезной,
Да, Шар Железный, с круговым колодцем скрытого огня,
И легким слоем верховым земли с полями ячменя.

С полями ржи, с лугами трав, с зелеными коврами леса,
С громадой гор, где между скал недвижных туч висит завеса,
И с этой плесенью людской, где ярче всех — кто всех старей,
Кто мозг свой жадный расцветил насчет умов других людей.

Я только должен твердо знать, что жесток этот Шар
Железный.
И пусть, и пусть. Зачем же грусть? Мы с ним летим
воздушной бездной.
Зачем же мягким буду я в железный, в жесткий этот век?
Я меч беру — и я плыву — до устья пышных — пышных рек.

ПРИМЕТА

Только ты в мои ум проник,
В замок, спрятанный за рвами.
Ты увидел тайный лик,
С зачарованными снами.

Что нам этот бледный мир?
Есть с тобой у нас примета:
В каждом схимнике — вампир,
В каждом дьяволе — комета.

Только ты поймешь меня.
Только ты. На что мне люди!
Мы — от Духа и Огня,
Мы с тобою — чудо в Чуде.

ЗМЕЯ

Постой. Мне кажется, что я о чем-то позабыл.
Чей странный вскрик: «Змея! Змея!» — чей это возглас был?
О том я в сказке ли читал? Иль сам сказал кому?
Или услышал от кого? Не знаю, не пойму.

Но в этот самый беглый миг я вспомнил вдруг опять,
Как сладко телом к телу льнуть, как радостно обнять,
И как в глаза идет огонь зеленых женских глаз,
И как возможно в Вечный Круг сковать единый час.

О, в этот миг, когда ты мне шепнула: «Милый мой!» —
Я вдруг почувствовал, что вновь я схвачен властной Тьмой,
Что звезды к звездам в Небесах стремительно текут,
Но все созвездья сплетены в один гигантский жгут.

И в этот жгут спешат, бегут несчетности людей,
Снаружи он блестящ и тверд, но в полости своей,
Во впалой сфере жадных звезд сокрыта топь болот,
И кто войдет, о, кто войдет, — навек с ним кончен счет.

Безумный сон. Правдив ли он иль ложен, — как мне знать?
Но только вдруг я ощутил, что страшно мне обнять,
И я люблю — и я хочу — и я шепчу: «Моя!»
Но молча в памяти моей звенит: «Змея! Змея!»

ГРАНИЦЫ

Я задыхался много раз,
В глубокой тьме, и в поздний час,
И задыхались близ меня
Другие люди, без огня.

О, да, без лампы, без свечей.
И в доме, бывшем как ничей,
Где только стены говорят,
И даже взгляд не видит взгляд.

Но стены! Стены суть черты,
Границы смежной темноты,
Где тоже кто-то, в поздний час,
Дышал, задохся, и погас.

И два, один с другим, молчат.
И в душах сатанинский чад,
И двум их близость говорит.
Что атом с атомом не слит.

ЛЕМУРЫ

Правдивая сказочка

Троеглазые Лемуры,
Телом тяжки и понуры,
Между сосен вековых,
Там, где папоротник-чудо
Разрастается, как груда,
Собрались — и сколько их!

И какой их вид ужасный,
Каждый там — как сон неясный,
Как расплывчатый кошмар,
Исполинские младенцы,
Гнутся пальцы их в коленцы,
Каждый там ни юн, ни стар,

Гнутся руки, гнутся ноги,
Как огромные миноги,
Ноги с пяткой откидной,
Чтоб ходить вперед и задом,
Измеряя задним взглядом
Все, что встанет за спиной.

Да, опасна их дорога,
Плащ их — кожа носорога,
Шкура складками висит,
Над безмозглой головою
Кисти с краской голубою,
С алой краской, — что за вид!

В каждой особи двуполой
Дьявол светится — веселый,
Но веселием таким, —
Тут разумный только взглянет,
Каждый волос дыбом встанет,
Сердце станет ледяным.

Речь их — мямленье сплошное,
«*А*» и «*о*» и «*у*» двойное,
Бормотание и вой,
Желатинность слитных гласных,
Липкость губ отвратно-страстных,
И трясенье головой.

И однако ж, вот что, детки:
То не сказка, это предки,
Это мы в лесах страстей, —
Чтобы в этом убедиться,
Стоит только погрузиться
В лабиринт души своей.

ПРОКЛЯТИЕ ЧЕЛОВЕКАМ

Мы, человеки дней последних, как бледны в жизни мы
своей!
Как будто в Мире нет рубинов, и нет цветов, и нет лучей.

Мы знаем золото лишь в деньгах, с остывшим бледным
серебром,
Не понимаем мысли молний, не знаем, что поет нам гром.

Для нас блистательное Солнце не бог, несущий жизнь и меч,
А просто желтый шар центральный, планет сферическая печь.

Мы говорим, что мы научны, в наш бесподобный умный век,
Я говорю — мы просто скучны, мы прочь ушли от светлых
рек.

Мы разорвали, расщепили живую слитность всех стихий,
И мы, живя одним убийством, бормочем лживо: «Не убий».

Я ненавижу человеков, в цилиндрах, в мерзких сюртуках,
Исчадья вечно-душных комнат, что могут видеть лишь
в очках.

И видят — только пред собою, так прямо, ну, сажени две,
И топчут хилыми ногами, как звери, все цветы в траве.

Сказав — как звери, я унизил — зверей, конечно, не людей,
Лишь меж зверей еще возможна — жизнь, яркость жизни,
без теней.

О, человеки дней последних, вы надоели мне вконец.
Что между вас найти могу я, искатель кладов и сердец!

Вы даже прошлые эпохи наклейкой жалких слов своих
Лишили грозного величья, всех сил живых, размаха их.

Когда какой-нибудь ученый, сказать точнее — маниак,
Беседовать о прошлом хочет, начнет он бормотанье так: —

То были дни Ихтиозавров, Плезиозавров... О, глупец!
Какие клички ты придумал! Дай не ярлык мне, — образец!

Дай мне почувствовать, что были пиры и хохот Вещества,
Когда не знали страсти — тюрем, и кровь живых — была
жива.

Ихтиозавры, Динозавры, и Птеродактили — суть бред,
Не бред Стихий, а лепет мозга, который замкнут в кабинет.

Но, если я скажу, что ящер влачился по земле как дом?
Был глыбистой летучей мышью, летел в надземности китом?

И мы при имени Дракона литературность ощутим: —
Кто он? То Дьявол — иль Созвездье — Китайский символ —
смутный дым?

Но, если я скажу, что где-то многосаженный горный склон
Восколебался, закачался, и двинулся — и был Дракон?

Лабораторная зачахлость! Ты смысл различья ощутил?
Иль нужно изъяснить понятней, что ты хромец, лишенный
сил?

О, дни, когда был так несроден Литературе человек,
Что, если закрепить хотел он, что слышал от морей и рек,

Слагал он сложные понятья — в гиэроглифы, не в слова,
И панорама Неба, Мира в тех записях была жива.

То живопись была, слиянье зверей, людей, и птиц, в одно, —
Зачем, Изида, возле Сфинкса, под Солнцем быть мне
не дано!

ЧЕЛОВЕЧКИ

Человечек современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкий собственник, законник, лицемерный семьянин.
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
Вся душа его, душонка — точно из морщин.

Вечно должен и не должен, то нельзя, а это можно,
Брак законный, спрос и купля, облик сонный, гроб сердец,
Можешь карты, можешь мысли передернуть — осторожно,
Явно грабить неразумно, но — стриги овец.

Монотонный, односложный, как напевы людоеда: —
Тот упорно две-три ноты тянет — тянет без конца,
Зверь несчастный существует от обеда до обеда,
Чтоб поесть, жену убьет он, умертвит отца.

Этот ту же песню тянет, только он ведь просвещенный,
Он оформит, он запишет, дверь запрет он на крючок.
Бледноумный, сыщик вольных, немочь сердца, евнух
сонный, —
О, когда б ты, миллионный, вдруг исчезнуть мог!

БЭДЛАМ НАШИХ ДНЕЙ

Delirant, vociferantur, rident, plorant, ejulant, praelongam aggerunt linguam, obscena loquuntur...

Врач, об одержимых
Лудунскими дьяволами

Безумствуют, кричат, смеются,
Хохочут, бешено рыдают,
Предлинным языком болтают,
Слов не жалеют, речи льются,
Многоглагольно, и нестройно,
Бесстыдно, пошло, непристойно.

Внимают тем, кто всех глупее,
Кто долог в болтовне тягучей,
Кто человеком быть не смея,
Но тварью быть с зверьми умея,
Раскрасит краскою линючей
Какой-нибудь узор дешевый,
Приткнет его на столб дубовый,
И речью нудною, скрипучей,
Под этот стяг, сбирает стадо,
Где каждый с каждым может спорить,
Кто всех животней мутью взгляда,
Кто лучше сможет свет позорить.

О, сердце, есть костры и светы,
Есть в блеск одетые планеты,
Но есть и угли, мраки, дымы
На фоне вечного Горенья.
Поняв, щади свои мгновенья.
Ты видишь: эти — одержимы,
Беги от них, им нет спасенья,
Им радостно, что Бес к ним жмется,
Который Глупостью зовется,
Он вечно ищет продолженья,
Чтоб корм найти, в хлевах он бродит,
И безошибочно находит
Умалишенные виденья.

О, сердце, Глупый Бес — как Лама,
Что правит душами в Тибете:
Один умрет — другой, для срама,
Всегда в запасе есть на свете.
Беги из душного Бэдлама.
И знай, что, если есть спасенье
Для прокаженных, — есть прозренье, —
И что слепцы Судьбой хранимы, —
Глупцы навек неизлечимы.

ВОЙНА

1

История людей —
История войны,
Разнузданность страстей
В театре Сатаны.

Страна теснит страну,
И взгляд встречает взгляд.
За краткую весну
Несчетный ряд расплат.

У бешенства мечты
И бешеный язык,

Личина доброты
Спадает в быстрый миг.

Что правдою зовут,
Мучительная ложь.
Смеются ль, — тут как тут.
За пазухою нож.

И снова льется кровь
Из темной глубины.
И вот мы вновь, мы вновь —
Актеры Сатаны.

2

Боже мой, о, Боже мой, за что мои страданья?
Нежен я, и кроток я, а страшный мир жесток.
Явственно я чувствую весь ужас трепетанья
Тысяч рук оторванных, разбитых рук и ног.

Рвущиеся в воздухе безумные гранаты,
Бывший человеческий и ставший зверским взгляд,
Звуков сумасшествия тяжелые раскаты,
Гимн свинца и пороха, напевы пуль звенят.

Сонмы пчел убийственных, что жалят в самом деле.
И готовят Дьяволу не желтый, красный мед,
Соты динамитные, летучие шрапнели,
Помыслы лиддитные, свирепый пулемет.

А далеко, в городе, где вор готовит сметы,
Люди крепковыйные смеются, пьют, едят.
Слышится: «Что нового?» Слегка шуршат газеты.
«Вы сегодня в Опере?» — «В партере, пятый ряд».

Широко замыслены безмерные мученья,
Водопад обрушился, и Хаос властелин,
Все мое потоплено, кипит, гудит теченье, —
Я, цветы сбирающий, что ж сделаю один!

3

«Кто визжит, скулит, и плачет?»
Просвистел тесак.
«Ты как мяч, и ум твой скачет,
Ты щенок, дурак!»

«Кто мешает битве честной?»
Крикнуло ружье.
«Мертвый книжник, трус известный,
Баба, — прочь ее!»

«Кто поет про руки, ноги?»
Грянул барабан.
«Раб проклятый, прочь с дороги,
Ты, должно быть, пьян!»

Гневной дробью разразился
Грозный барабан.
«Если штык о штык забился,
Штык затем и дан!»

Пушки глухо зарычали,
Вспыхнул красный свет,
Жерла жерлам отвечали,
Ясен был ответ.

Точно чей-то зов с амвона
Прозвучал в мечте,
И несчетные знамена
Бились в высоте.

Сильный, бодрый, гордый, смелый,
Был и я солдат,
Шел в безвестные пределы,
Напрягая взгляд.

Шло нас много, пели звоны.
С Неба лили свет
Миллионы, миллионы
Царственных планет.

ВОЙНА, НЕ ВРАЖДА

1

Мне странно подумать, что трезвые люди
Способны затеять войну.
Я весь — в созерцательном радостном чуде,
У ласковой мысли в плену.

Мне странно подумать, что люди враждуют,
Я каждому рад уступить.
Мечты мне смеются, любовно колдуют,
И ткут золотистую нить.

Настолько исполнен я их ароматом,
Настолько чужда мне вражда,
Что, если б в сражении был я солдатом,
Спокойно б стрелял я тогда.

Стрелял бы я метко, из честности бранной,
Но верил бы в жизнь глубоко.
Без гнева, без страха, без злобы обманной,
Убил бы и умер легко.

И знал бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчас,
Что это ошибка, ошибка чужая
На миг затуманила нас.

2

Да, я, наверно, жил не годы, а столетья,
Затем что в смене лет встречая — и врагов,
На них, как на друзей, не в силах не глядеть я,
На вражеских руках я не хочу оков.

Нет, нет, мне кажется порою, что с друзьями
Мне легче жестким быть, безжалостным подчас: —
Я знаю, что для нас за тягостными днями
Настанет добрый день, с улыбкой нежных глаз.

За миг небрежности мой друг врагом не станет,
Сам зная слабости, меня простит легко.
А темного врага вражда, как тьма, обманет,
И упадет он вниз, в овраги, глубоко.

Он не узнает сам, как слаб он в гневе сильном.
О, величаются упавшие, всегда: —
Бродячие огни над сумраком могильным
Считает звездами проклятая Вражда.

Я знаю, Ненависть имеет взор блестящий,
И искры сыплются в свидании клинков.
Но мысль в сто крат светлей в минутности летящей,
Я помню много битв, и множество веков.

Великий Архимед, с своими чертежами,
Прекрасней, чем солдат, зарезавший его.
Но жалче — тот солдат, с безумными глазами,
И с беспощадной тьмой влеченья своего.

Мне жаль, что атом я, что я не мир — два мира! —
Безумцам отдал бы я все свои тела, —
Чтоб, утомясь игрой убийственного пира,
Слепая их душа свой тайный свет зажгла.

И, изумленные минутой заблужденья,
Они бы вдруг в себе открыли новый лик, —
И, души с душами, сплелись бы мы как звенья,
И стали б звездами, блистая каждый миг!

ТРОЙСТВЕННОСТЬ ДВУХ

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Strange case of Dr. Jekill and
Mr. Hyde.

Stevenson[1]

Возвращение к жизни, и первый сознательный взгляд.
— «Мистер Хайд, или Джикил?» два голоса мне говорят.

[1] Странная история Доктора Джекила и мистера Хайда. *Стивенсон* (*англ.*).

Почему ж это «Или»? я их вопрошаю в ответ.
Разве места обоим в душе зачарованной нет?

Где есть день, там и ночь. Где есть мрак, там и свет есть
всегда.
Если двое есть в Мире, есть в Мире любовь и вражда.

И любовь ли вражду победила, вражда ли царит,
Победителю скучно, и новое солнце горит.

Догорит, и погаснет, поборется с тьмою — и ночь.
Тут уж, что же мне делать, могу ли я Миру помочь.

Ничего, Доктор Джикил, ты мудрый, ты добрый, ты врач,
Потерпи, раз ты Доктор, что есть Мистер Хайд, и не плачь.

Да и ты, Мистер Хайд, если в прятки играешь, играй,
А уж раз проигрался, прощай — или вновь начинай.

И довольно мне слов. Уходите. Я с вами молчу.
— О, начало, о, жизнь, неизвестность, тебя я хочу!

2. МИРОВОЕ ПРИЧАСТИЕ

L'idèe pure, l'infini...
Flaubert

«L'idee pure, l'infini, j'y aspire, il m'attire»...
О, искавший Флобер, ты предчувствовал нас.
Мы и ночи и дни устремляемся в Мир,
Мы в Бездонности ждем отвечающих глаз.

В наших жилах течет ненасытная кровь,
Мы безмерны в любви, безграничны вдвоем.
Но, любя как никто, не обманемся вновь,
И влюбленность души не телам отдаем.

В океанах мечты восколеблена гладь,
Мы воздушны в любви, как воздушен туман.

Но Елены опять мы не будем искать,
И войной не пойдем на безумных Троян.

Нет, иное светло ослепило наш взор,
Мы коснулись всего, растворились во Всем.
Глубину с высотой сочетали в узор,
С Мировым в мировом мы причастия ждем.

Больше медлить нельзя возле старых могил,
Что прошло, то прошло, что мертво, то мертво,
Мы в стозвучном живем, в Литургии Светил,
В откровеньи Стихий, в воскресеньи Всего.

3. «PAX HOMINIBUS BONAE VOLUNTATIS»[1]

Мир на Земле, мир людям доброй воли.
Мир людям воли злой желаю я.
Мир тем, кто ослеплен на бранном поле,
Мир тем, в чьих темных силах живет Змея.

О, слава Солнцу пламенному в вышних.
О, слава Небу, звездам, и Луне.
Но для меня нет в Мире больше лишних,
С высот зову — и тех, кто там, на дне.

Все — в Небесах, все — равны в разной доле,
Я счастлив так, что всех зову с собой.
Идите в Жизнь, мир людям доброй воли,
Идите в Жизнь, мир людям воли злой.

ГОРОД ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Сон волшебный. Мне приснился древний Город Вод,
Что иначе звался — Город Золотых Ворот.

В незапамятное время, далеко от нас,
Люди Утра в нем явили свой пурпурный час.

Люди Утра, Дети Солнца, Духи Страсти, в нем
Обвенчали Деву-Воду с золотым Огнем.

[1] «Мир людям доброй воли» (*лат.*).

Деву-Воду, что зачавши от лучей Огня,
Остается вечно-светлой, девственность храня.

Дети Страсти это знали, строя Город Вод,
Воздвигая стройный Город Золотых Ворот.

Яркость красок, мощность зданий, вал, над валом вал,
Блеск цветов, глядящих в Воду, в эту глубь зеркал.

Город-Сказка. С ним в сравненьи людный Вавилон
Был не так похож на пышный предрассветный сон.

С ним в сравнении Афины, Бенарес и Рим
Взор души не поражают обликом своим.

Это — сказка лет позднейших, отрезвленных дней,
Лет, когда душа бледнеет, делаясь умней.

В них не чувствуешь нежданных очертаний сна,
Уж не сердце в них, а разум, лето, не весна.

В них не чувствуешь безумья утренней мечты,
Властелинской, исполинской, первой красоты.

В тех, в забытых созиданьях, царствовала Страсть,
Ей, желанной, предается, вольно, все во власть.

Оттого-то Дети Солнца, в торжестве своем,
Башней гордою венчали каждый храм и дом.

Оттого само их имя — золото и сталь,
Имя гордое Атланта — Тольтек, Рмоагаль.

В будни жизнь не превращая, мир любя, они
Яркой краской, жарким чувством наполняли дни.

До монет не унижая золото, они
Из него ковали входы в царственные дни.

Вход Огнем обозначался в древний Город Вод,
Что иначе звался — Город Золотых Ворот.

ГВОЗДИКИ

Когда расцветают гвоздики в лесах.
Последние летние дни истекают.
В гвоздиках июльские дни замыкают
Ту юную кровь, что алеет в лучах.
И больше не вспыхнут, до нового года,
Такие рубины, такая свобода.

НА ЧЕРНОМ ФОНЕ

На черном фоне белый свет
Меня мучительно пленяет.
И бьется ум. Дрожит. Не знает,
Не скрыт ли страшный здесь ответ.

Боясь принять ответ жестокий,
Вопрос я тайный хороню.
И вновь молюсь. Молюсь — Огню,
В тени Стремнины звездоокой!

ФАТА МОРГАНА

Фата Моргана,
Замки, узоры, цветы, и цвета,
Сказка, где каждая краска, черта
С каждой секундой — не та,
Фата Моргана
Явственно светит лишь тем, кто, внимательный, рано,
Утром, едва только Солнце взойдет,
Глянет с высокого камня на Море,
К солнцу спиной над безгранностью вод.
С блеском во взоре,
К Солнцу спиной,
Правда ль тут будет, неправда ль обмана,
Только роскошной цветной пеленой
Быстро возникнет пред ним над волной
Фата Моргана.

1. КРАСНЫЙ

Кораллы, рубины, гранаты,
Вы странным внушеньем богаты: —
На вас поглядишь — и живешь,
Как будто кого обнимаешь, —
На вас поглядев, понимаешь,
Что красная краска не ложь.

О, кровь, много таинств ты знаешь!

Когда по равнине пустынной-седой
Скользишь утомленно чуть зрячей мечтой,
Лишь встретишь ты красный какой лоскуток. —
Вмиг в сердце — рождение строк,
Как будто бы что-то толкнуло мечту,
И любишь опять горячо Красоту
И красочный ловишь намек.

О, кровь, я намеков твоих не сочту!

Когда, как безгласно-цветочные крики,
Увижу я вдруг на июльских лугах
Капли крови в гвоздике,
Внутри, в лепестках,
Капли алые крови живой,
Юной, страстной, желающей ласк, и деления
чуждой на «мой» или «твой», —
Мне понятно, о чем так гвоздика мечтает,
Почему лепестки опьяненному Солнцу она
подставляет: —
Вижу, вижу, вливается золото в алую кровь,
И теряется в ней, возрождается вновь,
Взор глядит — и не знает, где именно Солнце,
Где отливы и блеск золотого червонца,
Где гвоздики девически-нежной любовь.

О, кровь, как ты странно-пленительна, кровь!

Вот, словно во сне,
Почудились мне

Столепестковые розы,
В оттенках, в несчетности их лепестков
Вновь вижу, как девственны, женственны грезы,
Но знаю, что страстность доходит почти
до угрозы,
Знаю я, как бесконечно-богаты уста,
Поцелуи, сближенье, альков,
Как первозданно-богаты два рта,
В красноречьи без слов.
Я гляжу, и теряюсь, робею,
Я хочу, и не смею
Сорвать эту розу, сорвать, и познать упоенье,
любовь.

О, кровь, сколько таинств и счастий скрываешь
ты, кровь!

2. РОЗОВЫЙ

Румянец яблока, на фоне Сентября,
С его травой-листвой воздушно-золотою,
Румянец девушки, когда горит заря,
Румянец девушки, идущей за водою,
Меж тем как в серебре и в зеркале реки
Мелькают, зыбкие, и пляшут огоньки.

Румянец сладостно-стыдливого незнанья,
Когда услышит вдруг она
Ее смутившее признанье,
И он, сдержав свое дыханье,
Безмолвно чувствует, что радость — суждена.

И наконец еще, румянец тот, предельный,
Когда они вдвоем сливаются в одно,
И чашей полной, чашей цельной
Пьют сладко-пьяное вино,
И в этой неге беспредельной,
В предвестьи сказки колыбельной,
Разбиться чаше суждено.

3. ПРЕДРАССВЕТНО-ЛЕПЕСТКОВЫЙ

Неназываемый цветок,
Который нежен и прелестен,
И каждой девушке известен,
Как всем певцам рожденье строк.
Неназываемый цветок,
Что только раз один алеет,
И повторяться не умеет,
Но все вложил в один намек.
Неназываемый цветок.

4. ГОРИЦВЕТНЫЙ

Лепестки горицвета, оранжево-огненно-красные,
При основании — с черным пятном.
Не сокрыты ли здесь указанья, хотя и неясные, —
Как и в сосуде с пурпурным вином?
Веселимся, пьянимся мы, любимся, жаркие, страстные, —
Темный отстой неразлучен со дном.

5. ЖЕЛТЫЙ

Спрошу ли ум, в чем желтый цвет,
Душа сейчас поет ответ,
Я вижу круг, сиянье, сферу,
Не золото, не блеск его,
Не эту тяжкую химеру,
Что ныне стала — вещество
Для униженья моего,
О, нет, иное торжество: —
Подсолнечник, цветок из Перу,
Где знали, как лазурь очей
Нежна от солнечных лучей.

6. КРАСНЫЙ И ЖЕЛТЫЙ

Камень и камень, бездушная груда,
Камни и камни, их глыба темна.

Все же, в них скрытое, явится чудо,
Только им быстрая встреча нужна.

Камень о камень ударит случайно,
Желтые, красные искры летят,
В темной бесцветности — яркая тайна,
Искры чаруют нежданностью взгляд.

В камне скрываются искры живые. —
Сколько же в нас неоткрытых цветов!
Дайте увидеть цветы золотые,
Быстрая встреча нужна для умов!

7. КРАСНЫЙ И ГОЛУБОЙ

Красный цвет — горячий цвет,
Голубой — холодный.
Оба шлют глазам привет,
Но мечтой несродной.

Говорит один — люблю,
Все сожгу любовью,
Камни в лаву растеплю,
Небо вспыхнет кровью.

А другой не говорит,
Не грозит, не манит,
В нем спокойный вечный вид,
Вечность не обманет.

Красный все зовет на бой,
Жаждет вновь завязки.
Ум ласкает — голубой,
Правдой детской ласки.

Тяготясь самим собой,
Красный, вихрей полный,
Гонит птиц, зверей гурьбой,
Поднимает волны.

Но, закончен сам в себе,
Ум — покой вмещает.
О покорности Судьбе
Голубой вещает.

8. КРАСНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, ГОЛУБОЙ

Красный, желтый, голубой,
Троичность цветов,
Краски выдумки живой,
Явность трех основ.

Кислород, и углерод
Странные слова,
Но и их поэт возьмет,
В них душа жива.

Кислород, и углерод,
Водород — слова,
Но и в них есть желтый мед,
Вешняя трава.

Да, в напев поэт возьмет
Голубые сны,
Золотистый летний мед,
Алый блеск весны.

Красный, желтый, голубой —
Троичность основ.
Оставаясь сам собой,
Мир наш — ими нов.

9. ГОЛУБОЙ, ЗЕЛЕНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, КРАСНЫЙ

Голубой, зеленый, желтый, ярко-красный,
Степени различной светлой теплоты.
Незабудка, стебель, лютик, арум страстный,
Это — возрастанье красочной мечты.

Голубые очи детства золотого,
Изумруды мая, лето, страсть, зима,
Душные теплицы, ночь — и снова, снова
Лампа, звезды, взоры, сказка, ласка, тьма.

10. ЗОЛОТИСТЫЙ

Лютик золотистый,
Греза влажных мест,
Луч, и шелк цветистый,
Светлый сон невест.

Пляска брызг огнистых
В пламени костров,
Между красно-мглистых
Быстрых огоньков.

Колос, отягченный
Числами зерна,
Вечер позлащенный,
Полная Луна.

11. ПРОЩАЛЬНО-ЗОЛОТИСТЫЙ

Тихий шелест Сентября,
И умильный свист синицы,
Улетающие птицы,
Пышный праздник янтаря.

Праздник Солнца золотого,
Углубленный небосклон,
На лазури — желтый клен,
Остров моря голубого.

Все оттенки желтизны,
Роскошь ярких угасаний,
Трепет красочных прощаний,
Траур Лета и Весны.

12. ЗЕЛЕНЫЙ

На странных планетах, чье имя средь нас неизвестно,
Глядят с восхищеньем, в небесный простор, существа,
Их манит звезда, чье явленье для них — бестелесно,
Звезда, на которой сквозь Небо мерцает трава.

На алых планетах, на белых, и ласково-синих,
Где светят кораллом, горят бирюзою поля,
Влюбленные смотрят на остров в небесных пустынях.
В их снах изумрудно, те сны навевает — Земля.

13. ЗЕЛЕНЫЙ И ЧЕРНЫЙ

Подвижная сфера зрачков, в изумруде текучем сужаясь,
Расширяясь, сливает, безмолвно, привлеченную душу с душой.
В глубоких зрачках, искушенья, во влаге зеленой качаясь,
Как будто бы манят, внушают: «Приблизься, ты мне не чужой».

О, травянистый изумруд,
Глаза испанки светлокудрой!
Какой художник нежно-мудрый,
Утонченник, сказался туг?
Где все так жарко, черноока,
Где всюду черный цвет волос, —
В сияньи белокурых грез,
Испанка-нимфа, одиноко,
Порой возникнет — и на вас
Струит огонь зеленых глаз.

Всего красивей черный цвет
В зрачках зеленых глаз.
Где водный свет? Его уж нет.
Лишь черный есть алмаз!
Зелено-бледная вода,
Русалочий затон, —
О, не одна здесь спит беда,

И чуток этот сон.
И каждый миг, и каждый час
Воздушный изумруд,
Воздушный цвет зеленых глаз
Поет мечте: «Я тут!»
Зрачок растет, и жадный свет
Зовет, берет, светясь.
Где целый мир? Его уж нет.
Лишь черный есть алмаз!

14. СИНИЙ

Пустынями эфирными, эфирными-сапфирными,
Скитается бесчисленность различно-светлых звезд.
Над этими пространствами, то бурными, то мирными,
Душою ощущается в Эдем ведущий мост.

Зовется ли он Радугой, навек тысячецветною,
Зовется ли иначе как, значения в том нет.
Но синий цвет — небесный цвет, и грезою ответною
Просящему сознанию дает он ряд примет.

Примет лазурно-радостных нам в буднях много светится,
И пусть, как Море синее, дороги далеки
«Дойдешь», тебе вещает лен, там в Небе все отметится,
«Дойдешь», твердят глаза детей, и шепчут васильки.

15. НЕЖНО-ЛИЛОВЫЙ

Колокольчик на опушке леса,
С звонами, что внятны слуху фей,
Бархатисто-пышная завеса,
Возле лиловатых орхидей.

В лепете романса — цвет сирени,
Сад мечты, и в нем упавший лист,
В красочном контрасте — свет и тени,
На руке лилейной — аметист.

16. ФИОЛЕТОВЫЙ

Мне снилось множество цветов,
Багряных, алых, золотистых,
Сапфирно-синих лепестков,
И снов, застывших в аметистах.

Но между всех цветочных сил
Я видел, в призрачной картине,
Что красный цвет внизу застыл,
А цвет зеленый — посредине.

Но выше — выше, в синеву,
Восходит множество фиалок,
И в сновиденьи наяву
Я вижу белый храм Весталок.

Их не встревожит зов ничей,
Им Ночь — моления внушает,
И взор фиалковых очей
В себе бездонность отражает.

И быстро, быстро, быстро — я
Несусь мечтою к ним, предельным
В лесной пустыне Бытия
Забвенье пью фиалом цельным.

17. ХРУСТАЛЬНО-СЕРЕБРИСТЫЙ

Звуки лютни в свете лунном,
Словно сказка, неживые,
В сновиденьи многострунном
Слезы флейты звуковые.

Лики сонных белых лилий
В озерной зеркальной влаге,
Призрак ангелов, их крылий,
Сон царевны в лунной саге.

18. ОПАЛОВО-ЗИМНИЙ

Легкий слой чуть выпавшего снега,
Серп Луны в лазури бледно-синей,
Сеть ветвей, узорная их нега,
Кружевом на всем — воздушный иней.

Духов серебристых замок стройный,
Сонмы фей в сплетеньях менуэта,
Танец блесток, матово-спокойный,
Бал снежинок, вымышленность света.

19. ГОЛУБОВАТО-БЕЛЫЙ И КРАСНОВАТО-СЕРЫЙ

Голубовато-белый и красновато-серый,
В дворце людского мозга два цвета-вещества.
Без них мы не имели б ни знания, ни веры,
Лишь с ними область чувства и наша мысль жива.

Чрез них нам ярко светят душевные эфиры,
Напевность ощущений слагается в узор.
В дворце людского мозга играют скрипки, лиры,
И чудо-панорама струит просвет во взор.

Во внутренних чертогах сокровища без меры.
Цветут, пьянят, чаруют — не день, не час, века —
Голубовато-белый и красновато-серый,
В дворце людского мозга два странные цветка.

20. БЕЛЫЙ

Нарцисс, восторг самовлюбленности,
До боли сладостные сны,
Любовь — до смерти, до бездонности,
Всевластность чистой Белизны.

Нарцисс, забвенье жизни, жалости,
Желанье, страстность — до того,
Что в белом — в белом! — вспышка алости,
Забвенье лика своего.

Нарцисс, туман самовнушения,
Любовь к любви, вопрос-ответ,
Загадка Жизни, отражение,
Венчальный саван, белый цвет.

21. ЧЕРНЫЙ

Как ни странно это слышать, все же истина верна: —
Свет противник, мрак помощник прорастанию зерна.

Под землею призрак жизни должен выждать нужный срок,
Чтобы колос золотистый из него родиться мог.

В черной тьме — биенье жизни, зелень бледная, росток,
Лишь за этим — стебель, колос, пышность зерен, желтый сок.

Мировой цветок, который назван Солнцем меж людей,
Утомясь, уходит в горы, или в глубь ночных морей.

Но, побывши в сонном мраке, в час рассвета, после грез,
Он горит пышней, чем маки, ярче самых пышных роз.

Черный уголь — символ жизни, а не смерти для меня: —
Был Огонь здесь, говорю я, будет вновь напев Огня.

И не черный ли нам уголь, чтоб украсить светлый час,
Из себя произраждает ярко-праздничный алмаз.

Все цвета в одном согласны: входят все они — в цветы.
Черной тьме — привет мой светлый, в Литургии Красоты!

ЗАРЕВО МГНОВЕНИЙ

В закатном зареве мгновений, твоих или моих,
Я вижу, как сгорает гений, как возникает стих,
В закатном зареве мгновений докучный шум затих.

Воспламененное Светило ушло за грань морей,
И в тучах краски доживают всей роскошью своей,
Чего в них больше — аметистов, рубинов, янтарей?

К чему свой взор случайно склонишь, то даст тебе ответ,
В одном увидишь пламя счастья, в другом услышишь «Нет».
Но все, на что свой взгляд уронишь, восхвалит поздний
свет.

Прозрачность, нежность, и чрезмерность, все слито
в забытьи,
В последний раз мы их коснемся в предсмертном бытии,
И мы поймем, что эти краски — твои или мои.

И мы поймем, как полнозвучно поет волна морей,
Когда дневное отшумело, и Ночь, во сне, бодрей,
И все ночное, незаметно, идет скорей, скорей.

Вот, все воздушней аметисты, рубины, янтари.
Все, что во внешнем — еле слышно, все ярко — что внутри,
Мгновенье пышного Заката — последнее — гори!

ОГОНЬ

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый,
На тебе расплавляют металлы,
Близ тебя создают и куют.

Будем, как Солнце

1

Огнепоклонником я прежде был когда-то,
Огнепоклонником останусь я всегда.
Мое индийское мышление богато
Разнообразием рассвета и заката,
Я между смертными — падучая звезда.

Средь человеческих бесцветных привидений,
Меж этих будничных безжизненных теней,
Я вспышка яркая, блаженство исступлений,
Игрою красочной светло венчанный гений,
Я праздник радости, расцвета, и огней.

Как обольстительна в провалах тьмы комета!
Она пугает мысль и радует мечту.
На всем моем пути есть светлая примета,
Мой взор — блестящий круг, за мною — вихри света,
Из тьмы и пламени узоры я плету.

При разрешенности стихийного мечтанья,
В начальном Хаосе, еще не знавшем дня,
Не гномом роющим я был средь Мирозданья,
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящего Огня.

Под Гималаями, чьи выси — в блесках Рая,
Я понял яркость дум, среди долинной мглы,
Горела в темноте моя душа живая,
И людям я светил, костры им зажигая,
И Агни светлому слагал свои хвалы.

С тех пор, как миг один, прошли тысячелетья,
Смешались языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свет не в силах не глядеть я,
И знаю явственно, пройдут еще столетья,
Я буду все светить, сжигая и горя.

О, да, мне нравится, что бело так и ало
Горенье вечное земных и горних стран.
Молиться Пламени сознанье не устало,
И для блестящего мне служат ритуала
Уста горячие, и Солнце, и вулкан.

Как убедительна лучей растущих чара,
Когда нам Солнце вновь бросает жаркий взгляд.
Неисчерпаемость блистательного дара!
И в красном зареве победного пожара
Как убедителен, в оправе тьмы, закат!

И в страшных кратерах — молитвенные взрывы:
Качаясь в пропастях, рождаются на дне
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдруг взметаются пылающие нивы,
Устав скрывать свой блеск в могучей глубине.

Бегут колосья ввысь из творческого горна,
И шелестенья их слагаются в напев,
И стебли жгучие сплетаются узорно,
И с свистом падают пурпуровые зерна,
Для сна отдельности в той слитности созрев.

Не то же ль творчество, не то же ли горенье,
Не те же ль ужасы, и та же красота
Кидают любящих в безумные сплетенья,
И заставляют их кричать от наслажденья,
И замыкают им безмолвием уста.

В порыве бешенства в себя принявши Вечность,
В блаженстве сладостном истомной слепоты,
Они вдруг чувствуют, как дышит Бесконечность,
И в их сокрытостях, сквозь ласковую млечность,
Молниеносные рождаются цветы.

Огнепоклонником Судьба мне быть велела,
Мечте молитвенной ни в чем преграды нет.
Единым пламенем горят душа и тело,
Глядим в бездонность мы в узорностях предела,
На вечный праздник снов зовет безбрежный Свет.

2

Огонь в своем рожденьи мал,
Бесформен, скуден, хром,
Но ты взгляни, когда он, ал,
Красивым исполином встал,
Когда он стал Огнем!

Огонь обманчив, словно дух: —
Тот может встать как тень,
Но вдруг заполнит взор и слух,
И ночь изменит в день.
Вот, был в углу он, на полу,
Кривился, дымно-сер,
Но вдруг блестящей сделал мглу,
Удвоил свой размер.
Размер меняя, опьянил
Все числа, в сон их слив,
И в блеске смеха, полон сил,
Внезапно стал красив.
Ты слышишь? слышишь? Он поет,
Он славит Красоту,
Вот — вот, до Неба достает,
И вьется налету!

3

Я закрываю глаза, и в мечтании
Вижу повсюду сияющий Свет,

Вижу Огонь я во всем Мироздании,
В травках, в росинках, в спиралях планет.

Вижу я Землю — сестрой меж планетами,
Землю опять ощущаю Землей,
Горы, долины, сады с их расцветами,
Ценные камни с подземною мглой.

Медное небо, отяжелелое,
Грозно нависло над знойной пустыней,
В нем Электричество белое,
С роскошью желтых изломанных линий,
Желтых, и красных, лазурно-зеленых,
В безднах эфирностей синих,
Тучи как горы, там замки на склонах,
Кони из пламени в вышних пустынях.

Снова я в Индии. Да, но не в той,
Где побывал соглядатай ничтожный, —
В Индии древней, в отчизне святой,
Данной для всех, опьяненных мечтой,
В цельной, навек непреложной.

И меж светлоликих, меж дважды-рожденных,
Открывши на миг в Запредельное дверь,
При свете огней, благовонно-зажженных,
Я слушаю Бурю теперь.

4

Рудра, красный вепрь Небес,
Ниспосылатель алых жгутов,
Отец стремительных Марутов,
В вихре огненных завес,
Гений Бури,
Враг Лазури,
Пробежал и вдруг исчез.

Где он почву Неба роет?
Образ пламенных чудес,

Вон, он там рычит и воет,
Между облачных зыбей
Тучи молнией своей
Беспокоит.

Рудра шлет блестящесть вод,
Льет их током плодородным,
Но, порвавши небосвод,
Вдруг пожар в домах зажжет.
Быть он добрым устает,
Хочет быть свободным.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Губит Жизнь, и любит вновь.
Равнодушен к звукам стона,
Вепря красного клыки
Ранят тело, рвут в куски,
Но в траве у склона,
Где убит был Адонис,
Лепестки цветов зажглись,
Дышит анемона.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Смерть-Бессмертье, Пламя-Кровь,
Радуга над Морем,
Змеи молний, ток дождей,
Вечность зыбкая страстей,
Здесь мы Грому вторим!

5

Огонь приходит с высоты,
Из темных туч, достигших грани
Своей растущей темноты,
И порождающей черты
Молниеносных содроганий.
Огонь приходит с высоты.
И, если он в земле таится,
Он лавой вырваться стремится
Из подземельной темноты,

Когда ж с высот лучом струится,
Он в хоровод зовет цветы.

Вон лотос, любимец стихии тройной,
На свет и на воздух, над зыбкой волной,
Поднялся, покинувши ил,
Он Рай обещает нам с вечной Весной,
И с блеском победных Светил.

Вот пышная роза, Персидский цветок,
Душистая греза Ирана,
Пред розой исполнен влюбленных я строк,
Волнует уста лепестков ветерок,
И сердце от радости пьяно.

Вон чампак, цветущий в столетие раз,
Но грезу лелеющий — век,
Он тоже оттуда примета для нас,
Куда убегают, в волненьи светясь,
Все воды нам ведомых рек.

Но что это? Дрогнув, меняются чары,
Как будто бы смех Соблазнителя-Мары,
Сорвавшись к долинам с вершин,
Мне шепчет, что жадны, как звери, растенья,
И сдавленность воплей я слышу сквозь пенье,
И если мечте драгоценны каменья,
Кровавы гвоздики и страшен рубин.

Мне страшен угар ароматов и блесков расцвета,
Все смешалось во мне,
Я горю как в Огне,
Душное Лето,
Цветочный кошмар овладел распаленной мечтой,
Синие пляшут огни, пляшет Огонь золотой,
Страшною стала мне даже трава,
Вижу, как в мареве, стебли немые,
Пляшут и мысли кругом и слова.
Мысли — мои? Или, может, чужие?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, в своих сновиденьях бессонные.

Волчцы под Луной, привиденья они,
Обманные бродят огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупые, с цветами застылыми,
Точно их создала не Природа живая,
А измыслил в безжизненный миг человек.
Одуванчиков стая седая.
Миллионы раздавленных красных цветов,
Клокотанье кроваво-окрашенных рек.

Гнет Пустыни над выжженной ширью песков.
Кактусы, цепкие, хищные, сочные,
Странно-яркие, тяжкие, жаркие,
Не по-цветочному прочные.
Что-то паучье есть в кактусе злом,
Мысль он пугает, хоть манит он взгляд,
Этот ликующий цвет,
Смотришь — растенье, а может быть — нет,
Алою кровью напившийся гад?

И много, и много отвратностей разных,
Красивых цветов, и цветов безобразных.
Нахлынули, тянутся, в мыслях — прибой,
Рожденный самою Судьбой.

Болиголов, наркоз, с противным духом. —
Воронковидный венчик белены,
Затерто-желтый, с сетью синих жилок, —
С оттенком буро-красным заразиха,
С покатой шлемовидною губой, —
Подобный пауку, офрис, с губою
Широкой, желто-бурою, и красной, —
Колючее создание, татарник,
Как бы в броне крылоподобных листьев.
Зубчатых, паутинисто-шерстистых, —
Дурман вонючий, — мертвенный морозник, —
Цветы отравы, хищности, и тьмы, —
Мыльнянка, с корневищем ядовитым,
Излюбившая края дорог, опушки
Лесные и речные берега,

Места, что в самой сущности предельны,
Цветок любимый бабочек ночных, —
Вороний глаз, с приманкою из ягод
Отливно-цветных, синевато-черных. —
Пятнадцатилучистый сложный зонтик
Из ядовитых беленьких цветков,
Зовущихся — так памятно — цикутой, —
И липкие исчадия Земли,
Ужасные растенья-полузвери, —
В ленивых водах, медленно-текущих,
В затонах, где стоячая вода,
Вся полная сосудцев, пузырчатка,
Капкан для водной мелочи животной,
Пред жертвой открывает тонкий клапан,
Замкнет его в тюремном пузырьке,
И уморит, и лакомится гнилью, —
Росянка ждет, как вор, своей добычи,
Орудием уродливых железок
И красных волосков, так липко-клейких,
Улавливает мух, их убивает,
Удавливает медленным сжиманьем —
О, краб-цветок! — и сок из них сосет,
Болотная причудливость, растенье,
Которое цветком не хочет быть,
И хоть имеет гроздь расцветов белых,
На гада, больше хочет походить.
Еще, еще, косматые, седые,
Мохнатые, жестокие виденья,
Измышленные дьявольской мечтой,
Чтоб сердце в достовернейшем, в последнем
Убежище, среди цветов и листьев,
Убить.

Кошмар! уходи, я рожден, чтоб ласкать и любить!
Для чар беспредельных раскрыта душа,
И все, что живет, расцветая, спеша,
Приветствую, каждому — хочется быть,
Кем хочешь, тем будешь, будь вольным, собой,
Ты черный? будь черным, мой цвет — голубой,
Мой цвет будет белым на вышних горах,
В вертепах я весел, я страшен впотьмах,

Все, все я приемлю, чтоб сделаться Всем,
Я слеп был — я вижу, я глух был и нем,
Но как говорю я — вы знаете, люди,
А что я услышал, застывши в безжалостном Чуде,
Скажу, но не все, не теперь,
Нет слов, нет размеров, ни знаков,
Чтоб таинство блесков и мраков
Явить в полноте, только миг — и закроется дверь,
Песчинок блестящих я несколько брошу,
Желанен мне лик Человека, и боги, растенье, и птица,
и зверь,
Но светлую ношу,
Что в сердце храню,
Я должен пока сохранять, я поклялся, я клялся — Огню.

6

Буря промчалась.
Кончен кошмар.
Солнце есть вечный пожар.
В сердце горячая радость осталась.

Ждите. Я жду.
Если хотите,
Темными будьте, живите в бреду.
Только не лгите,
Сам я в вертепы вас всех поведу.

Если хотите,
Мысли сплетайте в лучистые нити,
Светлая ткань хороша, хороша,
Только не лгите,
К Солнцу идите, коль Солнца воистину хочет
душа.

Все совершится,
Круг неизбежен,
Люди, я нежен,
Сладко забыться.
Пытки я ведал. О, ждите. Я жду.
Речь от Огня я и Духа веду!

7

Лучи и кровь, цветы и краски.
И искры в пляске вкруг костров —
Слова одной и той же сказки
Рассветов, полдней, вечеров.

Я с вами был, я с вами буду,
О, многоликости Огня,
Я ум зажег, отдался Чуду,
Возможно счастье для меня.

В темнице кузниц неустанных,
Где горн, и молот, жар, и чад,
Слова напевов звездотканных
Неумолкаемо звучат.

С Огнем неразлучимы дымы,
Но горицветный блеск углей
Поет, что светлы Серафимы
Над тесной здешностью моей.

Есть Духи Пламени в Незримом,
Как здесь цветы есть из Огня,
И пусть я сам развеюсь дымом,
Но пусть Огонь войдет в меня.

Гореть хотя одно мгновенье,
Светить хоть краткий час звездой —
В том радость верного забвенья,
В том праздник ярко-молодой.

И если в Небе Солнце властно,
И светлы звездные пути,
Все ж искра малая прекрасна,
И может алый цвет цвести.

Гори, вулкан, и лейся, лава,
Сияйте, звезды, в вышине,
Но пусть и здесь — да будет слава
Тому, кто сжег себя в Огне!

ВОДА

Влажная пропасть сольется
С бездной эфирных высот.
Таинство — Небом дается,
Слитность — зеркальностью вод.

Только Любовь

1

Вода, стихия сладострастия,
Вода, зеркальность наших дум,
Бездонность снов, безбрежность счастия,
Часов бегущих легкий шум.

То недвижимо-безглагольная,
То с неудержною волной,
Но вечно легкая и вольная,
И вечно дружная с Луной.

И с Солнцем творческим слиянная,
То — гул, то — плеск, то — блески струй.
Стихия страстная и странная,
Твой голос — влажный поцелуй.

2

От капли росы, что трепещет, играя,
Огнем драгоценных камней,
До бледных просторов, где, вдаль убегая,
Венчается пеною влага морская
На глади бездонных морей,
Ты всюду, всегда, неизменно живая,
И то изумрудная, то голубая,

То полная красных и желтых лучей,
Оранжевых, белых, зеленых и синих,
И тех, что рождается только в пустынях,
В волненьи и пеньи безмерных зыбей,
Оттенков, что видны лишь избранным взорам,
Дрожаний, сверканий, мельканий, которым
Нельзя подыскать отражающих слов,
Хоть в слове бездонность оттенков блистает,
Хоть в слове красивом всегда расцветает
Весна многоцветных цветов.

Вода бесконечные лики вмещает
В безмерность своей глубины,
Мечтанье на зыбях различных качает,
Молчаньем и пеньем душе отвечает,
Уводит сознание в сны.
Богатыми были, богаты и ныне
Просторы лазурно-зеленой пустыни,
Рождающей мир островной.
И Море — все Море, но в вольном просторе
Различно оно в человеческом взоре
Качается грезой-волной.

В различных скитаньях,
В иных сочетаньях
Я слышал сказания бурь,
И знаю, есть разность в мечтаньях.

Я видел Индийское море, лазурь,
В нем волн голубые извивы,
И Красное море, где ласков корал,
Где розовой краскою зыбится вал.
И Желтое, водные нивы,
Зеленое море, Персидский залив,
И Черное море, где буен прилив,
И Белое, призрак красивый.
И всюду я думал, что всюду, всегда
Различно-прекрасна Вода.

3

Безмолвно она под землею таится,
Ей Солнце и Небо, там в сумраке, снится,
И нежная к Солнцу сумеет прорыться,
Пещеры сплотит в города.
Застынет, и дремлет, над горной вершиной,
И дрогнет, услышавши возглас звериный,
От крика проснется, сорвется лавиной,
И вихрем несется Беда.
Беззвучна в колодцах, в прозрачных озерах,
Безгласна во влажных ласкающих взорах,
Но в снежных узорах таится в ней шорох
И звонкое вскрытие льда.

Превратившись в снега, заключившись в усладу
молчанья,
Расстилаясь застывшей студеной немой пеленой,
От зеленой Луны принимая в снежинки мерцанья,
В первозданность Вода возвращается теплой весной.

И играет волной,
И бежит, и поет,
И горит белизной
Уплывающий лед.
Нарастанием вод
Затопляет луга,
Все победно возьмет,
Все зальет берега.

Как раздольна игра
Водопольной волны.
Но шепнули «Пора!»
Уходящие сны.
И речной глубины
Установлен размер.
Все цветы зажжены.
Пышен праздник Весны,
В нем лучи сплетены
Отдаленнейших сфер.

Все приняло свой вечный вид,
Лик озера зеркально спит.
Безгласно дремлет глад затона.
О бесконечности услад
Поет бессмертный водопад,
Ключи бегут по скатам склона.

И рек причудливый узор
Лелейной сказкой нежит взор,
Их вид спокоен и беззвучен.
И тот узор светло сплетен
В серебряный, в хрустальный сон,
Среди уклончивых излучин.

И без конца поют ручьи,
И нежат душу в забытьи
Воздушно-сладкою тоскою.
Как разность ярко здесь видна,
Как ясно, что Вода — одна:
Ручей различно-схож с рекою.
И нам преданья говорят:
Ручей с рекой — сестра и брат.

Ручей ласкает слух, влечет нас в отдаленье,
Ручей журчит, звучит, баюкает, поет.
Река лелеет глаз, дает успокоенье
Движеньем медленным безмолвствуюших вод.

Ручей, как чаровник, дремотно шепчет, манит,
Ручей гадает нам, и вкрадчиво зовет.
Река наш зыбкий дух яснит, а не туманит
Успокоительным теченьем светлых вод.

Ручей нам говорит: «Люби! Люби! Люби же!»
Но в нем не отражен глубокий небосвод.
Кто в реку заглянул, тот Небо видит ближе,
Лазури хочется безмолвствующих вод.

4

Но переменная Вода
Быть хочет разною всегда,

Восторг рождает полногласный,
К преображениям бежит,
Меняет вид, и жить спешит,
Не уставая быть прекрасной.

Вон бьется гейзер голубой,
Весь очарованный собой,
С водою бешено-кипящей.
Как ослепительно-светла
Она выходит из жерла,
Кругом бросая пар свистящий.

Столбами пляшет влажный прах,
Несчетность радуг в тех столбах,
Падение дождей алмазных.
Слиянье светов и теней,
Переплетение огней,
Всегда одних и вечно разных,

Там дальше море-Океан,
Неизмерим и неогляден,
На дне утесы, пасти впадин,
Подводных сил военный стан.

Проходят быстрые акулы,
Домам подобные киты.
В прорывах влажной темноты
Спиральные родятся гулы.

В круговращении своем
Чудовищной змее подобной,
Гудит и плещет свечкой дробной
Воронка адская. Мальстрём.

Совсем другого Океана
Другие области встают,
Существ невидимых приют,
Затишье в круге урагана.

Кораллы меж морских валов,
Водой рожденные картины,

Червеобразные плотины
Кольцеобразных островов.

Людских строений первотипы,
Оазисы пустынь морских,
Не люди создавали их,
А кругодумные полипы.

Им света хочется — и вот
Растут узорные сплетенья,
Осуществляются хотенья,
Оазис круговой живет.

Из влаги восстают кораллы,
И волны бешено кругом
Несутся в строе боевом,
Как викинги в предел Валгаллы.

О, да, я знаю, что всегда
Полна безмерных чар Вода,
Но понял это я не сразу.
Все в мире нужно различать,
На всем лежит своя печать,
И аметист — не брат алмазу.

5

Я помню в далекие детские дни
Привиделся странный мне сон.
Мне снилось, что белые в Небе огни,
И ими наш сад озарен.

Сверкают далеко холодные льды,
Струится безжизненный свет,
Звезда отражает сиянье звезды,
Сплетаются гроздья планет.

Сплетаются тысячи крупных планет,
Блестят, возрастают, растут.
Но в этом слияньи мне радости нет,
Цветы предо мной не цветут.

Ребенку так нужен расцвет лепестка, —
Иначе зажжется ли взгляд.
Но нет предо мною в саду ни цветка,
Весь — белый безжизненный сад.

И стал я тихонько молиться в бреду,
И звезды дрожали в ответ.
И что-то как будто менялось во льду,
И таяли гроздья планет.

И, в светлой, по новому, в той полумгле
Возникли потоки дождя.
Они прикоснулись к далекой Земле,
С высокого Неба идя.

Пол-мира окутал блистающий мост,
В нем разные были цвета,
В нем не было бледности мертвенных звезд,
Живая была красота.

О, чудо! О, радость! Вблизи, предо мной,
Вдруг ожил мой сказочный сад.
Цветы расцветали живой пеленой,
Был светел младенческий взгляд.

Раздвинулись полосы ровных аллей,
Светло заиграл изумруд.
Под частою чащей зеленых ветвей
Цветы голубые цветут.

Багряных, и алых, и желтых цветов
Росла золотая семья.
Ребенку так нужен расцвет лепестков,
И это так чувствовал я.

И в ландышах белых, от капель дождя,
Иначе зажглась белизна.
И дождь прекратился. И, с Неба идя,
Струилась лишь музыка сна.

Мы видим в младенчестве вещие сны,
Так близки мы к Небу тогда.
И этого сна, и цветов пелены,
Не мог я забыть никогда.

С звездою, блистая, сплеталась звезда,
Тянулась звезда до звезды.
И помню, я понял впервые тогда
Зиждительность светлой Воды.

6

Но минули детские годы,
Иного хотела мечта,
Хоть все же я в царстве Природы
Любил и цветы и цвета.

Блаженно, всегда и повсюду,
Мне чудились рокоты струн.
Я шел к неизвестному чуду,
Мечтателен, нежен, и юн.

И ночью пленительной Мая,
Да, в первую четверть Луны,
Мне что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я уверовал в сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожил старинный наш дом.
И музыка сладко звучала
В мечтающем сердце моем.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанные сердцу черты.
Мгновенно-слиянные взоры,
Цветы и мечты Красоты.

Все было вот здесь, в настоящем,
В волне нарастающих сил.
С желанною, в зале блестящем,
Я в вальсе старинном скользил.

И чудилось мне, что столетий
Над нами качался полет.
Но мы проносились, как дети,
И пол озарялся, как лед.

И близкое тело скользило,
Я нежно объятие длю.
«Ты любишь?» душа говорила.
Глаза говорили: «Люблю».

Друг другу сказали мы взором,
Что тотчас мы спустимся в сад.
И связаны тем договором,
Скользили, как тени скользят.

Лишь несколько быстрых мгновений,
И мы отошли от огней.
Мы в сумрак цветущих сиреней
С знакомых сошли ступеней.

И стройная музыка бала,
И вальса старинного звон,
Как дальняя сказка звучала,
И душу качала, как сон.

Но ближе другое влиянье
Слагало свой властный напев.
Все думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло сгорев.

В саду, в том старинном, пустынном,
Где праздник цветов был мне дан,
Под светом планет паутинным
Журчал неумолчно фонтан.

О, как был узывчив тот сонный
И вечно живой водоем.
Он полон был мысли бездонной
В журчаньи бессмертном своем.

Из раковин звонких сбегая,
И влагу в лобзаньях дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Он лился в себя — из себя.

И снова, как в детстве, светили
Созвездья с немой высоты.
И в сладостно-дышущей силе
Цвели многоцветно цветы.

Но пряности их аромата
Сказали нам, с пением вод,
Что к прошлому нет нам возврата,
Что новое новым живет.

И пели так сладко свирели
В себя убегающих струй,
Что мы колебаться не смели,
И влажный возник поцелуй.

И радостных звезд чарованье
Светилось так странно в тот час,
Что влажное это слиянье
Навек пересоздало нас.

Я видел так ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планет,
И чьи-то бессмертные взоры
Хранили немеркнувший свет.

Лелея цветы мировые,
Меж звезд проходила Весна.
В той ночи прозрачной, впервые,
Я понял, как Влага нежна.

7

Боль, как бы ни пришла, приходит слишком рано.
Прошли, в теченьи лет, еще, еще года.
На шепчущем песке ночного Океана
Я в полночь был один, и пенилась Вода.

Вставал и упадал прибой живой пустыни,
Рождала отклики на суше глубина.
Был тот же Океан, от века и доныне,
Но я не знал, о чем поет его волна.

В моем сознании иные волны пели,
Припоминания всего, что видел я.
И чудилась мне мать у детской колыбели,
И чудился мне гроб, любовь, и смерть моя.

В предельность точную замкнутые стремленья,
Паденье, высота, разорванный узор.
Все тех же вечных сил все новые сцепленья,
Моей души ночной качанье и простор.

Но за разорванной и многоцветной тканью
Я чувствовал мою — иль не мою — мечту.
В конце концов я рад всему, я рад страданью,
Я нити яркие в живой узор плету.

Но мне хотелось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы все идем?
Скажите, звезды, мне, вы, замыслы и числа,
Вы, волны вечные, чьих влажных ласк мы ждем!

На Небе облака, нежней мечтаний летом,
В холодной ясности ночного Сентября,
Дышали призрачным неуловимым светом,
Как бы сознанием прошедшего горя.

От вод вставала мгла волнистого тумана,
И долго я смотрел на синий Небосклон.
И вот в мои зрачки — от зыбей Океана
И от высот Небес — вошел бессмертный сон.

Так глубока Вода, под Небом без предела,
Такая тайна в двух живет, всегда дыша,
Что может утонуть в их снах не только тело,
Но и глубокая всезрящая душа.

Из легкой водной мглы и из сияний звездных,
Из нежно-зыбкого воздушного руна,
Меж двух бездонностей, и в двух зеркальных безднах,
Возникла призрачно блаженная страна.

Мир, где ни мук, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Где все, плетя узор, в узорность сплетены.
Как будто города погибшей Атлантиды,
Преображенные, восстали с глубины.

Домов прекраснейших возникли мириады
Среди невиданных фонтанов и садов.
Я знал, что в тех стенах всегда лучисты взгляды,
И могут все сказать глаза живых — без слов.

Здесь каждый новый день был сказкой, как вчерашний,
Созданий мысленных, дрожа, росли леса.
Здесь каждый стройный дом кончался легкой башней,
И все, что на земле, всходило в Небеса.

Весь бледный, Океан слиялся с Небосклоном,
Нет нежеланного, ни в чем, ни где-нибудь.
Весь Мир наполнился одним воздушным звоном,
Вселенная была — единый Млечный Путь.

И этих бледных звезд мерцающие реки
Сказали молча мне, какой удел нам дан.
И в тот полночный час я стал иным навеки,
И понял я, о чем поет нам Океан.

ВОЗДУХ

Всюду звон, всюду свет,
Всюду сон мировой.

Будем, как Солнце

И, вечно вольный, забвеньем вею.

Тишина

1

Ветер веющий донес
Вешний дух ветвей.
Кто споет о сказке грез?
Дразнит соловей.

Сказка солнечных лучей,
Свадьба всех цветов.
Кто споет о ней звончей,
Чем художник слов!

Многокрасочность цветов,
Радуга мечты.
Легкость белых облаков,
Тонкие черты.

В это царство Красоты,
Сердце, как вступить?
Как! Еще не знаешь ты?
Путь один: — Любить!

2

Полюби, сказала Фея
В утро майское мечте.
Полюби, шепнул, слабея,
Легкий Ветер в высоте.

И от яблони цветущей
Нежно-белый лепесток
Колыхнулся к мысли ждущей,
И мелькнул ей как намек.

Все кругом как будто пело: —
Утро дней не загуби,
Полюби душою тело,
Телом душу полюби.

Тело, душу, дух свободный
Сочетай в свой светлый Май.
Облик лилии надводной
Сердцем чутким понимай.

Будь как лотос: корни — снизу,
В вязком иле, в тьме, в воде,
Но, взойдя, надел он ризу,
Уподобился звезде.

Вот, цветет, раскрылся, нежный,
Ласку Солнца жадно пьет,
Видит Небо, мир безбрежный,
Воздух вкруг него поет.

Сну цветения послушный,
Лотос с Воздухом слился.
Полюби мечтой воздушной.
Близки сердцу Небеса.

3

Воздух и Свет создают панорамы,
Замки из туч, минареты, и храмы,
Роскошь невиданных нами столиц,
Взоры мгновением созданных лиц.

Все, что непрочно, что зыбко, мгновенно,
Что красотою своей незабвенно,
Слово без слова, признания глаз
Чарами Воздуха вложены в нас.

Чарами Воздуха буйствуют громы
После удушливо-знойной истомы,
Радуга свой воздвигает дворец,
Арка завета и сказка сердец.

Воздух прекрасен как гул урагана,
Рокот небесно-военного стана,
Воздух прекрасен в шуршаньи листка,
В ряби чуть видимой струй ручейка.

4

В серебристых пузырьках
Он скрывается в реках,
Там, на дне,
В глубине,
Под водою в тростниках.

Их лягушка колыхнет,
Или окунь промелькнет,
Глаз да глаз,
Тут сейчас
Наступает их черед.

Пузырьки из серебра
Вдруг поймут, что — их пора.
Буль — буль — буль,
Каждый — нуль.
Но на миг живет игра.

5

А веять, млеять, и лелеять
Едва расцветшие цветки,
В пространстве светлом нежно сеять
Их пыль, их страсть, и лепестки.

И сонно, близко отдаленно
Струной чуть слышною звенеть,
Пожить мгновение влюбленно,
И незаметно умереть.

Отделить чуть заметную прядь
В золотистом богатстве волос,
И играть ей, ласкать, и играть,
Чтобы Солнце в ней ярко зажглось, —
Чтоб глаза, не узнавши о том,
Засветились, расширив зрачок,
Потому что пленительным сном
Овевает мечту ветерок, —
И, внезапно усилив себя,
Пронестись и примчать аромат,
Чтобы дрогнуло сердце, любя,
И зажегся влюбленностью взгляд, —
Чтобы ту золотистую прядь
Кто-то радостный вдруг увидал,
И скорее бы стал целовать,
И душою бы весь трепетал.

6

Воздух, Ветер, я ликую,
Я свершаю твой завет,
Жизнь лелея молодую,
Всем сердцам даю свой свет.
Ветер, Воздух, я ликую!

Но скажи мне, Воздух, ты
Ведь лелеешь все цветы?

Ты — их жизнь, и я колдую.
Я проведал: Воздух наш,
Как душа цветочных чаш,
Знает тайну мировую!

7

Наш Воздух только часть безбрежного Эфира,
В котором носятся бессмертные миры.
Он круговой шатер, покров земного мира,
Где Духи Времени сбираются для пира,
И ткут калейдоскоп сверкающей игры.

Равнины, пропасти, высоты, и обрывы,
По чьей поверхности проходят облака,
Многообразия живые переливы,
Руна заветного скользящие извивы,
Вслед за которыми мечта плывет века.

В долинах Воздуха есть призраки-травинки,
Взрастают-тают в нем, в единый миг, цветы,
Как пчелы, кружатся в нем белые снежинки,
Путями фейными проходят паутинки,
И водопад лучей струится с высоты.

Несутся с бешенством свирепые циклоны,
Разгульной вольницей ликует взрыв громов,
И в неурочный час гудят на башнях звоны,
Но после быстрых гроз так изумрудны склоны
Под детским лепетом апрельских ветерков.

Чертогом радости и мировых слияний
Сверкает радуга из тысячи тонов,
И в душах временных тот праздник обаяний
Намеком говорит, что в тысячах влияний
Победно царствуют лишь семь первооснов.

От предрассветной мглы до яркого заката,
От белизны снегов до кактусов и роз,
Пространство Воздуха ликующе-богато
Напевом красочным, гипнозом аромата,
Многослиянностью, в которой все сошлось.

Когда под шелесты влюбляющего Мая
Белеют ландыши и светит углем мак,
Волна цветочных душ проносится, мечтая,
И Воздух, пьяностью два пола сочетая,
Велит им вместе быть — нежней, тесней — вот так.

Он изменяется, переливает краски,
Перебирает их, в игре неистощим.

И незабудки спят, как глазки детской сказки,
И арум яростен, как кровь и крик развязки,
И Жизнь идет, зовет, и все плывет как дым.

В Июльских Празднествах, когда жнецы и жницы
Дают безумствовать сверканиям серпа,
Тревожны в Воздухе перед отлетом птицы,
И говорят в ночах одна с другой зарницы
Над странным знаменьем тяжелого снопа.

Сжигают молнии — но неустанны руки,
Сгорают здания — но вновь мечта растет,
Кривою линией стенаний ходят муки,
Но тонут в Воздухе все возгласы, все звуки,
И снова — первый день, и снова — начат счет.

Всего таинственней незримость параллелей,
Передаваемость, сны в снах — и снова сны,
Дух невещественный вещественных веселий,
Ответность марева, в душе — напев свирелей,
Отображенья стран и звуковой волны.

В душе ли грезящих, где встала мысль впервые,
Иль в кругозорностях, где склеп Небес как синь,
В прекрасной разности, они всегда живые,
Созданья Воздуха, те волны звуковые,
И краски зыбкие, и тайный храм святынь.

О, Воздух жизненный! Прозрачность круговая!
Он должен вольным быть. Когда ж его замкнут,
В нем дышит скрытый гнев, встает отрава злая,
И, тяжесть мертвую на душу налагая,
Кошмары цепкие невидимо растут.

Но хоть велик шатер любого полумира,
Хранилище-покров двух наших полусфер,
Наш Воздух лишь намек на пропасти Эфира,
Где нерассказанность совсем иного мира,
Неполовинного, вне гор и вне пещер.

О, светоносное великое Пространство,
Где мысли чудится всходящая стезя,
Всегда одетая в созвездные убранства, —
В тебе миров и снов бездонно постоянство,
Никем не считанных, и их считать нельзя.

Начало и конец всех мысленных явлений,
Воздушный Океан эфирных синих вод,
Ты Солнце нам даешь над сумраком томлений,
И красные цветы в пожарах преступлений,
И в зеркале морей повторный Небосвод.

ЗЕМЛЯ

Цвет расцветшей жизни, нежный
изумруд.
Горящие Здания

Звезда, на которой сквозь Небо
мерцает трава.
Фата Моргана

1

Земля, я неземной, но я с тобою скован,
На много долгих дней, на бездну быстрых лет.
Зеленый твой простор мечтою облюбован,
Земною красотой я сладко заколдован,
Ты мне позволила, чтоб жил я как Поэт.

Меж тысячи умов мой мозг образовала
В таких причудливых сплетеньях и узлах,
Что все мне хочется, «Еще» твержу я, «Мало»,
И пытку я люблю, как упоенье бала,
Я быстрый альбатрос в безбрежных облаках.

Не страшны смелому безмерные усилья,
Шутя перелечу я из страны в страну,
Но в том весь ужас мой, что, если эти крылья
Во влаге омочу, исполненный бессилья,
Воздушный, неземной, я в Море утону.

Я должен издали глядеть на эти воды,
В которых жадный клюв добычу может взять,
Я должен над Землей летать не дни, а годы.
Но я блаженствую, я лучший сон Природы,
Хоть как я мучаюсь — мне некому сказать.

И рыбы бледные, немые черепахи,
Быть может, знают мир, безвестный для меня,
Но мне так радостно застыть в воздушном взмахе,
В ненасытимости, в поспешности, и страхе,
Над пропастью ночей, и над провалом дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама велела ты, чтоб здесь я был таким.
Ты в пропастях летишь, и я лечу, послушный,
Я страшен, как и ты, я чуткий и бездушный,
Хотя я весь — душа, и мне не быть другим.

Зеленая звезда, планета изумруда,
Я так в тебе люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нет, ты ужас, блеск, и чудо,
И ты спешишь — туда, хотя идешь — оттуда.
И я тебя люблю, и я тебя пою.

В раскинутой твоей роскошной панораме,
В твоей, нестынущей и в декабрях, Весне,
В вертепе, в мастерской, в тюрьме, в семье, и в храме
Мне вечно чудится картина в дивной раме,
Я с нею, в ней, и вне, и этот сон — во мне.

Сказал, и более я повторять не стану,
Быть может, повторю, я властен повторить: —
Я предал жизнь мою лучистому обману,
Я в безднах мировых нашел свою Светлану,
И для нее кручу блистающую нить.

Моя любовь — Земля, я с ней сплетен — для пира,
Легенду мы поем из звуковых примет.
В кошмарных звездностях, в безмерных безднах Мира,
В алмазной плотности бессмертного Эфира —
Сон Жизни, Изумруд, Весна, Зеленый Свет!

2

Странный мир противоречья,
Каждый атом здесь иной,

Беззаветность, бессердечье,
Лютый холод, свет с весной.

Каждый миг и каждый атом
Ищут счастия везде,
Друг за другом, брат за братом,
Молят, жаждут: «Где же? Где?»

Каждый миг и каждый атом
Вдруг с себя свергают грусть,
Любят, дышат ароматом,
Шепчут: «Гибнем? Что же! Пусть!»

И мечтают, расцветают,
Нет предела их мечте,
И внезапно пропадают,
Вдруг исчезнут в пустоте.

О, беспутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Как тебе себя не жалко?
Кровью дышут все поля.

Кровью дышат розы, маки,
И дневные две зари.
Вечно слышен стон во мраке: —
«В гробе тесно! Отвори!»

«Помогите! Помогите!» —
Что за странный там мертвец?
Взял я нити, сплел я нити,
Рву я нити, есть конец.

Если вечно видеть то же,
Кто захочет видеть сон?
Тем он лучше, тем дороже,
Что мгновенно зыбок он.

Ярки маки, маки с кровью,
Ярки розы, в розах кровь.

Льни бесстрашно к изголовью,
Спи смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же — мрак забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы в зеркале мгновенья
Ты красивым был опять.

Люди, травы, камни, звери,
Духи высшие, что здесь,
Хоть в незримой, в близкой сфере,
Мир земной прекрасен весь.

Люди бледные, и травы,
Камни, звери, и цветы,
Все в своем явленьи правы,
Все живут для Красоты.

Все в великом сложном Чуде —
И творенье, и творцы,
Служат страсти звери, люди,
Жизнь идет во все концы.

Всюду звери, травы, камни,
Люди, люди, яркий сон.
Нет, не будет никогда мне
Жаль, что в Мире я рожден!

Все вражды, и все наречья —
Буквы свитка моего.
Я люблю противоречье, —
Как сверкнуть мне без него?

3

Небо — сверху, Небо — снизу,
Небо хочет быть двойным.
Я люблю святую ризу,
Я люблю огонь и дым,

Небо каждое мгновенье
На Земле и вкруг Земли.
Близок праздник просветленья,
Пусть он мнится нам вдали.

Небо так же вечно с нами,
Как доступная Земля.
Здесь мы слиты с облаками,
В Небе — здешние поля.

Звезды вечно с нами слиты,
Хоть небесный свод вдали.
Звездным светом перевиты
Все мечтания Земли.

4

Мерно, размерно земное страдание,
Хоть беспримерно по виду оно.
Вижу я в зеркале снов и мечтания,
Вижу глубокое дно.
Вечно есть вечер, с ним свет обаянья,
В новом явленьи мечты и огни.
В тихие летние дни
Слышится в воздухе теплом жужжанье,
Гул голосов,
Звон и гуденье, как будто бы пенье
Тысяч, о, нет, мириад комаров,
Нет их меж тем в глубине отдаленья,
Нет и вблизи. Это сон? Наважденье?
Это — поднятье воздушных столбов.
Полосы воздуха вверх убегают.
Полосы воздуха нежно сверкают,
И непрерывность гуденья слагают,
Улей воздушный в садах облаков.

Мука долга, но короче, короче, —
Души предчувствуют лучшие дни.
В светлые зимние ночи
В Небо взгляни.

Видишь созвездья, и их постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
В этих морях есть свои жемчуга.
Души там носятся в плясках навеки,
Вихри там просятся в звездные реки,
Всплески созвездные бьют в берега.
Чу, лишь сознанию внятные струны,
С солнцами солнца, и с лунами луны,
Моря планетного мчатся буруны,
Твердость Эфира лучами сверля, —
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вот! между ними — Земля!
Где же все люди? Их нет. Все пустынно.
Все так духовно, согласно, причинно.
Нет человеков нигде.
Только твоя гениальность сознанья,
Сердца бездонного с сердцем слиянье,
Песня звезды к отдаленной звезде.
Полосы, полосы вечного Света,
Радостной тайною Небо одето, —
Близко так стало, что было вдали.
Непостижимо-прекрасное чудо: —
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда,
В глыбах бесцветных — восторг изумруда,
Майская сказка Земли.

5

В зеленом и белом тумане,
И в дымке светло-голубой,
Земля в мировом караване
Проходит, любуясь собой.

Растенья земные качает,
Поит опьяненьем цветы.
И ночь мировая венчает
Невесту небесной мечты.

Сплетает в союзе небесном
То с Солнцем ее, то с Луной,

С Венерой в содружестве тесном
С вечерней своей тишиной.

Всех любит Земля молодая,
Ей разных так сладко любить,
Различностью светов блистая,
Стожизненным можешь ты быть.

И вот половиною шара,
В котором Огонь без конца,
В гореньи дневного пожара
Земля опьяняет сердца.

И в это же самое время
Другой половиной своей
Чарует влюбленное племя
Внушеньями лунных лучей.

И странно желанно слиянье
С Землею двух светочей в Три.
Люби, говорит обаянье,
Бери — мы с тобою цари.

Качает нас Вечность, качает,
Пьянеют земные цветы.
И Полночь, и День отвечает
Невесте небесной мечты.

6

Земля, ты так любви достойна, за то что ты всегда иная,
Как убедительно и стройно все в глуби глаз,
вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы, и леса.
Болота, прерии, мареммы, пустыни, Море, Небеса.
Улыбки, шопоты, и ласки, шуршанье, шелест, шорох, травы,
Хребты безмерных гор во мраке, как исполинские удавы,
Кошмарность ходов под землею, расселин, впадин, и пещер,
И храмы в страшных подземельях, чей странен
сказочный размер.

Дремотный блеск зарытых кладов, целебный ключ
в тюрьме гранита,
И слитков золота сокрытость, что будет смелыми отрыта.
Паденье в пропасть, в мрак и ужас, в рудник, где раб —
как властелин,
И горло горного потока, и ряд оврагов меж стремнин.
В глубоких безднах Океана — дворцы погибшей Атлантиды,
За сном потопа — вновь под Солнцем — ковчег Атлантов,
Пирамиды,
Землетрясения, ужасность — тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханных полей.

7

Земля научает глядеть — глубоко, глубоко.
Телесные дремлют глаза, незримое светится око.
Пугаясь, глядит
На тайну земную.
Земля между тем говорит: —
Ликуй — я ликую.
Гляди пред собой,
Есть голос в веселом сегодня, как голос есть в темном вчера.
Подпочва во впадине озера — глина, рухляк, перегной,
Но это поверхностный слой: —
Там дно, а над дном глубина, а над глубью волна за волной.
И зыбится вечно игра
Хрусталя, бриллиантов, сапфира, жемчугов, янтарей, серебра,
Порождаемых Воздухом, Солнцем, и Луной, и Землей,
и Водой.
Слушай! Пора!
Будь — молодой!
Все на Земле — в переменах, слагай же черту за чертой.
Мысли сверкают,
Память жива,
Звучны слова.
Дни убегают, —
Есть острова.
Глубочайшие впадины синих морей
Неизменно вблизи островов залегают.

Будь душою своей —
Как они,
Те, что двойственность в слитность
слагают.
Ночи и дни,
Мрак и огни.
Мысли сверкают,
Память жива.
Не позабудь острова.
В дикой пустыне, над пропастью вод,
Нежный оазис цветет и цветет.
Сном золотом
Нежит игра.
Нынче — как дым —
Станет вчера.
Духом святым,
Будь молодым.
Время! Скорее! Пора!

8

Слышу я, слышу твой голос, Земля молодая,
Слышно и видно мне все: я — как ты.
Слышу, как дышат ночные цветы,
Вижу, как травка дрожит, расцветая.
Только мне страшно какой-то внезапной в душе
пустоты.
Что же мне в том, что возникнут черты?
То, что люблю я, бежит, пропадая.
Звучен твой голос, Земля молодая.
Ты многоцветна навек.
Вижу я цвет твой и тайные взоры.
Слышу я стройные струнные хоры,
Голос подземных и солнечных рек, —
Только мне страшно, что рвутся узоры,
Страшно, Земля, мне, ведь я Человек.
Что ж мне озера, и Море, и горы?
Вечно ли буду с одною мечтой!
Юноша страшен, когда он седой.

9

Явственно с горного склона я
Вижу, что ты
Не только зеленая.
В пурпур так часто ты любишь рядить
Нежность своей красоты,
Красную в ткани проводишь ты нить.
Ты предстаешь мне как темная, жадная,
И неоглядная,
Страшно-огромная, с этими взрывами скрытых огней,
Вся еще только — намек и рождение,
Вся — заблуждение
Быстрых людей и зверей,
Вся еще — алчность и крики незнания,
Непонимание,
Бешенство дней и безумство ночей,
Только сгорание, только канун просветления,
Еле намеченный стих песнопения
Блесков святых откровения,
С царством такого блаженства, где стон не раздастся ничей.

10

Да, я помню, да, я знаю запах пороха и дыма,
Да, я видел слишком ясно: — Смерть как Жизнь непобедима.
Вот, столкнулась груда с грудой, туча с тучей саранчи,
Отвратительное чудо, ослепительны мечи.
Человек на человека, ужас бешеной погони,
Почва взрыта, стук копыта, мчатся люди, мчатся кони,
И под тяжестью орудий, и под яростью копыт,
Звук хрустенья, дышут люди, счастлив, кто совсем убит.
Запах пороха и крови, запах пушечного мяса,
Изуродованных мертвых сумасшедшая гримаса.
Новой жертвой возникают для чудовищных бойниц
Вереницы пыльных, грязных, безобразных, потных лиц.
О, конечно, есть отрада в этом страхе, в этом зное: —
Благородство безрассудных, в смерти светлые герои.
Но за ними, в душном дыме, пал за темным рядом ряд
Против воли в этой бойне умирающих солдат.

Добиванье недобитых, расстрелянье дезертира, —
На такой меня зовешь ты праздник радостного пира?
О, Земля, я слышу стоны оскверненных дев и жен,
Побежден мой враг заклятый, но победой Я сражен.

11

Помню, помню — и другое. Ночь. Неаполь. Сон счастливый.
Как же все переменилось? Люди стали смертной нивой.
Отвратительно-красивый отблеск лавы клокотал,
Точно чем-то был подделан между этих черных скал.
В страшной жидкости кипела точно чуждая прикраса,
Как разорванное тело, как растерзанное мясо.
Точно пиния вздымался расползающийся пар,
Накоплялся и взметался ужасающий пожар.
Красный, серый, томно-серый, белый пар, а снизу лава, —
Так чудовищный Везувий забавлялся величаво.
Изверженье, изверженье, в самом слове ужас есть,
В нем уродливость намеков, всех оттенков вам не счесть.
В нем размах, и пьяность, рьяность огневого водопада,
Убедительность потока, отвратительность распада.
Там в одной спаленной груде — звери, люди, и дома,
Пепел, более губящий, чем Азийская чума.
Свет искусства, слово мысли, губы в первом поцелуе,
Замели, сожгли, застигли лавно-пепельные струи.
Ненасытного удава звенья сжали целый мир,
Здесь хозяин пьяный — Лава, будут помнить этот пир.

12

Что же, что там шелестит?
Точно шорох тихих вод.
Что там грезит, спит не спит,
Нарастает и поет?

Безглагольность. Тишина.
Мир полночен. Все молчит.
Чья же там душа слышна?
Что так жизненно звучит?

Голос вечно-молодой,
Хоть почти-почти без слов.
Но прекрасный, но святой,
Как основа всех основ.

Перекатная волна.
Но не Море. Глубоко
Дышит жизнь иного сна.
Под Луной ей так легко.

Это нива. Ночь глядит.
Ласков звездный этот взгляд.
Нежный колос шелестит.
Все колосья шелестят.

Отгибаются, поют,
Наклоняются ко сну.
Соки жизни. Вечный труд.
Кротко льнет зерно к зерну.

Что там дальше? Целый строй
Неживых — живых стволов.
Гроздья ягод над землей,
Вновь основа всех основ.

На тычинках небольших
Затаенная гроза,
Звонкий смех и звонкий стих,
Миг забвения, лоза.

Радость светлая лица,
Звезды ласково глядят.
Зреет, спеет без конца
Желтый, красный виноград.

Эти ягоды сорвут,
Разомнут их, выжмут кровь.
Весел труд. Сердца поют.
В жизни вновь живет Любовь.

О, победное Зерно,
Гроздья ягод Бытия!
Будет белое вино,
Будет красная струя!

Протечет за годом год,
Жизнь не может не спешить.
Только колос не пройдет,
Только гроздья будут жить.

Не окончатся мечты,
Всем засветится Весна!
Литургия Красоты
Есть, была, и быть должна!

Книга VI

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ. ЗЛЫЕ ЧАРЫ

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ

Детские песенки

ПОСВЯЩЕНИЕ

Солнечной Нинике, с светлыми глазками —
Этот букетик из тонких былинок.
Ты позабавишься Фейными сказками,
После блеснешь мне зелеными глазками, —
В них не хочу я росинок.
Вечер далек, и до вечера встретится
Много нам, гномы, и страхи, и змеи.
Чур, не пугаться, — а если засветятся
Слезки, пожалуюсь Фее.

К. Бальмонт

Sillamäggi Estl.
1905. Sept. 7

ФЕЯ

ФЕЯ

Говорили мне, что Фея,
Если даже и богата,
Если ей дарит лилея
Много снов и аромата, —
Все ж, чтоб в замке приютиться,
Нужен ей один листок,
Им же может нарядиться
С головы до ног.

Да, иначе быть не может,
Потому что все в ней нежно,
Ей сама Луна поможет,
Ткань паук сплетет прилежно.
Так как в мире я не знаю
Ничего нежнее фей,
Ныне Фею выбираю
Музою моей.

НАРЯДЫ ФЕИ

У Феи — глазки изумрудные,
Все на траву она глядит.
У ней наряды дивно-чудные,
Опал, топаз, и хризолит.

Есть жемчуга из света лунного,
Каких не видел взор ничей.
Есть поясок покроя струнного
Из ярких солнечных лучей.

Еще ей платье подвенечное
Дал колокольчик полевой,
Сулил ей счастье бесконечное,
Звонил в цветок свой голубой.

Росинка, с грезой серебристою,
Зажглась алмазным огоньком,
А ландыш свечкою душистою
Горел на свадьбе с Светляком.

ПРОГУЛКА ФЕИ

Фея в сад гулять пошла,
Так нарядна и светла,
Говорит с цветами,
Ей цветы: Будь с нами.

Фея, будь, как мы, цветок,
Развернись как лепесток.
Будь рябинкой дикой,
Или павиликой.

Будь Анютиным глазком,
Или синим васильком.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетит на лепесток
Желтокрылый мотылек,
Хоботком коснется,
Фея улыбнется.

Прилетит к тебе пчела,
Прожужжит, не бойся зла,
Я лишь пыль сбираю,
Мед приготовляю.

Покачнув на тыне хмель,
Прогудит мохнатый шмель:
Ну-ка, поцелую
Фею молодую.

А когда придет закат,
Все цветы проговорят;

В росах умываться,
Спать приготовляться.

Фея слушала цветы,
Фея нежила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла оттуда.

Или я на мотылька
Променяю светлячка?
Не хочу меняться. –
И давай смеяться.

Скрылась в замок под листком,
Забавлялась с Светляком.
Цветиком не стала,
Звонко хохотала.

ФЕЯ ЗА ДЕЛОМ

К Фее в замок собрались
Мошки и букашки.
Перед этим напились
Капелек с ромашки.

И давай жужжать, галдеть,
В зале паутинной,
Точно выискали клеть,
А не замок чинный.

Стали жаловаться все
С самого начала,
Что ромашка им в росе
Яду подмешала.

А потом на комара
Жаловалась муха,
Говорит, мол, я стара,
Плакалась старуха.

Фея слушала их вздор,
И сказала: Верьте,
Мне ваш гам и этот сор
Надоел до смерти.

И велела пауку, —
Встав с воздушных кресел,
Чтобы тотчас на суку
Сети он развесил.

И, немедля, стал паук
Вешать паутинки.
А она пошла на луг
Проверять росинки.

НАХОДКА ФЕИ

Фея сделала находку:
Листик плавал по воде.
Из листка построив лодку,
Фея плавает везде.

Под стеной ручного срыва
Показался ей налим,
Он мелькнул пред ней красиво,
И исчез, неуловим.

Дальше, больше. Дышут травы
В светлом зеркальце реки.
Целым островом — купавы,
Целым лесом — тростники.

Ей тритоны удивлялись,
Проползая бережком,
И, смешные, похвалялись
Ей оранжевым брюшком.

Плавунцы в воде чернели,
И пускали пузыри.
Обещались — в самом деле
Быть ей свитой до зари.

Все бы, все бы было складно,
Да внезапно с ветерком
Стало сумрачно, прохладно,
Громыхнул далекий гром.

Лодку Феи ветер, вея,
Опрокинул, — не со зла,
Но однако ж вправду Фея
Утонуть в реке могла.

Но она лишь усмехнулась,
Миг, — и в замок, до грозы,
Фея весело вернулась
На спине у стрекозы.

РЕШЕНИЕ ФЕИ

Солнце жаворонку силу петь дает,
Он до Солнца долетает и поет.
Птичка жаворонок — певчим птичкам царь,
На совете птиц давно решили, встарь.

Но решенье птиц не принял соловей,
Он с обидой дожидается ночей.
И как только означается Луна,
Соловьиная баллада всем слышна.

Фея молвила: Чего же спорить им?
Ну и глупые с решением своим.
После утра есть вечерняя заря,
В дни и ночи пусть нам будут два дара.

ЗАБАВЫ ФЕИ

Пускала пузырики
В соломенку Фея.
Придворные лирики
Жужжали ей, рея: —

О, чудо-пузырики,
О, дивная Фея!

Пурпурные,
Нежнее, чем в сказке.
Какие в них линии,
Какие в них краски!
Зеленые, синие,
Как детские глазки.

Но Фее наскучили
Жужжащие мошки.
Всегда ведь канючили
Они на дорожке.
Забавы замучили
Ей ручки и ножки.

Соломенку фейную
От Феи убрали.
Постельку лилейную
Готовить ей стали.
И песнь тиховейную
Ей сны напевали.

ВЕТЕРОК ФЕИ

В сказке фейной, тиховейной,
Легкий Майский ветерок
Колыхнул цветок лилейный,
Нашептал мне пенье строк.

И от Феи лунно-нежной
Бросил в песни мне цветы.
И умчался в мир безбрежный,
В новой жажде красоты.

А еще через минутку
Возвратился с гроздью роз:
«Я ушел, но это в шутку,
«Я тебе цветов принес».

ЧАРЫ ФЕИ

Я шел в лесу. Лес темный был
Так странно зачарован.
И сам кого-то я любил,
И сам я был взволнован.

Кто так разнежил облака,
Они совсем жемчужны?
И почему ручью река
Поет: Мы будем дружны?

И почему так ландыш вдруг
Вздохнул, в траве бледнея?
И почему так нежен луг?
Ах, знаю! Это — Фея.

ТРУДНО ФЕЕ

«Фея» — шепнули сирени,
«Фея» — призыв был стрижа.
«Фея» — шепнули сквозь тени
Ландыши, очи смежа.

«Фея», — сквозя изумрудно,
Травки промолвила нить.
Фея вздохнула: Как трудно!
Всех-то должна я любить.

БЕСПОРЯДКИ У ФЕИ

Сегодня майские жуки
Не в меру были громки.
И позабыли червяки
Мне осветить потемки.

Пошла бранить я Светляка,
Чтоб не давать поблажки.

Споткнулась вдруг у стебелька
Ромашки или кашки.

И вот лежу я и гляжу,
Кто черный там крадется.
Никак ума не приложу,
А сердце бьется, бьется.

И молвил кто-то грубо так:
«Послушай-ка, гляди-тка».
Тут лампочку зажег Светляк,
И вижу я — улитка.

Ползет, расставила рога,
Вся мокрая такая.
«Ступай», — сказал Светляк, «в луга»,
Слегка ее толкая.

А я ему: «Вина твоя!
Где был? В гостях у мухи?»
И в эту ночь заснула я
Совсем-совсем не в духе.

ФЕЯ ВО ГНЕВЕ

Фея в печку поглядела.
Пламя искрилось и рдело.
Уголечки от осины
Были ярки как рубины.

И сказала Фея: Если,
Здесь, пред пламенем горящим,
Я сижу в узорном кресле,
И довольна настоящим, —

Вечно ль буду я довольна,
Или краток будет срок?
И вскричала тотчас: Больно! —
Пал ей в ноги уголек.

Фея очень рассердилась.
Кресло быстро откатилось.
Отыскав в углу сандала,
Фея ножку врачевала.

И, разгневавшись на печку,
Призывает Фея гнома.
Приказала человечку
Делать, что ему знакомо.

Тот скорее сыпать сажи,
Все погасло в быстрый срок.
Так темно, что страшно даже.
Был наказан уголек!

ФЕЙНАЯ ВОЙНА

Царь муравейный
С свитой фейной
Вздумал войну воевать.
Всех он букашек,
С кашек, с ромашек,
Хочет теперь убивать.

Фея вздыхает,
Фея не знает,
Как же теперь поступить,
В Фее все нежно,
Все безмятежно,
Страшное слово — убить.

Но на защиту
Легкую свиту
Фея скорей созывать,
Мир комариный,
Царь муравьиный
Выслал опасную рать.

Мошки жужжали,
И верезжали
Тонким своим голоском.

О, муравейник,
Это — репейник
Там, где все гладко кругом.

С войском мушиным
Шел по долинам
В пламени грозном Светляк.
Каждый толкачик
Прыгал как мячик,
Каждый толкачик был враг.

Враг муравейный
Выстрел ружейный
Делал, тряся хоботком.
Путь с колеями,
Весь с муравьями,
Был как траншеи кругом.

Небо затмилось,
Солнце укрылось,
В туче стал гром грохотать.
Каждая сила
Прочь отступила,
Вспугнута каждая рать.

Стяг муравьиный
Лист был рябины,
Он совершенно промок.
Знаменем Феи
Цвет был лилеи,
Весь его смял ветерок.

Спор тот жестокий
Тьмой черноокой
Кончен был прямо ни в чью.
Выясним, право,
Мошкам ли слава,
Слава ль в войне Муравью?

ВОЛК ФЕИ

Странный Волк у этой Феи.
Я спросил его: Ты злой? —
Он лизнул цветок лилеи,
И мотнул мне головой.

Это прежде, мол, случалось,
В старине былых годов.
Злость моя тогда встречалась
С Красной Шапочкой лесов.

Но когда Охотник рьяный
Распорол мне мой живот,
Вдруг исчезли все обманы,
Все пошло наоборот!..

Стал я кроткий, стал я мирный,
Здесь при Фее состою,
На балах, под рокот лирный,
Подвываю и пою.

В животе же, плотно сшитом,
Не убитые теперь.
Я кормлюсь травой и житом,
Я хоть Волк, но я не зверь. —

Так прошамкал Волк мне серый,
И в амбар с овсом залез. —
Я ж, дивясь ему без меры,
Поскорей в дремучий лес.

Может, там другой найдется
Серый Волк и злющий Волк.
Порох праздника дождется,
И курок ружейный — щелк.

А уж этот Волк, лилейный,
Мирный, мирный, и с овсом,
Пусть он будет в сказке фейной,
И на ты с дворовым псом.

ФЕЯ И БРОНЗОВКА

Бронзовка — жук изумрудный,
Очень приятный для взгляда.
В дружбе он жил обоюдной
С Феей волшебного сада.

Вместе по дикой рябинке
В час проходили урочный.
Вместе вкушали росинки,
С пылью мешая цветочной.

Вместе дождались рассвета
Яркого пышного Мая.
И с наступлением Лета
Скрылись из этого края.

ФЕЯ И СНЕЖИНКИ

Катаясь на коньках,
На льду скользила Фея.
Снежинки, тихо рея,
Рождались в облаках.
Родились — и скорей,
Сюда, скорей, скорее.
Из мира снежных фей
К земной скользящей Фее.

ТРИ ПЕСЧИНКИ

«Что можно сделать из трех песчинок?»
Сказала как-то мне Фея вод.
Я дал букетик ей из былинок,
И в трех песчинках ей дал отчет.

Одну песчинку я брошу в Море,
Ей будет любо, там в глубине,
Другая будет в твоем уборе,
А третья будет на намять мне.

ШЕЛКОВИНКА

Из тонкой шелковинки я ниточку пряду,
По тонкой шелковинке тебя я поведу.
Кусочек перламутра — лампадочка моя,
В жемчужные покои войдем мы, ты и я.

Я там тебе открою атласную кровать,
И бабочки нам будут воздушно танцевать.
И тонко так, хрустально, подобные ручью,
Нам часики смешные споют: «Баю-баю».

ДЕТСКИЙ МИР

ДЕТСКИЙ МИР

Белки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки, и кроты.
Как вы вновь мне стали близки!
Снова детские цветы.

Незабудки расцветают,
Маргаритки щурят глаз,
Подорожники мечтают —
Вот роса зажжет алмаз.

Вплоть до самой малой мошки,
Близок стал мне мир живых,
И змеистые дорожки
Повели к кустам мой стих.

А в кустах, где все так дико,
Притаился хмурый еж.
Вон краснеет земляника,
Сколько ягод здесь найдешь!

Все цветы на зов ответят,
Развернув свои листки.
А в ночах твой путь осветят
Между травок светляки.

УТРО

Деточка, птичка моя,
Дверку открой.
Это я,
Мальчик твой.
Ты котенком меня назвала,
Ты сказала мне — мальчик, поэт.

Ты причудливой с первых мгновений была,
И ко мне возвратилось младенчество.
Я принес тебе свежие маки с росой,
Зацелую тебя, светлоглазка моя.
Ну, скорей же, открой,
Это я.

У ЧУДИЩ

Я был в избушке на курьих ножках.
Там все как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши, и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.

Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у Старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму, и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.

Пойду, пожалуй, теперь к Кощею.
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны — и был таков.

СКАЗОЧКИ

Помнишь, миленький дружок,
Помнишь, деточка моя:
«Петушок, да петушок,
Золотой он гребешок»,
Сказку сказывал я.

Засмеялась ты в ответ,
Засмеялась: «Ха, ха, ха!
Вот какой смешной поэт!
Не хочу я, нет, нет, нет,
Говорить про петуха».

Я про козлика тогда
Начал сказку говорить.
И журчала нам вода.
Если б, если б нам всегда
В этих сказочках быть!

ЗАИНЬКА

Заинька беленький хвостиком моргал,
Заинька в садике вкусного искал.
Заиньку в садике садовник увидал,
Выстрелил в заиньку, выстрел не попал.

Заинька прочь ушел, пошел он в огород,
В грядках капустных стал сильный недочет.
Заиньку отдали амке под надзор,
Амкает амка, но зайка ловкий вор.

Заиньку белого вьюга бережет,
Заиньку полночь в обиду не дает.
Заиньку белого ежели убьют,
Что же нам песенки веселые споют!

КОШКИН ДОМ

Мышка спичками играла,
Загорелся кошкин дом.
Нет, давай начну сначала,
Мышка спичками играла,
Перед Васькой, пред котом.

Промяукнул он на мышку, —
А она ему: «Кис-кис».
«Нет», сказал он, «это — лишку»,
И за хвостик хвать плутишку.
Вдруг усы его зажглись.

Кот мяукать, кот метаться.
Загорался кошкин дом.

Тут бы кошке догадаться,
А она давай считаться,
Все поставила вверх дном.

Погубила ревность злая.
Кошкин дом сгорел до тла.
«Этой мышке помогла я»,
Спичка молвила, пылая. —
Мышка до сих пор цела.

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Одуванчик вздумал взять
    Замуж маргаритку.
А червяк, чтоб не отстать,
    Замуж взял улитку.

И ликуют два цветка,
    Счастливы друг другом.
И улитка червяка
    Назвала супругом.

Но мгновенно улетел
    Одуванчик белый.
Маргаритке был удел
    Стать вдовой несмелой.

А с улиткой каблуком
    Вмиг была расправа,
Что же стало с червяком,
    Я не знаю, право.

ГЛУПЕНЬКАЯ СКАЗКА

Курочки-хохлаточки
По дворику ходили.
Улиточки-рогаточки
По травкам след водили.

Черненькая бархатка
В платьице запала.
Черненькая бархатка
В складочках пропала.

Деточка закрыла
Усталые глазки.
Дышит — и не слышит
Глупенькой сказки.

ТРЯСОГУЗКА

Трясогузка, возле лужи,
Хвост тряся исподтишка,
Говорила: «Почему же
«Всем стихи, — мне нет стишка?

Я ли бегаю не прытко?
Я ли мошек не ловлю?
Иль стихам нужна улитка?
Вот уж гадость. Не терплю».

Трясогузка, чудо-птица,
Ты милей мне ярких звезд.
Ты... Но скрылась баловница,
Повернув свой быстрый хвост.

СМЕШНОЙ СТАРИК

Вот какой смешной старик,
        Школьный дядька наш,
Дал нам много скучных книг,
Но забыл смешной старик
        Дать цветочных чаш.

Вот мы книги в тот же миг, —
        Раз, и пополам.

Тут поднялся смех и крик,
Позабыт смешной старик,
В сад скорей, к цветам.

Книги пусть читает он,
У него очки.
Он так стар и так учен,
Нам приятней видеть клен,
Хмель и васильки.

Книги пусть читает он,
И сидит в шкафах.
Мы же любим небосклон,
Вольных смехов светлый звон,
Сад в живых цветах.

ГНОМЫ

На лугу большие кучи
Свеже-вырытой земли.
Лето. Жарко. Полдень жгучий.
Дым стоит вдали.

Кто здесь рылся? Может, гномы.
Всей смешной толпой своей,
Строят нижние хоромы
Для своих царей?

Города во тьме возводят,
Строят замки под землей.
И, уродливые, ходят
Под моей ногой?

Зажигают вырезные
Лампы в царстве темноты?
Нет, ошибся. То — слепые
Черные кроты.

РУСАЛОЧКА

Русалка с звонким хохотком,
        Таким хрустально-частом,
И в этом воздухе ночном,
        Так лунно серебристом,

Меня звала, и мне плела
        Такие небылицы,
Моя разумность вдруг прошла,
        И стал я легче птицы.

И в воду, прямо в воду к ней, —
        Удержат ли обрывы!
Но, горе храбрости моей,
        Русалочки смешливы.

Я захлебнулся, чуть дышу,
        Они меня щекочут,
Как лягушонок, я пляшу,
        А им-то что, хохочут.

И надавали мне шлепков,
        Таких, сказать обидно.
Мелькнул их рой, и был таков.
        Я — мокрый! Как мне стыдно!

ЗА ГРИБАМИ

Вот мы дружною семьей —
        За грибами, в лес.
Я да он, да ты со мной,
        Старый лес воскрес.

Был он тихий — темный бор,
        Пасмурно глядел.
А как наш раздался хор,
        Весь он загудел.

Закрутился тенор твой,
        Загремел мой бас.
Наш товарищ фистулой
        Подбодряет нас.

Белка слушала во сне,
        И с размаху — прыг.
Там сорока в вышине
        Подняла свой крик.

Можжевельник зашуршал,
        Вон там чей-то глаз.
Это леший побежал,
        Испугавшись нас.

Ну, товарищи, вперед,
        Врассыпную вдруг.
Тот, кто первый — гриб найдет,
        Он мой лучший друг.

Только, братцы, примечай,
        Вот вам уговор:
Чтобы этот гриб, пускай,
        Был не мухомор.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Детка, хочешь видеть Рай?
Все забудь и засыпай.
Лишь храни мечту свою,
Баю-баюшки-баю.

Ты устала, отдохни,
В Небе светятся огни.
И лампадка, говорить:
Спи, малютка. Небо спит.

Баю-баю-баю-бай,
Потихоньку засыпай.

Что увидишь ты во сне,
Расскажи по-утру мне.

Ты увидишь светлый Рай,
В нем цветы себе сбирай.
Будем вместе мы в Раю,
Баю-баюшки-баю.

РОДНИК

Прочь от елочки хмурной,
Мимо роз и гвоздик,
До сирени лазурной
Пробегает родник.

Отдает он прохладу
И листам и цветам,
Серебрится по саду,
Потерялся вон там.

За зеленой оградой,
Где летают стрижи,
Он возник серенадой
В честь желтеющей ржи.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Небосвод сегодня новый,
Свежий, светлый, бирюзовый,
За ночь мылся он дождем,
У зари он занял, рано,
И белила, и румяна,
И лазурности притом,
От лучистой желтой пыли
Облака его прикрыли
Вскипом белых покрывал,
И звенит наш день веселый,
И припали к розам пчелы,
Нежа розовый бокал.

РАКОВИНКИ

Раковинки, камешки, игрушки,
Сказки-травки в зеркале реки.
Жил Старик и говорит Старушке: —
Мы с тобой зачахнем от тоски.

Говорить Старушка: Что же, Старый,
Создавай ты Море для людей.
Я создам ручьи, лесные чары,
Жить тогда нам будет веселей.

Люди кораблей себе настроят,
Будут петь, браниться, и кричать.
Если ж мысли их забеспокоят,
Ключ лесной им будет отвечать.

Дети прибегут играть на взморье,
Море что и бросит для детей.
Им забава, нам, седым, подспорье,
Будет Старым в мире веселей.

Зашумело Море кругземное,
Притаились по лесам ручьи.
Помолчат — и разольются вдвое,
Парус забелел, бегут ладьи.

И живет Старик, легко Старушке,
По ручьям проходят огоньки.
Светят травки, малые подружки,
Раковинки, камешки, пески.

ЦВЕТОК

Отчего цветет цветок,
Разгадать никто не мог.
Но цветок всегда цветет,
День за днем, за годом год.

И за годом год, всегда,
Светит вечером Звезда.
И для нас, века веков,
Нет разгадки лепестков.

Но зачем разгадка,
Если я молюсь Весне,
Если я в вечерний час
Рад, что вот, Звезда зажглась.

Но зачем загадка снов,
Если нежен лик цветов,
Если вводят нас цветы
В вечный праздник Красоты.

БЫЛИНКИ

КАК Я ПИШУ СТИХИ

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья ей издалека,
Четвертая смеется, набегая.

И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом,
И, право, никогда — не сочиняю.

ЛУЧШЕ

Я не хотел бы стать грозой,
В ней слишком-слишком много грома.
Я б лучше сделался росой,
Ей счастье тихое знакомо.

Я б лучше сделался цветком,
Как цвет расцвел бы самый малый.
Ему не нужен шум и гром,
Чтоб быть счастливым в грезе алой.

ЗЕРНО

Трудовые мечты,
Золотое зерно.
Торжество Красоты,
Как мне близко оно!

Как мне радостен вид
Лошаденки простой!

В глыбах пашни скользит
Солнца луч золотой.

Озимые поля,
Созревание нив.
Молодая земля,
Лик твой вечно-красив.

Серп с косою — мечи! —
И победность сохи
Мне поют как лучи,
Мне горят как стихи.

Сын Земли я и Дня,
Неразрывно звено.
И в душе у меня
Золотое зерно.

Росинка дрожала
На тонком листке.
Речонка дышала,
Шурша в тростнике.

В росинку гляжу я,
И вижу, что в ней
Играет, ликуя,
Так много огней.

Зеленый и синий,
И красный, горят,
И белый, как иней,
И светлый, как взгляд.

Все краски люблю я,
Пленительный вид,
Нежней поцелуя,
Росинка горит.

Дан миг ей лишь краткий.
Исчезнет потом.

Но лист ей, украдкой,
Здесь выстроил дом.

Их еле заметишь,
Так малы они.
Но где же ты встретишь
Такие огни?

ЛЕСНЫЕ КОРАЛЛЫ

Зеленые мшинки
Росли на сосне.
Изумрудные жили пушинки
В лесном зачарованном сне.
Сосны были огромны,
Многозвонно гудел этот бор.
Но кораллы зеленые мшинок, мечтательно скромны,
Не слыхали вершинный тот хор.
И не видели мшинки,
Как лесные цветы,
Затаивши росинки,
Раскрывали тревожно листы.
Ничего не хотели они, лишь расти и расти, умножая
Острова из кораллов зеленых на серой смолистой коре,
Никому не мешая,
И светясь под лучом, и трикратно светясь на заре.

КАПЛИ СМОЛЫ

Липкие капли смолы
С этой сосны мы сберем.
Богу лесному хвалы
Голосом светлым споем.

Яркий воздвигнем костер.
Много смолистых ветвей.
Будет он радовать взор
Пляской змеистых огней.

Капли душистой смолы
Будут гореть, как свеча.
Богу лесному хвалы,
Радость огней горяча.

ГРОЗОВОЙ КОСТЕР

В небе духи жгли костер,
Грозовые исполины.
Раскаленные рубины
Осветили грани гор.

Был раскидистым закат,
Захватил в горах изломы.
Миг, и вот хохочут громы,
Набегающе гремят.

Весь надоблачный простор
Был — над царством гор взметенный,
Исполинами зажженный,
Торжествующий костер.

БЕРЕЗА

Береза родная, со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал.
Я скучал о сирени в цвету, и о нем, соловке голосистом,
Обо всем, что я в детстве, с мечтой обвенчал.
Я был там далеко,
В многокрасочной пряности пышных ликующих стран.
Там зловещая пума враждебно так щурила око,
И пред быстрой грозой оглушал меня рев обезьян.
Но, тихонько качаясь,
На тяжелом, чужом, мексиканском седле,
Я душою дремал, и, воздушно во мне расцвечаясь,
Восставали родимые тени в серебряной мгле.
О, весенние грозы!

Детство с веткой сирени, в вечерней тиши соловей,
Зыбь и шопот листвы этой милой плакучей березы,
Зачарованность снов — только раз расцветающих дней!

СМЕХ РЕБЕНКА

Смех ребенка за стеной,
        Близко от меня,
Веет свежею весной,
Говорит о власти дня.

Это сказка, это сон,
        Что из нежных струй
Легкий стебель вознесен,
Воплощенный поцелуй.

Легкий стройный стебелек,
        С ласковым цветком,
Завязь, в мире, новых строк,
Птичка с светлым хохолком.

Птичка с светлым голоском,
        Пой мне без конца,
Будь мне сказкой, будь цветком,
Будь улыбкою лица.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Анютины глазки,
Жасмин, маргаритки,
Вы — буквы на свитке
Поблекнувшей сказки.

Вы где-то дышали,
Кому-то светили,
Без слез, без печали.
Вы жили, вы были.

И вот чрез мечтанья,
Воздушны и зыбки,
Вы шлете сиянья.
Дарите улыбки.

Вы шлете мне ласки,
В бессмертном избытке,
Жасмин, маргаритки,
Анютины глазки.

БАБОЧКА

Помню я, бабочка билась в окно,
Крылышки тонко стучали.
Тонко стекло, и прозрачно оно,
Но отделяет от дали.

В Мае то было. Мне было пять лет.
В нашей усадьбе старинной.
Узнице воздух вернул я и свет.
Выпустил в сад наш пустынный.

Если умру я, и спросят меня: —
В чем твое доброе дело? —
Молвлю я: Мысль моя майского дня
Бабочке зла не хотела.

ЗОЛОТОЙ И СИНИЙ

Солнечный подсолнечник, у тына вырос ты.
Солнечные издали нам видны всем цветы.
На полях мы полем здесь наш красивый лен.
К голубому льну идет золотистый сон.

С Неба оба нам даны на земных полях.
Ярки в цвете, темны вы в сочных семенах.
Утренний подсолнечник, ты — солнце на земле.
Синий лен, ты — лунный лик, ты свет луны во мгле.

ПАУТИНКИ

От сосны до сосны паутинки зажглись,
Протянулись, блеснули, качаются.
Вот потянутся вверх, вот уж зыблются вниз,
И осенним лучом расцвечаются.

Как ни нежен, дитя, детский твой поцелуй,
Он порвал бы их тонким касанием.
Луч осенний, свети, и блести, заколдуй
Две души паутинным сиянием.

ОН СПРОСИЛ МЕНЯ

Он спросил меня: — Ты веришь? —
Нерешительное слово!
Этим звуком не измеришь
То, в чем есть моя основа.

Да не выражу я бледно,
То, что ярко ощущаю. —
О, с бездонностью, победно,
Ослепительно — я знаю!

БЕССМЕРТНИКИ

Бессмертники, вне жизни, я мальчик был совсем,
Когда я вас увидел, и был пред вами нем.
Но чувствовал я то же тогда, что и теперь: —
Вы тонкий знак оттуда, куда ведет нас дверь.

Тяжелая с замками, вся расписная дверь,
С одним лишь словом в скрипе, когда отворишь: —
Верь.
Бессмертники, я знаю. Чего нам медлить тут?
Мы жили здесь. Довольно. Нас в новый мир зовут.

ВЕСЕЛАЯ ОСЕНЬ

Щебетанье воробьев,
Тонкий свист синиц.
За громадой облаков
Больше нет зарниц.

Громы умерли на дне
Голубых небес.
Весь в пурпуровом огне
Золотистый лес.

Ветер быстрый пробежал,
Колыхнул парчу.
Цвет рябины алым стал,
Песнь поет лучу.

В грезе красочной я длю
Звонкую струну.
Осень, я тебя люблю,
Так же, как Весну.

ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ

Радость может ждать на каждом повороте.
Не грусти. Не надо. Посмотри в окно.
Осень, в желтых листьях, в важной позолоте,
Медленно колдует. Что нам суждено?

Разве мы узнаем? Разве разгадаем?
Будем ждать, что чары улыбнутся нам.
Пляска мертвых листьев завершится Маем.
Лютики засветят снова по лугам.

Даже и сегодня... Ум предав заботе,
Шел я, хмурый, скучный, по лесной глуши,
Вдруг, на самой тропке, да, на повороте,
Красный цвет мелькнул мне в ласковой тиши.

Спелая рябина прямо предо мною,
Алая калина тут же рядом с ней.
Мы нарвем ветвей их на зиму с тобою,
Пред окном повесим комнатки твоей.

Прилетит снегирь, смешной и неуклюжий,
Раза два чирикнет, клюнет, да и прочь.
И метель завоет, все затянет стужей,
Но зимой, пред лампой, так уютна ночь.

И пока на всполье будут свиты вьюги,
Сон тебя овеет грезой голубой,
«Милый, что я вижу! Лютики на луге!
Хороводы травок! Ах, и я с тобой!»

ОСЕНЬ

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают,
Прочь, за синее Море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется,
И заплачет спросонья.

ОСЕННИЙ ВОЗДУХ

Пахнет грибами, листом перепрелым.
Пахнет и чем-то другим,
Точно горелым.
В синей дали наползающий медленный дым.

Дым и ползет, и как будто бы ждет он чего-то,
Будто бы он говорит:
Вот я, идите же.
Это горит
Торфяное болото.

ИЗМОРОЗЬ

Журавли потянули.
Улетают на Юг.
Лес — в немолкнущем гуле.
Ветры сильно дохнули.
Затуманился луг.
Утром изморозь млеет,
На траве, на окне.
Кто-то веет и реет,
Хочет власти — не смеет.
Но отсрочка лишь в дне.

БУСИНКИ

Моросит. Как бы росинки
Возникают на руках, —
Эти чудо-бисеринки,
Этот нежный, влажный прах.
Эти бусинки свиданья
Чуть блеснут, и вот их нет.
Лишь на крае одеянья —
На минутку — светлый след.

К ЗИМЕ

Лес совсем уж стал сквозистый,
Редки в нем листы.
Скоро будет снег пушистый
Падать с высоты.
Опушит нам окна наши,
В детской и везде.

Загорятся звезды краше,
Лед прильнет к воде.
На коньках начнем кататься
Мы на звонком льду.
Будет смех наш раздаваться
В парке на пруду.
А в затишьи комнат — прятки,
В четь и нечет — счет.
А потом настанут Святки,
Снова Новый Год.

СЕДОЙ ОДУВАНЧИК

Одуванчик, целый мир,
Круглый как земля,
Ты зовешь меня на пир,
Серебря поля.

Ты мне ясно говоришь:
Расцветай с Весной.
Будет нега, будет тишь,
Будь в весельи мной.

Поседеешь, отцветешь,
Разлетишься весь.
Но тоска и страхи — ложь.
Счастье вечно здесь.

Поседеешь, но седой
Помни свой черед.
Будешь снова золотой,
Утром, через год.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Одуванчик Желтым был,
Сделался седым.

Жар огня меня слепил,
Но над ним был дым.

Листья были изумруд, —
Желто-красен лес.
Ну, так что ж, зови на суд
Произвол Небес.

Все непрочно, мол, вокруг,
Хрупки жемчуга.
Мне же мил мой вешний луг,
Любы и снега.

И прекраснее всего
В сне, чье имя — дым,
То, что каждый миг его
Делает иным.

ЗИМА

Поля затянуты недвижной пеленой,
Пушисто-белыми снегами.
Как будто навсегда простился мир с Весной,
С ее цветками и листками.

Окован звонкий ключ. Он у Зимы в плену.
Одна метель поет, рыдая.
Но Солнце любит круг. Оно хранит Весну.
Опять вернется, Молодая.

Она пока пошла бродить в чужих краях,
Чтоб мир изведал сновиденья.
Чтоб видел он во сне, что он лежит в снегах,
И вьюгу слушает как пенье.

ОДУВАНЧИК

В бесконечности стремленья бесконечность достиженья,
Тот, кто любит утро Мая, должен вечно ждать Весны.

В каждом миге быстролетном светоносность есть внушенья,
Из песчинок создаются золотые сны.

Миг за мигом в Небе вьются звездовидные снежинки,
С ветром падают на Землю, и лежат как белый слой.
Но снежинки сон лелеют, то — цветочные пушинки,
Нежный свежий одуванчик с влажною Весной.

СНЕЖИНКИ

На детскую руку упали снежинки,
На малом мизинчике восемь их было число.
Различную форму являли пушинки,
И все так мерцали воздушно-светло,
Вот крестики встали, вот звезды мелькнули,
Как мягок сквозистый их свет.
Но детские пальчики чуть шевельнули, —
И больше их нет.

ФЕЙ

Мне девочка сказала:
Ты — мой Волшебный Фей.
О, нужно очень мало
Для полевых стеблей!

Им дай лишь каплю влаги,
Им дай один лишь луч,
И цвет расцветшей саги
В безгласности певуч.

Светлоголовке малой
Я сказку рассказал.
Я был пред тем усталый,
Пред тем я духом пал.

Из слез моих незримых,
Из смеха уст моих,

Я слил — о серафимах
Прозрачно-светлый стих.

И цвет раскрылся алый
В устах мечты моей,
И я — не мрак усталый,
А я — Волшебный Фей.

ТОНЬШЕ

Чем тоньше влажный прах, чем Влага бестелесней,
Тем легче пенности слагают кружева.
Чем ты в своих мечтах свободней и небесней,
Тем обольстительней, чудесней
Твои слова.

РУСАЛКА

В лазоревой воде, в жемчужных берегах,
    Плыла русалка в блеске чудном.
Она глядела вдаль, скользила в тростниках,
    Была в наряде изумрудном.

На берегах реки, из цельных жемчугов,
    Не возникало трав на склонах.
Но нежный изумруд был весь ее покров,
    И нежен цвет очей зеленых.

Над нею догорал оранжевый закат.
    Уже зажглась Луна опалом.
Но устремляла вдаль она лучистый взгляд,
    Плывя в течении усталом.

Пред ней звезда была меж дымных облаков,
    И вот она туда глядела.
И все роскошества жемчужных берегов
    За ту звезду отдать хотела.

СВЕТЛЫЙ МИР

Тонкий, узкий, длинный ход
В глубь земли мечту ведет.
Только спустишься туда,
Встретишь замки изо льда.

Чуть сойдешь отсюда вниз,
Разноцветности зажглись,
Смотрит чей-то светлый глаз,
Лунный камень и алмаз.

Там опал снежит, а тут
Расцветает изумруд.
И услышишь в замках тех
Флейты, лютни, нежный смех.

И увидишь чьих-то ног
Там хрустальный башмачок.
Льды, колонны, свет, снега,
Нежность, снежность, жемчуга.

Тонкий, узкий, длинный ход
В этот светлый мир ведет.
Но, чтоб знать туда пути,
Нужно бережно итти.

ЗЛЫЕ ЧАРЫ

Книга заклятий

Долго ночь меркнет; заря свет запала; мгла поля покрыла.

Кровавые зори свет поведают; черные тучи с моря идут; хотят прикрыти четыре солнца; а в них трепещут синие молнии.

Слово о полку Игореве

ОТСВЕТЫ РАКОВИН

О, жемчуг слов, отысканный в морских глубинах сердца, твои узоры красивы, но смысл твой горек, как морская вода.

Космогония Майев

ЗОВ

Я овеян дыханьями многих морей,
Я склонялся над срывами гор,
Я молился ветрам: «О, скорее, скорей!»,
Я во всем уходил на простор.

Я не знаю цепей, я не ведаю слов
Возбранить чьи б то ни было сны,
Я для злейших врагов не хотел бы оков,
А желать бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнее скорбей
На разгульном пиру бытия,
Я овеян дыханьями вольных морей,
Будьте вольными, братья, как я!

НО ЕСЛИ

Но если ты снежный
И если морозный, —
Хотя я и нежный,
Все ж буду я грозный.

Рожденный от света
Не знает врага,
Но силой привета
Растопит снега.

Я вечная сила
Души полновольной,
Не помнит, что было,
Восторг мой безбольный.

Но если ты вдвое,
Да мучить других, —
Иное, другое
Расскажет мой стих.

ОРГИЯ ЖИЗНИ

Орел точит когти. Крадется волк прерий.
Сова направляет окольный полет.
Безжалостны птицы. Без жалости звери.
Безжалостность — свойство всех тех, кто живет.

Верховные гении этого мира,
Зарезанным горлом мы кормим свой день.
Нам трупы животных — услада для пира,
Тут нужная дева — бесчувственный пень.

Нередко мы думаем, будто растенья
Суть алость улыбки и нежный цветок.
Нет, в мире растений — борьба, убиенье,
И петли их усиков — страшный намек.

Ухватят, удушат, их корни лукавы.
И цвет орхидеи есть лик палача,
Люблю я растенья, но травы — удавы
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТАЛИСМАНЫ

Судьба на утре дней дала мне талисманы,
Число их было три, и разны смыслы их.
Один меня повел в неведомые страны,
И там я в первый раз влюбленный был жених.

Другой мне изъяснил искусство завладенья
Сердцами, — я сердец покорных не сочту.
А третий мне явил тропинку нисхожденья —
Не в глубину земли — в меня, в мою мечту.

И первый талисман, смеясь, я бросил в Море,
Второй швырнул в окно, быть может, подниму.
Но третий талисман — звезда в моем уборе,
Я верую теперь ему лишь одному.

ПИР ЛЮБВИ

Я бросил весело бокал.
Ребенок звонко хохотал.
Спросил его, чего он так.
Сквозь смех он молвил мне: — Чудак!

Бокал любви разбил, но вновь
Захочешь пить, любить любовь. —
И в тот же миг — о, как мне быть? —
Я захотел любить, и пить.

Куски я с полу подобрал,
Из них составил вновь бокал.
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пил, а только кровь.

ГРЕХ

Кто создал безумное слово,
О, слово постыдное: — Грех!
Чуть смоешь пятно, вот оно означается снова,
Мешает, меняет, глушит, и уродует смех.

Как жалкий воришка,
Запрячется в спальню, в углу притаится как мышь,
И смотрит — меж двух не случится ли в ласках излишка, —
Скривится, чу, шорох: «Довольно», «Не более», «Лишь».

Лишь то, а не это. Лишь тот, и не с этой, а с тою.
Вот только. Вот столько. Шипенье, шуршанье змеи.
О, дьявол убогий, кропишь ты святою водою,
Но где освятил ты поганые брызги свои?

Прочь! Прочь, говорю я!
Здесь грешен лишь тот, кто осмелится вымолвить: «Грех».
О, свежесть ручьев! О, смеющийся звук поцелуя!
Весна и разливы! Счастливый ликующий смех!

СМЕНА ЧАР

В детстве искра из камина
Брызнет, бросится — и нам
В этом целая картина,
Пляшут тени по стенам.

А поздней мы любим свечи,
И страницы старых книг.
После сказок — сказку встречи,
Поцелуй, любовь на миг.

После — пламенность, пожары,
Зажигать, сжигать, гореть.
А потом — какие чары?
Только — умереть?

РЕБЕНОК

Ребенок, весь светлый, так мило курчавый,
Сказал мне: «Иду за тобой я, — а ты?
За кем?» Распускались весенние травы,
Пестрели, желтели цветы,
И я, рассмеявшись, сказал: «За стихами.
Стихи — вон за тем мотыльком.
А он с ветерком — за цветками,
И вместе играют они лепестком».
— «А все они вместе?» — «За Солнцем веселым».
— «А Солнце?» — «За Тьмою». — «Как, Солнце за Тьмой?
Ты шутишь! Ты гадкий!» О, медом тяжелым
Наполнен цветок полевой!

ДЕТСТВО

Как прелестен этот бред,
Лепет детских слов.
Предумышленности нет,
Нет в словах оков.

Сразу — Солнце и Луна,
Звезды и цветы.
Вся Вселенная видна,
Нет в ней темноты.

Все что было — здесь сейчас,
Все что будет — здесь.
Почему ж ты, Мир, для нас —
Не ребенок, весь?

ТУЧКА

Ты родилась, чтоб тучкой быть,
Чтоб небо нежить и любить.
Но, измененная судьбой,
Уж ты не в бездне голубой.

Ты небо нажила легко,
Ты тучкой рдела высоко.
Но в страшный час, но в бурный час
Ты вниз, слезами, пролилась.

ИЗБУШКА

В лесу избушка малая
Стоит себе, одна.
Дрема раскрылась алая,
Окончилась весна.

Настали дни расцветные
Июльской красоты.
Вновь дума безответная:
О, где же, где же ты?

Надену цветные бусы я,
И сяду над рекой.
Поникнут косы русые,
Я думаю с тоской.

Ты мне сказал: «Желанная!
Опять к тебе приду».
И снова ночь обманная,
Опять напрасно жду.

Уж листья осыпаются,
Уж осень на дворе.
Уж стаи птиц скликаются,
За лесом, на заре.

И я ли не лелеяла
Заветные мечты!
А все их, все развеяло,
Как летние цветы.

Наплакалась, намучилась
Осенняя пора.
И плакаться соскучилась,
Уходит со двора.

Настали дни холодные,
Повсюду снег и лед.
Пути застыли водные,
И лишь метель поет.

Сугробы треплет белые,
Под кровлей шелестит.
За сучья онемелые
Зацепится, свистит.

Кричит как ведьма шалая,
И стонет тишина.
Моя избушка малая
В лесу одна, одна.

ДВА СТРОЯ

1

Я помню ясно. Все. Была весна.
Я болен, беден, жалок, я не понят.
Но разве не весной мечты хоронят?
В душе был страх, недвижность, глубина.

Я медлил у высокого окна.
Мне мнилось: за стеною кто-то стонет.
Любимая, проклятая, жена —
Не слышно ей, что дух мой, дух мой тонет.

Я бросился на камни сквозь окно,
Но не было Судьбой мне суждено
Достичь конца чудовищной ошибки.

И я лежал, разбитый, на земле,
И слышал, как вверху, в лучистой мгле,
Роялю — отвечали звуки скрипки.

2

Прошли года. Я в прошлом вновь. Живу,
Я в память заглянул как в круг зеркальный.
Изломанный и спящий наяву,
Я в пропасти какой-то, изначальной.

Недосягаем свод Небес хрустальный.
Заклятый замок жизни весь во рву.
В разъятости двух душ, я, сон печальный,
Проклятым никого не назову.

Спасенный странной помощью Незримых,
Я все свои изломы исцелил.
Я встал с земли в сияньи свежих сил.

Но с этих дней, сквозь смех, меж двух любимых,
Два строя звуков дух мой различил:
Двойной напев — врагов непобедимых.

В МОРЯХ НОЧЕЙ

«Прощай, мой милый!» — «Милая, прощай!»
Замкнулись двери. Два ключа пропели.
Дверь шепчет двери: «Что же, кончен Май?»
«— Как Май? Уж дни октябрьские приспели».

Стук, стук. — «Кто там?» — «Я, это я, Мечта.
Открой!» — Стук, стук. — «Открой! Луна так светит».
Молчание. Недвижность. Темнота.
На зов души как пустота ответит!

«Прощай, мой милый». Милый! Ха! Ну, ну.
Еще в ней остроумия довольно.
«— Он милой назвал? Вспомнил он весну?
Пойти к нему? Как бьется сердце больно!»

Стук, стук. — «Кто там?» Молчание. Темно.
Стук, стук. — «Опять! Закрыты плохо ставни».
В морях ночей недостижимо дно.
Нет в мире власти — миг вернуть недавний!

ЗЕМНЫЕ ВАЛЫ

Окопы древние, Змеиные валы,
Извивно-тяжкие мечты подземной мглы,
Кругосоздания из марева бесов,
Как перебраться к вам? — Через бездонный ров.
Созвездья слитные, вы, гроздья высоты,
Змеиноликости, и ты, Луна, и ты,
Звезда Вечерняя, венец свершенных дней,
Где путь к вам? — Чрез эфир, в котором нет путей.
О, души женские, плененные мечтой,
Вы, сочетавшие змеиность с красотой,
Вы, вы, желанные, скажите, как к вам путь? —
Через бездонность глаз. Дрожишь? Оставь. Забудь.

ОМУТ

Над омутом, жутко-немым, глянцевитым,
Ущербная светит Луна,
С лицом опрокинутым, странно неслитым
С покоем полночного сна.

Но слитная страшно с той пропастью властной,
С тем круглым застывшим жерлом,
Где прошлою осенью, ночью ненастной,
Они утопились вдвоем.

Они, эти странные бледные люди,
Которых встречал я весной,
Когда расцветали на влаге, как в чуде,
Кувшинки под новой Луной.

ПРИЗРАКИ

Птичка серая летает
Каждый вечер под окно.
Голосок в кустах рыдает,
Что-то кончилось давно.

Звуки бьются так воздушно,
Плачут тоньше, чем струна.
Но внимают равнодушно
Мир, и Небо, и Луна.

Над усадьбою старинной
Будто вовсе умер день.
Под окошком тополь длинный
До забора бросил тень.

Стало призраком свиданье,
Было сном, и стало сном.
Лишь воздушное рыданье
Словно память под окном.

Эти звуки тонко лились
Здесь и в дедовские дни.
Ничему не научились
Ни потомки, ни они.

Вечно будет тополь длинный
Холить траурную тень.
В сказки счастья паутинной
Раз был день, и умер день.

СЕВЕРНОЕ ВЗМОРЬЕ

Небо свинцовое, солнце неверное,
Ветер порывистый, воды холодные,
Словно приливная, грусть равномерная,
Мысли бесплодные, век безысходные.

Здесь даже чайками даль не осветится,
Даже и тучкою только туманится,
Раковин взору на взморье не встретиться,
Камешком ярким мечта не обманется.

Зимами долгими, скудными веснами
Думы подавлены, жизнь не взлелеяна.
Море пустынное, с темными соснами,
Кем ты задумано, кем ты осмеяно?

НАД МОРЕМ

По взморью иду я, по этому взморью, что зримо,
Хоть каждый я день и по этому взморью хожу.
Над Морем тоскую, что странно-воздушнее дыма,
Где помыслы сердца свою отмечают межу.

Пустыня бурунов. Приливно-отливная сказка,
Извивность морей, пожелавших воздушными стать.
Их белая смерть. И опять. И другая завязка,
Раскаты громов. И затишье. И мертвая гладь.

О, люди! Как жалко мне нас! Если б только вы знали!
Какой бы ни принял я жертвы во имя людей?
Но нет разрешенья для нашей всемирной печали,
Как нет окончанья для пенья бездонных морей.

ХОД МОРЕЙ

Неугомонный ход морей,
Темно-зеленых вод.
Нагроможденье голышей
В какой-то склепный свод.
И это в долгой цепи дней,
И так за годом год.

Где Море — суша там была,
Где суша — глыбы вод.
Светись, душа, пока светла.
Все нежно, что цветет.
Играй среди добра и зла,
Нас в свой черед зальет.

И будем мы, в те дни свои,
Идти как грозность вод.

И если встретим бег ладьи,
Она в нас гроб найдет.
Мы будем в темном забытьи,
За годом долгий год.

НЕ ЗНАЮ

Я забыл, откуда я пришел,
Я, уйдя, не вспомню жизни здешней.
Я не знаю, мой ли произвол
Создал светлый призрак с дымом зол,
Осень предрешил в улыбке вешней.

Может быть, я сам свой вечный враг.
Может быть, под вешним дух склоняю.
Больно мне, но это вечно так,
Я — письмен безвестных странный знак,
Вписан — да, но для чего — не знаю.

КРУГОВОРОТ

Нам всем дается день, один, и ночь одна.
Потом проснемся мы, но утро — в Запредельном.
Но в этом дне одном есть осень и весна,
Весь долгий пышный год, с своим узором цельным.

Мы не хотим понять, что наш круговорот
Включает лес, поля, сады, луга, и горы,
Что в нем есть вся Земля, бездонность вечных Вод,
И Небеса небес, где пьют бессмертье взоры.

Мы не следим за тем, как тайный циферблат
Меняется от двух кружащихся движений.
И звук двенадцати, полночный бой расплат,
Есть стон нежданности и вопли угрызений.

И кладбище потом. И маски мертвых лиц.
Не тех, что умерли, а тех, что вот, все живы.
Как не похожи мы на рой отлетных птиц,
Как не похожи мы на золотые нивы!

ДОМОЙ

Звук осеннего прибоя

Прибой растет,
Гудит, поет.
Прибой живет
Свинцовых вод.

Немолчный гул.
Весь мир уснул.
Одни валы
Поют из мглы.

Поют, зовут
На грозный суд
Неспящий ум,
Упорность дум.

Прошло, прошло,
Что так светло
Смеялось нам,
Манило к дням.

Растратив дни,
Задув огни,
Ушли мы прочь
От света в ночь.

И вот прибой
Нам шлет гурьбой
Могильный рой: —
В гроба! Домой!

ЧУДОВИЩЕ С КЛЕЙМОМ

Я опустил свой лот. Мой лот — до дна морей.
Я смерил глубину всех внятных океанов.
Я был во всех домах. Стоял у всех дверей,
Вкусил от меда пчел. Изведал яд обманов.

Мне имя — Легион, средь гениев, чей знак —
Вопрос, всегда вопрос, повсюду вопрошанье.
Я раздвоил весь Мир. Полярность. Свет и Мрак.
Вновь слил я Свет и Тьму. И цельным сделал Зданье.

Но жить в нем не хочу. Я знаю все углы.
Святая летопись, но на звериной коже.
Все — безразлично, что, кроты или орлы —
Чудовище с клеймом: Всегда-Одно-и-То-же.

МОЛИТВА ПОСЛЕДНЯЯ

Боже, не дай мне людей разлюбить до конца.
Вот уже сердце, с мучительной болью, слабее, слабее.
Я не о них, о себе умоляю всекрасивого Бога-Творца.
Отвращенье уродует все выраженье лица.
Люцифер светел как Змей, но в остывшем, уставшем,
склонившемся Змее
Червь просыпается. Ненависть, вспыхнув огнем,
Падает — до равнодушья, и стелется скользким червем.
Страшно мне. Лучше — любить недостойных.
Думать нельзя бесконечно о войнах.
Лучше простить. Позабыть. Отдаваться. Иного не жаждать
венца.
Низким отдать все свое. Но душою быть в помыслах
стройных.
Боже, не дай, о, не дай мне людей разлюбить до конца!

МИРОВЫЕ РОЗЫ

Крик белоликого

Мне снятся розы красные,
И золотисто-чайные,
И нежно-снежно-белые,
Но радости мне нет.
Сверкания прекрасные,
Цветы необычайные,
Но стонут сны несмелые,
Что страшен черный цвет.

Мой сад — Земля обширная,
И весны в нем повторные.
Сплетенья многозвездные
Меняют свет и тьму.
Но тает сказка пирная,
Встают виденья черные,
И болты мне железные
Велят упасть в тюрьму.

Как цепи снять ужасные?
О, как сломлю те болты я?
О, где вы, братья смелые?
Как снять нам этот гнет?
Сперва царили Красные,
Потом царили Желтые,
Теперь кончают Белые,
За Черными черед.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ПОЛЕ

Ровное, чистое,
Поле путистое,
К недостижимому,
Счастью любимому.
Счастье, блеснешь ли когда?

Только пойдешь к тебе,
Только речешь Судьбе:
Дай же мне, дай мне мой Рай,
Поле меняется,
Путь затрудняется.
Рытвины, вот, примечай.

Темные пропасти,
Страшные лопасти
Жадно-разъятых цветов,
Дьяволом сеянных,
Ведьмой взлелеянных,
Ведьмой повторности снов.

Тех же все тающих,
Ум ослепляющих,
В омут ведущих, во рвы.
Сонными чарами,
Чадом, кошмарами
Дышут все стебли травы.

И засыпаешь ты,
Сонно блуждаешь ты,
Падаешь, тянешься ввысь.
Ты изуродован;
Весь обнародован,
Явность ты, липкость, и склизь.

Сыты ли лопасти?
Полны ли пропасти?
Кто их наполнит, и чем?
В снах повторительных,
Вечно-мучительных,
Слеп ты, и глух ты, и нем.

Вдруг все окончено.
То, что утончено,
Рвется, бледнеет — и вот
Снова на воле ты,
Снова на поле ты,
Снова дорога — зовет.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

Кто найдет Одолень-траву, тот вельми себе талант обрящет на земли.

Народный травник

Одолень-трава.
Я среди чужих.
Стынут все слова,
Замирает стих.

Я среди людей,
Нет житья от них,
Помоги скорей,
Дай мне спеть мой стих.
Ты, как я, взросла
Меж полей, в лесах,
Под Луной светла
На немых волнах.
Ты печальница,
Нежный цвет твой бел,
Ты купальница,
Водяной прострел.
Пала молния
В безглагольность вод,
Пала молния,
И цветок цветет.
Одолень-трава,
Уж который год
Ты светло-жива
Меж зеркальных вод.
Я блуждал скорбя,
Меж пустых полей,
Я нашел тебя,
Помоги скорей.
Одолей ты мне
Не обрывы гор,
Где на темном дне
Шепчет темный бор.
О, не мрак лесной,
И не тьму ночей,
И не омут злой,
И не ширь степей.
Одолень-трава,
Одолей ты мне
Тех, в ком жизнь едва
Тлеет в тусклом сне.
Кто, как мертвый гнет,
Тяготит мечты,
Меж зеркальных вод
Не узнав цветы.

Ты всегда жива,
Талисман лучей,
Одолень-трава,
Одолей людей.

МИРОВОЕ ДРЕВО

Под старым дубом я сидел.
Кругом тепло, светло.
А старый дуб гудел и пел.
Я заглянул в дупло.

Там был пчелиный дикий рой.
Они жужжат, поют.
Красавец леса вековой
Минутным дал приют.

Не также ль мы жужжим, поем
В пещерах мировых?
В дуплистом Небе, круговом,
Поем судьбы свой стих,

Но нас не слышит Игдразиль
Таинственных судеб.
Мы в мед сольем цветную пыль,
Но мед наш сложим в склеп.

И лишь в глубокий час ночей,
Когда так вещи сны,
Узор звездящихся ветвей
Нам светит с вышины.

К НЕБУ

Небо, тебя я пою,
Напевом прерывным.
Небо, тебя я пою,
Красоту голубую твою.

Но ты мне не будешь отзывным.
Все, что в себе ты таишь, колыбель несосчитанных звезд,
Ты для себя создаешь, и лелеешь, качаешь,
Бросишь кометы, планеты кругом расцвечаешь,
Бездну вспоишь и над бездною вытянешь мост.
Но на призыв, на призыв лишь загадками мне отвечаешь,
Ты — водоем,
Вечно в себя из себя истекаешь, играешь, колодец эфирный.
Ты — водоем,
Взглянешь — утонешь в богатстве твоем.
Если кому быть богатым, так Бездне, конечно, всемирной.
Роскошь твоя — без конца.
Только зачем же я беден?
Небо, быть может, ты любишь, что падают слезы с лица?
Может, кому я свечу, потому что от боли я бледен?
Звезды ведь бледны на Млечном Пути.
Что ж, мое сердце, сердце людское,
Порвись и цвети.
Красок так много, возьми сочетанье любое,
В золоте, в пурпуре можешь взрасти,
Тешься, играй, расцвети, отцвети.
В Море утонешь, красиво оно, голубое.

СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ

Твой вечер настанет, и вместо всемирности вольного света,
За Солнцем погасшим, затеплишь ты в тесном покое свечу.
Твой вечер настанет. Кончается лето.
За летом? За осенью? Что там? Молчу.
Мы любим, хотя нам и жутко от тени.
Мы любам законченность комнат знакомых с узором немых половиц.
Крыльцо на запор. Не хрустнут ступени.
Немые!
Дрожат на стене, как живые,
Отраженья движений.
И в странном, в каком-то церковном сближеньи сочетаются бледности лиц.

Без звука веселий,
Глаза утопают в глазах.
Что скрыто в их безднах? В них духи сейчас пролетали?
В них омут печали? В них сказка свидания? Страх?
Никто не придет к вам. На версты кругом закрутились
завеи метели.
Не плачь и не бойся. В затеях-завеях мы тонем, но светим,
как звезды в ночах.

ПРИ МОРЕ ЧЕРНОМ

При Море черном стоят столбы.
Столбы из камня. Число их восемь.
Приходят часто сюда рабы.
И сонмы юных несут гробы.
Бледнеют зимы. И шепчет осень.

Порой и звери сюда дойдут.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуют? Что делать тут?
Пойдут, забродят, и упадут,
Устав стремиться, устав кружиться.

При Море черном стоят столбы.
От дней додневных. Число их грозно.
Число их веще меж числ Судьбы.
И их значенья на крик мольбы: —
Навек. Безгласность. Враждебность. Поздно.

В ПУТЬ

День меняется на вечер, коротается,
Солнце красное на Запад содвигается.
Лес зеленый на пределах стал светлей,
Лес зеленый в чаще принял тьму теней.

В путь-дорогу, в путь-дорогу, в даль скитания,
Воздохнув, пошли, идут мои мечтания.
Белый лик, тесовый гроб, туман, тоска.
В путь-дорогу. В путь. Дорога далека.

К НОРНАМ

Парки, Норны, Суденицы,
Назначающие час,
Необманные Девицы,
Кто вам, страшным, предал нас?
Парки, Норны, Суденицы,
Скоро ль мой настанет час?

Ткань готова. Бредил Случай.
Я встречался с Красотой.
Больше, Миг, меня не мучай,
Не сменяй черту чертой.
Да укроюсь черной тучей,
Да упьюсь моей бедой.

Это — Было, Есть, и Будет —
Раздробило цельность сна.
Норны, Север да остудит
Сердце, где жила Весна.
Пусть меня весь мир забудет.
Мной забыт он. Тишина.

ТЕСНЫЙ ГРОТ

Тесовый гроб, суровый грот смертельных окончаний,
В пространстве узких тесных стен восторг былых лобзаний.

Тяжелый дух, цветы, цветы, и отцветанье тела,
Застылость чувственных красот, в которых жизнь пропела.

Безгласность губ, замкнутость глаз, недвижность ног уставших,
Но знавших пляску, быстрый бег, касанье ласки знавших.

Тесовый гроб, твой ценный клад еще прекрасен ныне,
Не сразу гаснет смелый дух померкнувших в пустыне.

Но, тесный грот, твой мертвый клад в ужасность превратится.
Чу, шорох. Вот. Безглазый взгляд. Чу, кто-то шевелится.

ПУТЬ ТУДА

Путь туда — бесповоротный,
В безызвестную страну,
Может, к низости болотной,
Может, в вечную Весну,
Может, к радости вольготной,
Может, в омут, вниз, ко дну.

Лютый зверь туда прорыщет,
И навек прощайся с ним,
Путь туда едва кто ищет,
У живых он нелюбим,
Только Ветер, он просвищет,
Но воротится другим.

Ничего он не расскажет,
Только дивно воздохнет,
Тень от трав иною ляжет,
Ниже глянет Неба свод,
Сердце словно кто-то свяжет.
Тьма в нем, тьма в нем запоет.

СИНИЙ КАМЕНЬ

Если хочешь молча плакать с неразлучною тоской,
Приходи смотреть на травы, на осоку над рекой.
Травы белый цвет роняют на текучую волну.
Шелестит, шуршит осока. Боль в душе идет ко дну.

Приходи сюда к теченью, в преломлении зари.
Неподвижный Синий камень, как любимый, избери.
В тихом шелесте осоки, в белом цвете лепестков,
Ты уснешь на Синем камне, меж зеленых берегов.

Не увидят, не узнают, не притронутся к слезам.
Не увидишь сам, что видно душу синим Небесам.
Только дрогнешь, как приснится, что навек — река с тобой,
Неподвижный Синий камень, Небо, сумрак голубой.

ВСЕБЕСПРИЮТНОСТЬ

Не вся ли Земля для меня — отчизна моя роковая?
Не вся ли Земля — для меня?
Я повсюду увижу — из серых туманов рождение красного дня,
И повсюду мне Ночь будет тайны шептать, непостижности звезд зажигая.
И везде я склонюсь над глубокой водой,
И, тоскуя душой, навсегда — молодой,
Буду спрашивать, где же мечты молодые
Будут счастливы, видя цветы золотые,
Без которых всечасно томится душа.
О, Земля одинакова всюду, в жестоком нежна, в черноте хороша.
Я повсюду найду глубину отражений зеркальных
Чьих-то глаз вопрошающих, сказок печальных,
В их сияньи немом темноты и огня.
Не вся ли Земля — нам отчизна, навек роковая?
И Небо, все Небо — для них, для меня,
Повсюду нас Ночь обоймет, нам звезды, как слезы, роняя.

БЛИЗ СИНЕГО КАМНЯ

Близ Синего камня песок золотой,
Песок золотой, измельченный Водой.

Вода — голубая, прозрачная днем,
И черная, злая во мраке ночном.

Близ Синего камня песок золотой,
И падает с Неба звезда за звездой.

Вода умножает и точит песок,
А Камень все тот же, и путь все далек.

Пути все далеки для тех, кто идет
Песком измельченным, над сказкою вод.

И вечно все тот же песок золотой,
Близ Синего камня, над вечной Водой.

ВОПЛЬ

Я верю в возможную силу и правду — его, всепобедного Света.
Но есть несчастливцы, что гибнут зимою, задолго
до роскоши лета.

Я знаю, что много озер серебристых, в горах и в лесах
первозданных.
Но сколькие умерли в жаркой пустыне, без влаги, без капель
желанных.

Я видел, как кондор царит над пространством, ках мощь
альбатроса прекрасна.
Но сколько убитых для них, именитых, подумать —
подумать ужасно.

Я вижу, я слышу, я помню, я знаю, что было, что есть здесь,
что будет.
Но, в бездну из бездны срываясь, в столетьях, мой вопль
никого не пробудит.

ОТСВЕТЫ

Мы — несколько маленьких раковин близ кипенья
бессмертных морей.
Мы — нисколько пенных узорностей, летим все скорей
и скорей.

Мы — белые тучки, чуть видные, бахрома разорвавшихся гроз.
Мы таем, блистаем, и падаем слезами на мертвый утес.

Мы — стебли былинок, что выросли на разбитой стене крепостной.
Весною своею цепляемся за осень мечты неземной.

Мы думаем, будто мы думаем, нами думают вихри миров.
Мы — отзвуки тысячных отзвуков от звука нездешних громов.

Мы думаем, будто мы ведаем Воскресенья зиждительный свет.
Мы, бедные бледные отсветы оттуда, где места нам нет.

АМУЛЕТЫ ИЗ АГАТА

Gdzież jesteś, synu zemsty?
Krasiński

Śpiewaj i przeklinaj!
Mickiewicz

Где же ты, сын мщенья?
Красинский

Пой и проклинай!
Мицкевич

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Черные вороны, воры играли над нами.
Каркали. День погасал.
Темными снами
Призрак наполнил мне бледный бокал.
И, обратившись лицом к погасающим зорям,
Пил я, закрывши глаза,
Видя сквозь бледные веки дороги с идущим и идущим
сгорбленным Горем.
Вороны вдруг прошумели как туча, и вмиг разразилась гроза.
Словно внезапно раскрылись обрывы.
Выстрелы, крики, и вопли, и взрывы.
Где вы, друзья?
Странный бокал от себя оторвать не могу я, а сказка моя
Держит меня, побледневшего, здесь, заалевшими
снами-цепями.
Мысли болят. Я, как призрак, застыл.
Двинуться, крикнуть — нет воли, нет сил.
Каркают вороны, каркают черные, каркают злые над нами.

АМУЛЕТЫ ИЗ АГАТА

Амулеты из агата,
И других цветных камней,
Ты дала мне в час заката,
В час заката красных дней.

Я с самим собой прощался,
О, Колдунья, и с тобой,
Обещал я, обещался
Быть в пещере голубой.

Да, к полдневной позолоте
Позабывши путь и след,
Подбирать в лазурном гроте
К амулету амулет.

Я свершил обет заклятья,
Я забыл, сдержав свой нрав,
Розы губ, восторг объятья,
Изумруды нежных трав.

Камни, камни заклинаний
Ты дала мне — вот они.
В их узорах — мир стенаний,
Чуть один пошевельни.

В них напевность так богата,
В их мерцаньях — смерть врагу.
Но враждою сердце смято,
Больше быть здесь не могу.

Стоны грома в миг раската,
Вот они — бери, скорей.
О, заклята жизнь агата,
Сколько воли в снах камней!

КРИК

Мой крик был бы светлым и юным, —
Не встретив ответа, он сделался злым.
И предал я дух свой перунам,
Я ударил по звонким рыдающим струнам,
И развеялась радость, как дым.

Я был бы красивым,
Но я встретил лишь маски тьмы тем оскорбительных лиц

И ум мой, как втер бегущей по нивам,
Стал мнущим и рвущим, стал гневным, ворчливым,
Забыл щебетания птиц.

Над Морем я плачу,
Над холодной и вольной пустыней морей.
О, люди, вы — трупы, вы — звери, в придачу,
Я дни меж солеными брызгами трачу,
Но жить я не буду в удушьи людей.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

Полночный час. Ведовски-страшный час.
День схоронен. И вновь родится сложность.
Разъять восторг и пытку — невозможность.
Из вышних бездн глядит бездонность глаз.

Как жутко мне. Вот глуше все и тише.
И веянье я слышу в тишине.
Так бархатно. Как будто льнет ко мне
Беззвучное крыло летучей мыши.

КРУГИ

Круговидные светила —
Без конца и без начала.
Что в них будет, то в них было,
Что в них нежность, станет жало.

Что в них ласка, есть отрава,
А из мрака, а из яда
Возникает чудо-слава,
Блеск заманчивый для взгляда.

Из вулканов, из обрывов,
Рудников и разрушенья —
Роскошь ярких переливов,
Драгоценные каменья.

Из кошмарности рождений,
С свитой грязи, крови, криков —
Светлый гений песнопений,
Сонмы стройных женских ликов.

А из жизни вновь могила,
И горят, лазурно, ало,
Круговидные светила,
Без конца и без начала.

ИНДИЙСКИЙ ТОТЕМ

Индийский тотем — жуткий знак,
Резная сложная колонна.
Из зверя — зверь. Кто друг, кто враг,
Не разберешь. Здесь все — уклонно.

Друг друга держат все во рту,
Убийца — каждый, и убитый.
Грызя, рождают красоту,
Глядят бесовски-волчьей свитой.

Уста, и паста, и глаза,
Зверинокрылость, чудо-рыба.
В цветных зрачках горит гроза,
Жизнь в жизни — в змейностях изгиба.

И древо жизни мировой
Растет в чудовищной прикрасе,
Являясь мной, чтоб стать тобой,
Пьяня и множа ипостаси.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Святой Георгий, убив Дракона,
Взглянул печально вокруг себя.
Не мог он слышать глухого стона,
Не мог быть светлым — лишь свет любя.

Он с легким сердцем, во имя Бога,
Копье наметил и поднял щит.
Но мыслей встало так много, много,
И он, сразивши, сражен, молчит.

И конь святого своим копытом
Ударил гневно о край пути.
Сюда он прибыль путем избитым.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгий, святой Георгий,
И ты изведал свой высший час!
Пред сильным Змеем ты был в восторге,
Пред мертвым Змием ты вдруг погас!

ВСТРЕЧА

Сон жуткий пережил вчера я наяву.
По улице я шел — один, не я всегдашний,
Лишь тело, труп меня, что телом я зову.
Тюрьма передо мной своей грозилась башней.

И вот навстречу мне идет моя душа,
Такая же, как я, до грани совпаденья.
Так прямо на меня, упорно, не спеша,
С решением немым жестокого виденья.

Мой труп упрямо шел. Был труден каждый шаг,
Но встреча этих двух сближалась неуклонно,
Как будто в зеркале, вот — я, но я — мой враг.
Идем. Тюрьма молчит. Враждебна высь, бездонна.

Все ближе, ближе мы. Бледнею я и он.
И вдруг нас больше нет. Миг ужаса. Миг встречи.
Ум вброшен в темноту. На башне тихий звон.
Кому-то целый мир, упав, налег на плечи!

ПРИЗРАЧНЫЙ НАБАТ

Я дух, я призрачный набат,
Что внятен только привиденьям.
Дома, я чувствую, горят,
Но люди скованы забвеньем.

Крадется дымный к ним огонь,
И воплем полон я безгласным, —
Гуди же, колокол, трезвонь,
Будь криком в сумраке неясном.

Ползет густой, змеится дым,
Как тяжкий зверь — ночная чара.
О, как мне страшно быть немым
Под медным заревом пожара!

ТЕТЕНЬКА ИЗ СЕЛА

— Тетенька, тетенька, миленькая,
Что ты такая унылленькая?
Или не рада, что к нам из села
В город пошла ты, и в город пришла?

— Эк ты, девчонка, горазда болтать.
Чуть подросла, от земли не видать,
Только и знаешь — шуршишь, словно мышь.
Что же ты тетку свою тормошишь?

— Тетенька, может, мой разум и мал,
Только вот вижу — наш смех замолчал.
Тетенька, право, мне страшно с тобой,
Точно здесь кто-то еще есть другой.

— Девонька, эти ты глупости брось,
К ночи нельзя так болтать на авось.
Лучше давай про село расскажу,
После помолимся, спать уложу.

В городе, девонька, все бы вам смех,
В городе много забав и утех.
Наши избенки-то, наше село
Лесом, потемками все облегло.

В лес за дровами — а там лесовик,
Вон за стволом притаился, приник.
Чур меня, крикнешь — он вытянет нос,
Так захохочет — по коже мороз.

Ночью, как это так выйдешь на двор,
Звери какие-то смотрят из нор,
Совы на крыше усядутся в ряд,
Углем глаза, как у ведьмы, горят.

В избу назад — а в клети домовой,
Ты на полати — а он уж с тобой,
Вот навалился — и стонешь во сне,
Душно так, тяжко так, страшно так мне.

Нежити ходят, бормочут во тьму,
Шепчут, скривясь, — ничего не пойму.
Словно они балалаечники,
Баешники, перебаешники.

Тетка умолкла. Девчонка спала.
Тетки дослушать она не могла.
Обе застыли, я в комнате той
Явно, что кто-то еще был другой.

ПОДМЕНЫШ

Я мать, и я люблю детей.
Едва зажжется Месяц, серповидно,
Я плачу у окна.
Мне больно, страшно, мне мучительно-обидно.
За что такая доля мне дана?
Зловещий пруд, погост, кресты,
Мне это все отсюда видно,

И я одна.
Лишь Месяц светит с высоты.
Он жнет своим серпом? Что жнет? Я брежу.
Полно. Стыдно.
Будь твердой. Плачь, но твердой нужно быть.
От Неба до Земли, сияя,
Идет и тянется нервущаяся нить.
Ты мать, умей, забыв себя, любить.
Да, да, я мать, и я дурная,
Что не умела сохранить
Своих детей.
Их всех сманила в пруд Колдунья злая,
Которой нравится сводить с ума людей.
Тихонько ночью приходила,
Когда так крепко я спала,
Мой сон крепя, детей будила.
Какая в ней скрывалась сила,
Не знаю я. Весь мир был мгла.
Своей свечой она светила,
И в пруд ее свеча вела.
Чем, чем злодейка ворожила,
Не знаю я.
О, с теми, кто под сердцем был, расстаться,
О, жизнь безсчастная моя!

Лишь в мыслях иногда мы можем увидаться,
Во сне.

Но это все — не все. Она страшней, чем это.
И казнь безжалостней явила Ведьма мне.
Вон там, в сияньи месячного света,
В той люльке, где качала я детей,
Когда малютками они моими были,
И каждый был игрушкою моей,
Пред тем, как спрятался в могиле
И возрастил плакун-траву,
Лежит подменыш злой, уродливый, нескладный,
Которого я нежитью зову,
Свирепый, колченогий, жадный,
Глазастый, с страшною распухшей головой,

Ненасытимо-плотоядный,
Подменыш злой.
Чуть взглянет он в окно — и лист березы вянет.
Шуршит недобрый вихрь желтеющей травой, —
Вдруг схватит дудку он, играть безумно станет,
И молния в овины грянет,
И пляшет все кругом, как в пляске хоровой,
Несутся камни и поленья,
Подменыш в дудку им дудит,
А люди падают, в их сердце онеменье,
Молчат, бледнеют — страшный вид.
А он глядит, глядит стеклянными глазами,
И ничего не говорит.
Я не пойму, старик ли он,
Ребенок ли. Он тешится над нами.
Молчит и ест. Вдруг тихий стон.
И жутко так раздастся голос хилый: —
«Я стар, как древний лес!»
Повеет в воздухе могилой.
И точно встанет кто. Мелькнул, прошел, исчез.

Однажды я на страшное решилась: —
Убить его. Жить стало невтерпеж.
За что такая мне немилость?
Убрать из жизни эту гнилость.
И вот я наточила нож.
А! как сегодня ночь была, такая.
На небе Месяц встал серпом.
Он спал. Я подошла. Он спал. Но Ведьма злая
Следила в тайности, стояла за углом.
Я не видала. Я над ним стояла:
Я только видела его.
В моей душе горело жало.
Я только видела его.
И жажду тешила немую: —
Вот эту голову, распухшую и злую,
Отрезать, отрубить, чтобы исчез паук,
Притих во мраке гробовом.
«Исчезнешь ты!» И я ударила ножом.
И вдруг —
Не тело предо иной, мякина,

Солома, и в соломе кровь,
Да, в каждом стебле кровь и тина.
И вот я на пруду. Трясина.
И в доме я опять. И вновь
Белеет Месяц серповидно.
И я у моего окна.
В углу подменыша мне видно.
Там за окном погост. Погост. И я одна.

НЕТ СЛЕЗ

Нет слез. Я больше плакать не умею,
С тех пор как посвящен я в колдуны.
О, Вещая Жена! Я ведал с нею
Ведовское. На зов ее струны
Скликались звери. Говор человечий
Был меж волков лесных. А меж людей
Такие, в хрипах, слышались мне речи,
Что нет уж больше слез в душе моей.
Кто там под пыткой? Кто кричит так звонко?
Молчу. Себя заклял я колдовски.
Мучь всех! Меня! Мучь моего ребенка!
Мольбы не будет. Кровь забьет в виски.
Забьется в голове как тяжкий молот.
Но слез моих тебе, палач, не знать.
Пусть будет самый свод Небес расколот.
Ты проклят. Тверды мы. И эту рать
Не победить палачеством убогим.
Мы все растем. Стальнеет пытка в нас.
Минуты время движут кругом строгим.
Ты проклят! Проклят! Жди! Еще лишь час!

ОТЗВУК НАРОДНОГО

Уж ты, Солнце, Солнце красно,
Ты с полуночи взойди,
Чтоб очам не ждать напрасно,
Кто там, что там впереди.

Чтоб покойникам в могиле
Не во тьме глухой сидеть.
Чтобы с глаз они сложили
Закрывающую медь.

Уж ты, Месяц, Месяц ясный,
Глянь, и с вечера взойди,
Чтоб забыть о муки страстной,
Что осталась позади.
Чтобы мертвым, властью слова,
Властью света твоего,
Не крушить, из-за былого,
Ретивого своего.

Уж ты, Втер, Ветер буйный,
Ты с полуночи возвей,
Многовейный, многоструйный,
Будь отрадою моей.
Возвести моим родимым,
Что и в нас бесстрашный свет.
Все мы бросим, пустим дымом,
Но пойдем за ними вслед.

ЗОРЯ-ЗОРЯНИЦА

Заговор

Зоря-Зоряница,
Красная Девица,
Красная Девица, полуночница.
Красные губы,
Белые зубы,
Светлые кудри, светлоочница.
Все ли вы, Зори,
В красном уборе,
С кровавыми лентами, рдяными?
Вечно ли крови,
Встари и внови,
Розами быть над туманами?

Зоря-Зоряница,
Красная Девица,
Будь ты моею защитою,
От вражьей силы,
Довременной могилы,
И от жизни, тоскою повитою.
По какому наитью,
Рудожелтою нитью,
Ты, иглой золотою, проворною
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Свой узор над трясиною черною?
Чудо-девица,
Зоря-Зоряница,
Зоря-Зоряница прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости в краске,
Будет уж, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись.
Будет нам, уж будет этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Так и не узнаешь нужной жалости?

ЗАКЛИНАНИЕ

Месяц, Месяц, зачем ты мне дан?
Ты неясно мне светишь в ночах.
Ты застывший потухший вулкан.
Месяц, Месяц, зачем сквозь туман
Ты застылый внушаешь мне страх?

Ветер, Ветер, зачем средь ветвей,
Очерненных осенней порой,
Ты шуршишь все странней и странней?
Ветер, что ж в этой песне твоей,
Или только играешь ты мной?

Месяц, Ветер, я верным вам был,
Дайте сил мне мой мир возродить.
Если ж нет возрождающих сил,
Месяц, Месяц, светило могил,
Дай последнюю власть: — Отомстить.

АМУЛЕТ

Ты дала мне амулет,
Для веселий и побед,
Странно в нем сиют светы.
Ты дала мне амулет
В той стране, где все предметы —
Волхованье, амулеты.

Грозен звук гортанных слов.
Нет цветов там без шипов,
Без уколов или яда.
Хищный клекот вещих слов
Манит слух, но в нем засада,
Как засада в зыби взгляда.

В этом крае Красоты,
Где отчетливы черты
Гор, скрывающих обманы,
В этом царстве Красоты
Всюду вражеские станы,
А с высот глядят вулканы.

Дротик метко достает,
Чуть коснется кончен счет,
Там отравленные стрелы.
Лук поет и достает,
Чуть задет ты, онемелый
Ты уж мертвый, ты уж белый,

В этом крае вечных чар,
Чтобы меток был удар,
Ты меня околдовала,

И, вложив змеиность чар
В круг узорный из опала,
Ты меня мечтой связала.

Сильный этою мечтой,
Очерненный чернотой,
Недруг духам отупелым,
Амулет с твоей мечтой
Обращу я к их пределам,
Будет, будет враг мой белым.

ДРАКОНИТ

Темный камень драконит
Уж не так хорош на вид.
Изумруд его нежней,
В бриллианте свет сильней.
И нежней его опал,
И рубин пред ним так ал.
И однако драконит
Тем хорош, что верно мстит.
Чтоб достать его, дождись,
Как ущербный Месяц вниз,
Над пещерой колдовской,
Желтой выгнется дугой.
Там Дракон в пещере спит,
В мозге зверя — драконит.
Гибок Змей, но мозг его
Неуклоннее всего.
Мозг Дракона — весь в узлах,
Желтый в них и белый страх.
Красный камень и металл
В них не раз захохотал.
Темный в этом мозге сон,
Черной цепью скован он.
Желтый Месяц вниз глядит.
Вот он камень драконит.
Тише, тише подходи,
В сне Дракона не щади.
Замер в грезе он своей.

Метко целься, прямо бей.
Поразив его меж глаз,
Мозг исторгни, и сейчас
Пред тобою заблестит
Страшный камень драконит.
С этим камнем — на врага
Реки бросят берега,
И хоть будь твой враг велик,
Он в воде потонет вмиг.
Этот камень-амулет
Много даст тебе побед.
Вещий камень драконит,
Зеленея, метко мстит.
Этим камнем под Луной
Поиграй во тьме ночной.
Дальний враг твой ощутит,
Мстит ли камень драконит.

ПРИТЧА О ВЕЛИКАНЕ

Был в мире древний Великан,
Без сердца исполин.
Он был как между гор туман,
Он был чумой для многих стран,
Угрюм, свиреп, один.

Он сердце вынул у себя,
И спрятал далеко.
Не дрогнет гром, скалу дробя,
Хоть громок он; и лишь себя
Люби, — убить легко.

Без сердца жадный Великан
Давил людей кругом.
Едва расправит тяжкий стан,
Как в рот свой, точно в страшный чан
Кровавый бросит ком.

А сердце где же? Топь болот —
Чудовищный пустырь.

Который год там дуб растет,
С дуплом, и дуб тот стережет
Слепой и злой Упырь.

Внутри дупла, как черный гад,
Уродливый комок.
Он шевелится, говорят,
Мохнат, он судорожно рад
В час казни, в страшный срок.

Едва свирепый Великан
За горло хвать кого, —
Паук заклятый топких стран,
Комок в дупле как будто пьян,
Дуб чувствует его.

В дупле шуршание и смех.
Что жизнь людей? Пузырь.
В дупле сам Дьявол, черный грех,
И в соучастии утех,
Скрипит слепой Упырь.

Но крылья ведают полет.
Стремленье знает путь.
И кто воздушен, тот пройдет
Все срывы ям, всю топь болот,
Чтоб цели досягнуть.

Комок кровавый, злой обман,
Ты взят моей рукой!
Последний миг свирепым дан,
И был, лишь был он, Великан,
Объят он смертной мглой!

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕР

Сестры, сестры, Лихорадки,
Поземельный взбитый хор!
Мы в Аду играли в прятки.

Будет! Кверху! Без оглядки!
Порадеет хор сестер.

Мы остудим, распростудим,
Разогреем, разомнем.
Мы проворны, ждать не будем.
Сестры! Сестры! Кверху! К людям!
Вот, мы с ними. Ну, начнем.

Цепко, крепко, Лихорадки,
Снова к играм, снова в прятки.
Человек — забава нам.
Сестры! Сестры! По местам!
Все тринадцать — с краснобаем.
Где он? Жив он? Начинаем.

Ты, Трясея, дай ему
Потрястись, попав в тюрьму.

Ты, Огнея, боль продли,
Прах земли огнем пали.

Ты, Ледея, так в озноб
Загони, чтоб звал он гроб.

Ты, Гнетея, дунь на грудь,
Камнем будь, не дай дохнуть.

Ты, Грудея, на груди
Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухея, плюнь в него,
Чтоб не слышал ничего.

Ты, Ломея, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухнея, знай свой срок,
Чтоб распух он, чтоб отек.

Ты, Желтея, в свой черед,
Пусть он, пусть он расцветет.

Ты, Корчея, вслед иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядея, встань как бес,
Чтобы сон из глаз исчез.

Ты, Сухея, он уж плох,
Сделай так, чтоб весь иссох.

Ты, Невея, всем сестра,
Пропляши ему «Пора».

В Человеке нет догадки.
Цепки, крепки Лихорадки.
Всех Сестер тринадцать нас.
Сестры! Книзу! Кончен час!

СИНИЕ МОЛНИИ

Как в глубинностях Моря, в глубинах Народной души — скрываются чудо-хоромы — там таятся, среди жемчугов, огнеглазые громы. — Миг синих расцветов, спеши!

Голос Прилива

В БЕЗМЕРНОМ ВСЕ

В безмерном Все я только быстрый атом.
Но нить меня, — вселенной в Мире нет.
Вселенных — тьма. И свежим ароматом
Цветут цветы бездонность пышных лет.

В безмерном Все я малая былинка.
Но нет меня, — нет в Мире красоты.
Безумец! Знай, что в должный миг снежинка
Лавину сбросит с высоты!

ЭЛЕКТРОН

Электрон, камень-Алатырь,
Горюч-могуч-янтарь!
Гори! На нас восстал Упырь,
Отвратных гадов царь!

Заветный камень-Светозар,
Рожденье волн морских!
Как в Море — глубь, в тебе — пожар.
Войди в горючий стих!

О, слиток горечи морской,
И светлых слез Зари!
Электрон, камень дорогой,
Горя, враждой гори!

Волна бежит, волну дробя,
Волна сильней, чем меч!
Электрон, я заклял тебя.
Ты, вспыхнув, сможешь сжечь!

КАМЕНЬ-АЛАТЫРЬ

На Море-Океане,
На остров Буяне,
Меж камней-богатырь
Есть Камень-Алатырь.

Он бел-горюч и
Неостудимо жарок.
Красив его изгиб,
Кипит тот Камень-кип.

Горит тот Камень-чудо,
Что лучше изумруда.
Он каждый миг — живой,
Тот Камень солнцевой.

Под Камнем тем сокрыта
Мечта, что не изжита.
Спеши к нему скорей.
Коснись до тайн морей.

Все шире Море, шире.
На Камне-Алатыре
Сидит, в лучах горя,
Громовница-Заря.

Сидит Девица Красна,
Смеется безучастно.
Смешинки Девы той —
Рассветы над водой.

А раз придет охота,
Совсем тот смех без счета,
Смеяться так начнет,
Что молния сверкнет.

Все звонче смех певучий,
Пожаром рдеют тучи.
Огниста Красота,
Светла ее фата.

На море-Океане,
На острове Буяне,
Я Деву ту любил,
У ней в гостях я был.

Я был на этом Камне,
И заговор дала мне
Она в Огне живом,
На Камне солнцевом.

О, заговор тот властный!
Он дан мне Девой страстной.
Все покорю я с ней.
Гори, Огонь, сильней!

Лишь Камень кто изгложет,
Тот заговор мой сможет
Лишить его лучей.
Гори, Огонь, скорей!

Но Камень кто ж изгложет,
Кто пламень превозможет?
Привет сиянью дней.
Гори, Огонь, сильней!

ВОЗЗВАНИЕ К ПЕРУНУ

Уж льды в реках прошли,
Звеня в скопленьи тесном,
Уж молнии цвели
На Дереве небесном.

А дерево росло,
Во славу Человека,

С ветвей своих, светло,
Роняя медь и млеко.

Роняя чудо-сны,
Основу песнопенья,
С воздушной вышины
Лучистые каменья.

Исполни же теперь,
Перун, слова обета,
Раскрой в темницах дверь,
И выпусти мне лето.

Скорей, скорей, Перун,
Что должно, то исполни,
И дай мне звоны струн,
И дай цветы из молний!

К ПЕРУНУ

Бог ветров и бурных гроз,
Бог Славян, Перун,
Ты мне дал волну волос,
Золотистых струн.

Струн курчавых, не прямых,
Светлых завитков,
Золотистый дал мне стих,
Много дал стихов.

Бог пожаров между туч,
Грезы огневой,
Ты велел мне: Будь певуч,
В жизни — будь живой.

Влил ты молнии в мой стих,
И сказал мне: — Жги.
Бог пожаров грозовых,
Предо мной — враги.

Бог зиждительных дождей,
Влаги и огня,
В ярком пламени страстей
Не покинь меня.

Дай мне, дай мне взрывов злых
Для журчанья струн,
Лестью сделай ты мой стих.
За моих, Перун!

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗ

Красной калиной покой свой убрав,
Принеся в него много лесных, стреловидных,
как будто отточенных, трав,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горит ли в ней серебро, ярко ли злато.
Все как и нужно кругом.
Мысли такие же в сердце, сверкают, цветятся огнем.
Сердце колдует.
Что это? Что это там за окном?
Дрогнула молния в Небе! Темнеет оно. Негодует?
Или довольно, что в этом вот сердце пожар?
Ветер прерывисто дует.
Гром.
Гулко гремит за ударом удар.
Длится размах грозового раската.
Светится золотом малая хата.
И, опоясан огнем,
В брызгах, в изломах червленого злата,
В рокотах струн,
Сея алмазы продольным дождем,
В радостях бури, в восторге возврата,
Мчится — Перун.

ЗМЕЯ-МЕДЯНИЦА

Змея-Медяница, иначе Медянка,
Год целый бывает слепа.

И пусть перед нею любая приманка,
Она неподвижно-тупа.
Но дивные чары Ивановой ночи
Ей острое зренье дают.
Сверкают змеиные рдяные очи,
Смотри, не встречайся ей тут.
Хоть будь ты одет перед нею бронею,
Бороться, надеяться, брось, —
Она, на врага устремившись стрелою,
Его пробивает насквозь.

Змея-Медяница, что раз только летом
Являет всю силу свою,
Знакома с Перуновым огненным цветом,
Он рдяную любит змею.
В лесу, из гниения гадов зловредных,
Трава-Медяница растет,
И ночью Ивановой, в отблесках медных,
Цвет огненный недруга ждет.
И горе, коль ты, этой чары не зная,
По чаще пойдешь на авось, —
Трава-Медяница, взметнувшись, живая,
Врага пробивает насквозь.

СКУПЕЦ

Русское сказание

Бог Землю сотворил, и создал существа,
Людей, зверей, и птиц, и мысли, и слова.
Взошла зеленая, желая пить, трава.

Бог Землю сотворил, и вдунул жизнь в живых,
Но жаждали они всей силой душ своих,
И Воду создал Бог для жаждущих земных.

Изрыл Он ямины огромные в земле,
Он русла проложил, чтоб течь ручьям во мгле,
Ключ брызжущий исторг из мертвых глыб в скале.

И птицам, чья судьба — близ туч небесных быть,
Кому так свойственно порыв ветров любить,
Велел Он помогать, чтоб все имели пить.

Низвергнув с высоты безмерности дождей,
Он птицам повелел нести их в ширь полей,
Уравнивать моря, кропить, поить ручей.

Повиновались все. Дождям пришел конец.
И лишь была одна, чье прозвище скупец,
Ничтожно-малая, как бы навек птенец.

Скупец чирикнул так: Не нужно мне озер.
Не нужно мне морей. Зачем мне их простор?
На камне я напьюсь. Помочь другим? Вот вздор!

Разгневался Творец, устав скалу дробить.
И в жажде навсегда велел скупцу Он быть.
И вечен писк скупца. Пить, пить, кричит он, пить.

ЗАГОВОР

От двенадесяти девиц

Под дубом под мокрецким,
На тех горах Афонских,
Сидит Пафнутий старец,
Тридесять старцев с ним.
Двенадесять идут к ним
Девиц простоволосых,
Девиц простопоясых,
Не по-людски идут.
Рече Пафнутий старец:
Кто к нам сии идоша?
Рекут ему девицы:
Все — дщери мы Царя.
Отец наш есть Царь Ирод,
Идем знобить мы кости,
Идем мы тело мучить,
Двенадесять девиц.

Ко старцам обращаясь,
Рече Пафнутий старец:
Сломите по три прута,
И бити станем их.
По утренних три зори,
По три зари вечерних,
Взяв каждый до три прута,
Нещадно станем бить.
К тринадесяти старцам,
К Пафнутию, ко старцу,
Взмолились тут девицы,
В ничто их бысть мольба.
Начаша старцы бити,
Их бити, им глаголя:
Ой вы еси, девицы,
Двенадесять девиц!
Вы будьте, тресуницы,
Вы будьте, водяницы,
Расслабленны и хилы,
Живите на воде.
На ней, на студенице,
Вам место, а не в мире,
Вы кости не знобите,
Не мучьте вы тела.
В тартарары идите,
Двенадесять проклятых,
Вам в море-океане
И в преисподней быть.
В трясинах, на болотах
Вам место, окаянным.
Недуги, принедуги,
Полунедуги, прочь!

ЛИХО

Украинская сказка

Жить было душно. Совсем погибал я.
В лес отошел я, и Лиха искал я.
Думу свою словно тяжесть несу.

Шел себе, шел, и увидел в лесу
Замок железный. Кругом — черепа, частоколом.
Что-то я в замке найду?
Может, такую беду,
Что навсегда позабуду, как можно быть в жизни веселым?
Все же иду
В замок железный.
Вижу, лежит Великан.
Вид у него затрапезный.
Тучен он, грязен, и нагл, и как будто бы пьян.
Кости людские для мерзкого — ложе.
Лихо! Вокруг него — Злыдни, Журьба.
А по углам, вкруг стола, по стенам, вместо сидений, гроба.
Лихо! Ну что же?
Я Лиха искал.
Страшное Лихо, слепое.
Подчует гостя. «Поешь-ка». Мне голову мертвую дал.
Взял я ее да под лавку. Лицо усмехнулось тупое.
«Скушал?» спросил Великан.
«— Скушал». Но Лихо уж знало, какая сноровка
Тех, кто в бесовский заходит туман.
«Где ты, головка-мутовка?»
«— Здесь я, под лавкою, здесь».
Жаром и холодом я преисполнился весь.
«Лучше на стол уж, головка-мутовка.
Скушай, голубчик, ты будешь, сам будешь, вкусней».
В эту минуту умножилось в мире число побледневших людей.
Поднял я мертвую голову, спрятал на сердце. Уловка
Мне помогла. Повторился вопрос и ответ.
«Где ты, головка-мутовка?»
«— Здесь я под сердцем». — «Ну, съедена значит», подумал
дурак-людоед.
«Значит, черед за тобой», закричало мне Лихо.
Бросились Злыдни слепые ко мне, зашаталась слепая
Журьба.
В нежитей черепом тут я ударил, и закипела борьба,
Бились мы. Падал я. Бил их. Убил их. И в замке
железном вдруг сделалось тихо.
Вольно вздохнул я. Да здравствует воля, понявшего чудищ,
раба!

ТРИ БЫЛИНКИ

Заговор

Все мне грезятся мысли о воле.
Выхожу я из дома сам-друг,
Выхожу я во чистое поле,
Прихожу на зеленый луг.
На лугу есть могучие зелья,
В них есть сила, а в силе веселье.
Все цветы, как и быть надлежит, по местам.
И, мечту затаив в себе смелую,
Три былинки срываю я там,
Красную, черную, белую.
Как былинку я красную буду метать
Так далеко, что здесь никому не видать,
За шумящее синее Море,
К краю мира, на самый конец,
Да на остров Буян, что в кипящем просторе,
Да под меч-кладенец.
Зашумит и запенится Море.
А былинку я черную бросить хочу
В чащу леса узорного,
Я ее покачу, покачу
Под ворона черного.
Он гнездо себе свил на семи на дубах,
А в гнезде том уздечка покоится бранная,
На дубовых ветвях,
Заклятая, для сердца, желанная,
С богатырского взята коня.
Упадет та уздечка, блестя и звеня.
Вот былинка еще остается мне, белая,
Я за пояс узорчатый эту былинку заткну,
Пусть колдует она, онемелая,
Там завит, там зашит, зачарован колчан,
В заостренной стреле заложил я весну.
Трем былинкам удел побудительный дан,
И мечта — как пожар, если смелая.
Мне от красной былинки есть меч-кладенец,
Мне от черной былинки есть взнузданный конь,
Мне от белой былинки — мечтаний конец —
Есть колчан, есть стрела, есть крылатый огонь.

О, теперь я доволен, я счастлив, я рад,
Что на свете есть враг-супостат!
О, на этом веселом зеленом лугу
Я навстречу бросаюсь к врагу!

НАГОВОР НА НЕДРУГА

Ворожба

Я ложусь, благословясь,
Встану я, перекрестясь,
Из избы пойду дверями,
Из сеней я воротами
Против недруга иду.
Позабывши о неволе,
Там, далече, в чистом поле,
Раноутренней росою
Освежусь, утрусь зарею,
И зову на бой беду!
Белым светом обнадежен,
Красным светом опригожен,
Я подтычуся звездами.
Солнце красное над нами,
И в сияющей красе,
Как у Господа у Бога,
Из небесного чертога,
Алый день встает, ликуя,
Ненавистника сражу я,
Да возрадуются все!

ЧЕРВЬ КРАСНОГО ОЗЕРА

Ирландская легенда

В Донегале, на острове, полном намеков и вздохов,
Намеков и вздохов приморских ветров,
Где в минувшие дни находилось Чистилище, —
А быть может, и там до сих пор,
Колодец-Пещера Святого Патрикка, —
Пред бурею в воздухе слышатся шопоты,
Голоса, привидения звуков проходят.

Они говорят и поют.
Поют, упрекают, и плачут.
Враждуют, и спорят, и сетуют.
Проходят, бледнеют, их нет.
Кто сядет тогда над серебряным озером,
Под ветвями плакучими ивы седой,
Что над глинистым срывом,
Тот узнает над влагой стоячею многое,
Что в другой бы он раз не узнал.
Тот узнает, из воздуха, многое, многое.

В Донегале другое есть озеро, в чаще Лаф Дерг,
Что по-нашему — Красное Озеро.
Но ни в бурю, ни в тишь к его водам нельзя подходить.
В те старинные дни, как не прибыл еще
К берегам изумрудной Ирдандии
Покровитель Эрида, Патрикк,
Это озеро звалося озером Фина Мак-Колли.
И недаром так звалось оно.
Тут была, в этом всем, своя повесть.

Жила, в отдаленное время, в Ирландии
Старуха-колдунья, чудовище,
Что звалася Ведьмою с Пальцем,
И сын был при ней, Исполин.
Та вещая Ведьма любила растенья,
И ведала свойства всех трав,
В серебряном длинном сосуде варила
Отравы, на синем огне.
А сын-Исполин той отравой напаивал стрелы,
И смерть, воскрыляясь, летала
С каждой стрелой.
На каждой руке у Колдуньи, как будто змеясь,
По одному только было
Длинному гибкому пальцу.
Да, загибались
Два эти длинные пальца,
В час, как свистела в разрезанном воздухе,
Сыном ее устремленная,
Отравой вспоенная,
Безошибочно цель достающая, птица-стрела.

Ведьмою с Пальцем
Было немало подобрано тех, до кого прикоснулась,
Ядом налитая, коготь-стрела.

В Ирландии правил тогда король благомудрый Нуль.
Он созвал Друидов,
И спросил их, как можно избавиться
От язвы такой.
Ответ был, что только единый из рода Фионов
Может Колдунью убить,
И убить ее должно серебряной меткой стрелой.
Самым был славным и сильным из смелых Фионов
Доблестный, звавшийся Фином Мак-Колли.
Сын его был Оссиан,
Дивный певец и провидец,
Видевший много незримого.
Слышавший, кроме людского,
Многое то, что звучит не среди говорящих людей.
Был также славный Фион, звавшийся Гэлом Мак-Морни.
Был также юный беспечный, что звался Куниэн-Миуль.
Все они вместе, по слову Друидов,
Отправились к чаще, излюбленной Ведьмою с Пальцем.
Они увидали ее на холме.
Она собирала смертельные травы,
И с нею был сын-Исполин.
Мак-Морни свой лук натянул,
Но стрела, просвистев, лишь задела
Длинный колдуний сосуд,
Где Ведьма готовила яд,
Кувырнулся он к синему пламени,
Ушла вся отрава в огонь.
Исполин, увидав наступающих,
На плечи схватил свою мать
И помчался вперед,
С быстротой поразительной,
Через топи, овраги, леса.
Но у Фина Мак-Колли глаза были зорки и руки уверены,

И серебряной меткой стрелой
Пронзил он ведовское сердце.
Гигант продолжал убегать.
Он с ношей своей уносился,
Пока не достиг, запыхавшись,
До гор Донегаль.
Пред скатом он шаг задержал.
Назад оглянулся,
И, вздрогнув, увидел,
Что был за плечами его лишь скелет:
Сведенные руки и ноги, да череп безглазый, и звенья спинного хребта.
Он бросил останки.
И вновь побежал Исполин.
С тех пор уж о нем никогда ничего не слыхали.

Но несколько лет миновало,
Сменилися зимы и весны,
Не раз уже лето, в багряных и желтых
Листах, превратилося в осень,
И те же, все те же из славных Фионов
Охотились в местности той,
Скликалась, кричали, смеялись, шутили,
Гнались за оленем, и места достигли,
Где кости лежали, колдуний скелет.
Умолкли, былое припомнив, и молча
Напевы о смерти слагал Оссиан.
Вдруг карлик возник, рыжевласый, серьезный,
И молвил: «Не троньте костей.
Из кости берцовой, коль тронете кости,
Червь глянет, и выползет он,
И если напиться найдет он довольно,
Весь мир может он погубить».
«Весь Мир», прокричал этот карлик серьезно,
И вдруг, как пришел, так исчез.
Молчали Фионы. И в слух Оссиана
Какие-то шопоты стали вноситься.
Тихонько, неверно, повторно, напевно,
Как будто бы шелест осоки под ветром,
Как будто над влагой паденье листов.

Молчали Фионы. Но юный беспечный,
Что звался Куниэн-Миуль,
Был малый веселый,
Был малый смешливый,
Куда как смешон был ему этот карлик,
Он кости берцовой коснулся копьем.
Толкнул ее, выполз тут червь волосатый,
Он длинный был, тощий, облезло-мохнатый,
Куниэн-Миуль взял его на копье,
И поднял на воздух, и бросил со смехом,
Далеко отбросил, и червь покатился,
Упал, не на землю, он в лужу упал.
И только напился из лужи он грязной,
Как вырос, надулся, раскинулся тушей,
И вдоль удлинился, и вверх укрепился,
Змеей волосатой, мохнатым Драконом,
И бросился он к опрометчивым смелым,
И тут-то был истинный бой.

Кто знает червей, тот и знает драконов.
Кто знает Змею, тот умеет бороться,
Кто хочет бороться, тот знает победу,
Победа к бесстрашным идет.
Но как иногда ее дорого купишь,
И сколько в борении крови прольется,
Об этом теперь говорить я не буду,
Не стоит, не нужно сейчас.

Я только скажу вам, кто внемлет напеву,
Я был в Донегале, на острове вздохов,
Я был там под ивой седой,
Я многое видел, я многое слышал,
И вот мой завет вам: Не троньте костей.
Коль нет в том нужды, так костей вы не троньте,
А если так нужно, червя не поите,
Напиться не дайте ему.
Так мне рассказали на острове древнем,
Пред бурей, над влагой, над глинистым срывом,
Сказали мне явственно там
Шепоты в воздухе. В воздухе.

ГРОМОВЫЙ КАМЕНЬ

Громовый Камень был как мертвый гнет.
И шли часы. И каждый день был год.
И шли года. Но в царстве мертвых льдов
Ходила Мысль дорогою ветров.

Ходила, и будила, говоря,
Что красная готовится заря,
Что мертвый камень, ныне тяжкий свод,
Громовыми цветами зацветет.

В морях небес будя и высь и дно,
Сплела она заветное Руно.
Враждебности в незримом созвала,
Глазам вражды в глаза взглянуть дали.

Дождем обильным рухнули мечты,
Громовый Камень сброшен с высоты.
И стиснутость, в свободу превратясь,
В громовый час расцветами зажглась.

ПРАЗДНИК СЖИГАНЬЯ

От колеса солнцевой колесницы
Небесный огонь долетел до людей,
Факел зажег для умов, в ореоле страстей.
От колеса солнцевой колесницы
Кто-то забросил к нам в души зарницы,
Дал нам властительность чар,
Тайну змеиных свечей,
Для созвания змей
На великий пожар,
На праздник сжиганья змеиных изношенных кож,
Чешуйчатых звений,
Когда превращается старая ложь,
И лохмотья затмений,
Во мраке ночном,
В торжествующий блеск самоцветных горений,

Тишина обращается в гром,
И пляшут, к Востоку от Запада, в небе, кругом,
К низинам отброшены вышней пучиной,
Синие молнии, синие молнии, чудо раденья громовых
лучей,
Слившихся с дрожью светло-изумрудных, хмельных
новизной, змеиных очей.
О, праздник змеиный!
О, звенья сплетенных,
Огнем возрожденных,
Ликующих змей!

НА СИНЕМ МОРЕ

Заговор

Есть светлое Синее Море,
На светлом на Синем на Море,
Есть Остров, на Острове Камень,
И Остров и Камень тот — синь.
На Камени, в синей одежде,
Сидит Человек белоликий,
И лук у него бестетивный,
Лук синий для синих пустынь.
И синей стрелою без перьев
Стреляет он в притчи, в призоры.
Во всякую нечисть, в притворства,
В телесный и в думный излом.
В Серебряном Море, напротив,
Серебряный Остров и Камень,
Серебряный кто-то на Камне
Ему отвечает как гром.
Ему подпевает пособно,
Стрела за стрелой улетает,
Над дивной Рекой поперечной
Огонь разрастается, синь.
Так сгиньте же, ковы, приборы,
Рассейтесь вы, притчи и чары,
Я стрелы вам здесь заостряю,
Аминь, говорю я, аминь.

Книга VII

ЖАР-ПТИЦА

Свирель славянина

Народные поверья —
Неполные страницы,
Разрозненные перья
От улетевшей птицы.

Она вот тут сидела
На камне самоцветном,
И пела здесь так смело
О сне своем заветном.

О том заморском крае,
Где Море с Небом слито,
Где дума, в вечном Мае,
Цветами перевита.

Где светов зарожденье,
Где завершенье мраков,
Где видит ум сплетение
Всего как вещих знаков.

Пропела, улетела,
Пред взором лишь зарница,
Лишь видишь — здесь блестела
Воистину Жар-Птица.

ВОРОЖБА

Знак: хризолит

Хризолит, зеленовато-золотистый, столь великим обладает холодом, что, приложив его к лицу, умеряют жар горячки. От Звезды, зовущейся Северным Венцом, дар он этот имеет. И хорош, он дабы прогонять видения.

Жан де ля Тай де Бондаруа

ЗАГОВОР НА ПОСАЖЕНИЕ ПЧЕЛ В УЛЕЙ

Пчелы роятся,
Пчелы плодятся,
Пчелы смирятся.
Стану я на Восток,
Свод небесный широк,
А в саду у меня тесный есть уголок.
Беру я пчелу, и в улей сажаю,
Вольную, в тесном и темном, пчелу замыкаю.
Ее, золотую, жалею,
Беседую с нею,
Любя.
Не я в этот улей сажаю тебя,
Белые звезды, и месяц двурогий,
И Солнце, что светит поляне отлогой,
Сажают тебя, укорачивают,
В улей тебя заколачивают.
Сиди же, пчела, и роись,
На округ на мой лишь садись,
И с белых, и с красных, и с синих цветов пыль
собирать не ленись.
А тебя я, пчелиная матка, замыкаю на все пути,
Чтоб тебе никуда не идти,
Запираю замком,
Расставайся со днем,

Ты во тьме уж усладу себе улучи,
Под зеленый куст, в Океан я бросаю ключи.
А в зеленом кусте грозна Матка сидит,
Маткам старшая всем,
И сидит, и гудит —
Непокорную жечь! Непокорна зачем!
В луг за цветами, цветик есть ал,
Белый и синий расцвел.
Матка гудит. Семьдесят семь у ней жал,
Для непокорных пчел.
Будьте ж послушными, пчелы,
Пусть отягчится, как грозд полновесный,
Меж цветов светловольных и кельею тесной,
Рой ваш веселый.
С вами в союз я вошел,
Слово я твердо сказал,
Его повторять я не стану.
За непокорище ж тотчас под куст, к Океану,
Там Матка старшая сидит, и семьдесят семь
у ней жал,
Семьдесят семь у ней жал,
Для непокорных пчел!

ЗАГОВОР
НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ

Я по острову хожу,
Через все леса гляжу,
По прогалинам и мракам,
По оврагам, буеракам,
Дуб, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмель,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всем гляжу ветвям,
По листам, и по цветам,
Я зову мою дуброву, —
Быть бы живу мне, здорову: —
Подступясь к ней зверь и гад,

Чтоб сейчас же шли назад,
Чтоб не шли к нам люди злые,
Ведьмы, вихри, водяные,
Чтоб в дуброве, под листвой,
Сам себе я был большой,
Чтобы листья мне, в шуршаньи,
Были в тихом послушаньи,
Чтобы легкий ветер к нам
Шел, танцуя, по верхам.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗМЕИ

Змея-Медяница, старшая меж змей,
Зачем учиняешь изъяны, и жалишь, и жалишь людей?
Ты, с медным гореньем в глазах своих злых,
Собери всех родных и чужих,
Не делай злодейств, не чини оскорбления кровного,
Вынь жало из тела греховного,
Чтоб огонь отравы притих.
А ежели нет, — я кару придумал тебе роковую,
Тучу нашлю на тебя грозовую,
Тебя она частым каменьем побьет,
Молнией туча пожжет,
Успокоишься,
От тучи нигде не укроешься,
Ни под колодой, ни под межой,
Ни на лугу, ни в поле,
Ни в темном лесу, ни за травой,
Ни в норе, ни в овраге, в подземной неволе.
Чур меня, чур!
Сниму я с тебя, Медяница, двенадцать шкур,
Все разноцветные,
Глазу заметные,
И иные, для глаз неприметные,
Тебя самое сожгу,
По чистому полю развею!
Слово мое не прейдет, горе и смерть врагу,
Слово мое как Судьба, бойся встречаться с нею!

ЗАГОВОР РАТНИКА

Под морем Хвалынским стоит медный дом,
Закован Змей огненный в доме том,
Под Змеем под огненным ключ семипудовой,
От светлого терема, с богатырской броней.
По Волге широкой, по крутым берегам,
Плывет Лебедь белая, по синим волнам,
Ту Лебедь поймаю я, схватаю ее,
Ты, Лебедь, исполни мне желанье мое.
На море Хвалынское лети поскорей,
Сделай так, чтоб заклеван был огненный Змей,
Из-под Змея достань мне ключ семипудовой,
Лети себе после на Волгу домой.
— До моря Хвалынского не мне долетать,
И Змея, что в пламени, не мне заклевать,
И мне ль дотащить ключ семипудовой,
Отпусти меня лучше за совет дорогой.
На Буяне на острове — для тебя это клад —
Ворон есть, он всем воронам старший брат,
Злою Ведьмою Киевской он посажен, — так вот,
Долетев до огнистого, Змея он заклюет. —
Как мне Лебедь поведала, так я сделал, пошел,
И в лесу с злою Ведьмою я избушку нашел,
Злая Ведьма упрямилась; — Что, мол, Ворон! Что в нем!
Но сказала, помчался он, прилетел в медный дом.
Он разбил медный дом, он уважил меня,
Змея он заклевал, не страшася огня,
Он достал и принес мне ключ семипудовой,
Отпер терем я светлый, и владею броней.
В этой бранной одежде, все вперед я, вперед,
Ни стрела не достанет, ни пищаль не убьет.
Сим моим заговором оградившись, иду.
Ворон, Ворон о, Ворон, враг желанен, я жду!

ЗАГОВОР ОТ ПОГАСШИХ

Иду я в чистом поле,
На светлой вольной воле,

Навстречу мне бегут,
Свились в крученый жгут,
Семь духов с полудухами,
Все черные, все злые,
Охочие до зла.
Семь духов с полудухами,
Моя душа светла,
Все злости — мне чужие,
Что делать вместе нам?
Идите к старикам,
Со злобными старухами,
Со злобными,
Надгробными,
Бегите в старость — там,
Обширная как нива,
Всегда вам есть пожива,
Я — весны длю,
Я то люблю,
Что юно и красиво.
Подальше от меня
Погасших вы держите,
Бегите же, спешите,
Не тьме быть с светом дня,
Прочь, дальше от меня!

ЗАГОВОР ХМЕЛЯ

Хмель я, смеющийся Хмель,
Пчела прожужжит, или шмель,
Все цветет расцветающий Хмель.
Хмель я, пьяню я, и млею,
Снова, в похмельи, хмелею.
И поет, разливаясь, свирель.
Все я цвету да гуляю,
Сам я себя выхваляю: —
Нет меня, Хмеля, сильней,
Нет веселей и хмельней.
Стар меня знает и мал,

Хмеля, как вешнего Леля,
Царь не один восхвалял.
Долга без Хмеля неделя.
Меня и мудрец восхвалил,
Приумножил я мудрому сил.
Меня славословил монах
В именитых своих погребах.
Рабочий, крестьянин, солдат
Захмелеют — ой, Хмелюшко, брат!
А я их скорей на постель,
Я добрый бываю, я Хмель.
Девица ль со мной, молодица. —
Поет им любовная птица,
Войду я им в разум, пьяню,
И губы к губам я маню.
Где Хмель, — там сейчас обниматься,
Где Хмель, — там браниться и драться,
А чуть кто от Хмелю проспится, —
Мириться, и в Хмеле дружиться.
Хмеля кому же не знать, —
Велика, велика моя рать!

Был только лих на меня
Садовник, сурьезный мужик.
Вот он пришел среди дня —
Больно работать привык —
По саду ходит, гуляет,
Борозды всюду копает,
Соломою их застилает.
Тут-то я, Хмель, загадал,
По тычиночке вверх подавался,
По тычинке легко побежал,
Над сурьезным над ним посмеялся, —
Как ударится в тын головой,
Как взмахнется да в грязь бородой.
Так-то, брат, эдак вернее,
Будешь теперь похмельнее.
Кто на Хмеля восстал, берегись: —
Сверху падают — так-таки вниз!

ЗАГОВОР ЛЮБОВНЫЙ

В чисто поле я пойду,
Речь с Ветрами поведу: —
Ветры, Вихори, скорей,
Дайте власть мечте моей,
Буйны Вихори, яруйте,
По всему вы свету дуйте,
Распалите, разожгите,
Деву красную сведите
Вы со мной,
Душа с душой,
Тело с телом,
Онемелым.
Плоть же с плотью,
Хоть же с хотью,
Поскорей,
Ветры, к радости моей.
Счастья ради, страсти ради,
День в ее зажгите взгляде,
Вы в ее мечтах повейте,
Разогрейте, разомлейте.
Вы в ее застыньте слухе,
Не сроните слов присухи
Ни на воду, ни на лес,
Ни на землю — силен Бес:
В воду сроните — вода
Вся иссохнет навсегда,
В лес — так лес шуметь не станет,
Лес засохнет, лес повянет,
А на землю — мир сгорит,
Все горя, возговорит: —
Ветры, Вихори, яруйте,
Только нам скорей задуйте,
А присуху поскорей
К милой мчите, будьте с ней,
Вы снесите, положите
Этот пламень в сердце ей,
В тело белое, живое,
В сердце девы ретивое,

В хоть и плоть,
В хоть и плоть! —

В чистом поле есть криница,
В чистом поле Чаровница,
Печь горит, а на печи
Кипь кипит, прядет лучи,
Кипь кипит, перекипает,
Все горит, перегорает,
Сохнет, сохнет на огне, —
Так бы дева обо мне
Ретивым своим кипела,
Кровью жгучею горела,
Без меня бы не умела
Ни забыться, ни любить,
Без меня ни жить, ни быть!

ЗАГОВОР СЕМИ ВЕТРОВ

В чисто поле я пошел,
В чисто поле я пришел,
На Восток я поглядел,
На Востоке камень бел,
На Востоке камень ал,
Семь я братьев повстречал,
Семь я братьев, семь Ветров
Вопрошал напевом слов: —
Семь вы братьев, Ветров буйных,
Семь вы Ветров многоструйных,
Вы вблизи, и вы вдали,
Вы теперь куда пошли?
— Шли мы в чистые поля,
Бродим, колос шевеля,
Шли в широкие раздолья,
Шли в леса, где пни и колья,
Шли туда, где косят травы,
Рубят лес, искать забавы,
Где распахана земля,
Где в продольностях поля. —

— Вы подите, семь Ветров,
Соберите с бледных вдов
Всю их жгучую тоску,
Слез текучую реку,
За один возьмите счет
Все тоски у всех сирот,
Все их вбросьте вы в нее,
Сердце кто томит мое,
В ней зажгитесь вдвое, втрое,
Распалите ретивое,
Кровь горячую пьяня,
Чтоб возжаждала меня,
Чтоб от этой жгучей жажды
Разгорелась не однажды,
Чтобы ей неможно быть,
Без меня ни есть, ни пить,
Чтоб скучала, замечала,
Что дышать ей стало мало,
Как горящим в час беды,
Или рыбе без воды,
Чтобы бегала, искала,
Страха Божия не знала,
Не боялась ничего,
Не стыдилась никого,
И в уста бы целовала,
И руками обнимала,
И как вьется хмель средь дня,
Так вилась бы вкруг меня.

ЗАГОВОР НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ

Там на море Океане,
Там на острове Буяне,
Светить камень Алатырь,
А кругом и даль и ширь.
На огне там есть доска,
На доске лежит тоска,
Не одна тоска, смотри,
Не одна, а тридцать три.

И мечутся тоски,
Кидаются тоски,
И бросаются тоски,
Вдоль дороги, вдоль реки.
Через все пути-дороги,
Через горы крутороги,
Перепутьем и путем,
Мчатся ночью, мчатся днем.
Дева смотрит вдоль реки,
Вы мечитесь к ней, тоски,
К деве киньтесь вы, тоски,
Опрокиньтесь вы, тоски,
Киньтесь в очи, бросьтесь в лик,
Чтобы мир в глазах поник,
И в сахарные уста,
Чтоб страдала красота.
Чтобы молодец был ей
Света белого милей,
Чтобы Солнце ослепил,
Чтобы Месяцем ей был.
Так, не помня ничего,
Чтоб плясала для него,
Чтобы тридцать три тоски
Были в пляске позвонки.
Чтоб кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нежна.

ЗАГОВОР КРАСНОЙ ДЕВИЦЫ

С темной зарею, с вечерней зарею,
Спать я ложилась, заря закатилась.
Было темным темно.
Вставала я с утренней красной зарею,
Умывалась я свежей водой ключевою,
Было светлым светло.
Из двери во дверь, из ворот воротами,
Пошла я дорогой, сухими путями,

До Моря, где остров на нем.
От Моря смотрела, а Море горело,
На поле смотрела, и в поле узрела: —
Стоит Семибашенный Дом.
Пою я, и вижу под слово напева: —
Там Красная Дева, там ясная дева
На кресле сидит золотом.
Твердит заговоры, на скорби, недуги,
И стала молить я о милом, о друге.
Вошла в Семибашенный Дом.
Сердцем смирилась, до ног поклонилась,
Вот, говорю, и к Могучей явилась,
Ты мне с моим помоги.
Чарой скрути призороки, недуги.
Злые шептанья, намеки, испуги,
Все, что готовят враги.
Все за двенадцатью спрячь ты замками,
Красная Дева, будь ласкова с нами,
В Море ключи опусти.
Белая рыбица пусть их проглотит,
Все пусть двенадцать ключей не воротит,
Дай нам любить и цвести.
С темной зарею, с вечерней зарею,
Пусть он смеется со мною одною,
Будет темным темно.
С утренней мглою, с красной зарею,
Пусть он подольше помедлит со мною,
Будет светлым светло.

ЗАГОВОР МАТЕРИ

Разрыдалась я во тереме родительском высоком,
С красной утренней зари
В чисто поле, в тоскованьи одиноком,
Все смотря, смотря, как в Небе, в тучках тают янтари,
Досиделася до поздней до вечерней я зари,
До сырой росы, в беде,
Стало ясно и звездисто, стало тихо так везде.
Не взмилилось мне о дитятке тоской себя крушить,

Гробовую я придумала тоску заговорить.
Чашу брачную взяла я, со свечою обручальной,
В чисто поле я пошла,
Я достала плат венчальный,
В студенце загорном, чистом, зачерпнув, воды взяла,
Призорочною чертою
Очертилась я в лесу,
Под Луною молодою
Я над свежею водою
Слово молвлю о дитяти, чтоб сберечь его красу.

Вот над чашей этой брачной,
Над водой ключа прозрачной,
Пред свечою обручальной,
Расстеливши плат венчальный,
Чисто личико я мою.
И свечу своей свечою,
Той единою, венчальной,
Чтоб не быть душе — печальной,
Утираю платом белым,
Завещаю: Век будь смелым,
Будь весенних дней милее,
Солнца ясного светлее,
Ненаглядный мой, любя,
Отвожу я от тебя: —
Духа страшного, седого,
Ветра, Вихоря ночного,
Домовых и водяных,
Одноглазых леших злых; —
Змея огненного знаю,
От него предохраняю,
И от Киевской от злой
Ведьмы, с Муромской сестрой; —
И от Ворона лихого,
От Кощея, и от слова
Чернокнижника-волхва,
Чьи захватисты слова; —
От русалки от моргуньи,
И от той Яги-колдуньи,
И от знахаря-слепца

Будь сохранен до конца.
Пусть в ночи и в полуночи
У тебя не меркнут очи,
Пусть в дороге и пути
Знаешь ты, куда идти.
Будь сокрыт от скорби страстной,
И от смерти от напрасной,
От врагов и от беды,
От огня и от воды.
А как час твой смертный глянет,
Пусть твой разум воспомянет
Про того, в тебе чья кровь,
Про мою к тебе любовь.
Ты на родину вернися,
С кровным, с близким распростися,
И к сырой земле прильни,
Непробудным сном засни.
Слово то, что я сказала,
Живо с самого начала,
И сильнее, чем Вода,
Да пребудет навсегда.
Кто перечить мне захочет,
Кто морочит, узорочит,
Пусть узорчанье его
Возвратится на него.
Пусть в свои впадет узоры,
И за древние за горы
Пусть ведун напрасный тот
В Преисподнюю сойдет.

ЗАГОВОР ОХОТНИКА

Засветло встал я,
Лицо умывал я,
И в двери иду из дверей,
Из ворот я иду в ворота,
В чисто поле, к дремучему лесу, где между ветвей
Днем темнота.

А из лесу дремучего, темного,
Из лесу огромного,
Двадцать бегут ко мне дьяволов, сатанаилов, лесных,
И двадцать иных,
Пешие, конные, черные, белые,
Низкие,
Близкие,
Страшные видом, а сами несмелые,
Сатанаилы, и дьяволы, стали они предо мной,
На опушке лесной.
Сатанаилы, и лешие, дьяволы странные,
Низкие, близкие, темные,
Плоско-огромные,
И вы, безымянные,
Видом иные,
На остров идите,
Зверей мне гоните,
В мои западни поставные,
Ночные, вечерние, утренние,
И полуденные, и полуночные,
Идите, гоните,
Остановите,
В моих западнях примкните!

ЗАГОВОР НА УТИХАНИЕ КРОВИ

Два брата камень секут,
Где два брата, и кровь есть тут.
Две сестры в окошко глядят,
Две свекрови в воротах стоят.
Ты, свекор, воротись,
А ты, кровь, утолись.
Ты, сестра, отворотись,
А ты, кровь, уймись.
Ты, брат, смирись,
А ты, кровь, запрись.
Кровь бежит, брат дрожит,
Брат дрожит, брат бежит,
Сестра кричит, свекор ворчит.

А это слово крепко будь,
Чтоб кровь идти забыла путь,
Чтоб кто ушел, пришел назад,
Сестра к сестре, и к брату брат.

ЗАГОВОР НА ПУТЬ-ДОРОГУ

Еду я из поля в поле, поле в поле, и луга,
Долог путь, и нет мне друга, всюду чувствую врага.
По вечерним еду зорям, и по утренней заре,
Умываюся росою в раноутренней поре.
Утираюсь ясным солнцем, облекаюсь в облака,
Опоясался звездами, и светла моя тоска.
О, светла тоска, как слезы, звездным трепетом жива,
Еду полем, в чистом поле Одолень растет трава.
Одолень-траву сорвал я, ей на сердце быть, цвети,
Сделай легкой путь-дорогу, будь подмогой мне в пути.
Одолей высоки горы, долы, топи, берега,
Темны чащи, темны думы, тайну темного врага.
Чтоб рука не поднималась, замышляющая зло,
Чтобы в совести вспененной стало тихо и светло,
Чтобы зеркалом холодным в даль душа могла взглянуть,
Чтоб с цветком, с цветком у сердца, равномерно мерить путь.

ЗАГОВОР ОТ ЧЕРНОЙ НЕМОЧИ

Птица летит за моря,
Зверь за леса убегает,
Дерево в дерево, искра в огонь ускользает, горя,
Железо в руду, свою мать, земля в Мать-Землю
вникает, —
Так, Черная немочь, не мучай души,
Не мучь и усталого тела,
В черную тьму, в непроглядную Ночь поспеши,
В пропасть, где Ночь без предела.
Оставь Человека, недуг,
Уйдите, болести, хворобы,

Уныние, приступы злобы,
Все корчи, которые узят, кривят мироздания круг.
Да не будут умы как угрюмые гробы,
Свет да войдет в бытие,
Слово велико мое,
В слове моем Человек воплощает желанье свое!

ЗАГОВОР ГРОМОВ

Гром с Востока означает изобилие во всем,
Гром с Полудня — лето тепло, но созренье яблок трудно,
Гром от Запада — так лето будет скудное дождем,
Гром с Полуночи — так лето будет северно и скудно.
Гром с Полуночи — замкнись в холодном царствии своем,
Гром от Запада — слюбися с влажной тучей обоюдно,
Гром с Полудня — в честь твою мы сок из яблок винный
пьем,
Гром с Востока, Гром с Полудня — гряньте в мире
многочудно.

ЗАГОВОР ОТ СГЛАЗА

Бог, избавь от глаза нас,
Защити на слабый час,
Сохрани от черного,
Серо-голубого,
Ласкового, злого,
Желтого, укорного,
Синего, немого,
От зеленолистного,
Горько-ненавистного,
Лживого, завистного,
Ясного, лихого,
Женского, мужского,
И от полуночного,
От совсем бессрочного,
От непостижимого,

Нам неощутимого,
Но неотвратимого,
Бог, избавь от глаза нас,
В глазе жизнь — и смертный час.

ЗАГОВОР ПРОТИВ СМЕРТИ

Начертивши ножом
Круговую черту,
Углем ее обведя,
И зажженной лучиной как глазом змеиным глядя,
В полночасьи ночном,
И зажженной лучиной, сосновой, отрезанный круг свой
святя,
Озаряя свою круговую черту,
Я в молчаньи узоры заклятья, узоры проклятья плету.
Смерть заклинаю, — не белую, — черную,
Желтую, серую, красную,
Смерть я зову, отвергаю,
Зарок налагаю
На рабыню подвластную,
Смерть, уходи.
В сказку мою, в сказку жизни узорную,
Смерть, не гляди,
Смерть заклинаю я красную,
От убийства, бесчасную,
Смерть заклинаю я черную,
От бесчестья, позорную,
Смерть заклинаю я желтую, Смерть пожелтевшую,
С жизнью живущую, с жизнью от лет ослабевшею,
Смерть, заклинаю ползучую, серую,
Мутною тучей встающую,
Чтоб закрыть, заслонить Красоту с жизнелюбящей верою,
Серо-гнетущую,
Самую тяжкую, самую в жизнях обычную,
Соки в расцветностях пьющую,
Тяжесть кошмарных повторностей, тускло растущую,
С силой дневной, ежедневной, недельной, годичною,
В плоскости все забывающей, краски стирающей,

Счета не знающей,
Счета не знающей,
Незнакомой с какой бы то ни было мерою,
Смерть заклинаю я серую, —
Чтоб в сад мой, в расцветной различности дней,
Когда я прослушаю песнь полнозвонности,
Когда охвачу все пределы я, —
В своей непреклонности,
В освежительной силе своей,
Пришла ко мне, белая, белая,
Та, в нагорной одежде, что Смертью зовется, равно,
меж людей,
Но кого я Свободой, и Новою Жизнью зову
в многострунностях песни моей.

ЗАГОВОР ОТ МЕТАЛЛОВ И СТРЕЛ

За горами за дольними
Там Небо беззвездное,
За горами за дольними
Есть Море железное.
Путь в Море бесследный,
Есть в Море столб медный,
На столбе том чугунный Пастух,
От всех он живых вдали,
До Неба тот столб от Земли,
На Восток и на Запад чугунный Пастух
Говорит, размышляя вслух.
У того Пастуха убедителен вид,
Он, заповедуя, детям своим говорит: —
Железу, булату, синему, красному,
Меди и стали,
Свинцу,
Серебру, золоту, ценному камню прекрасному,
Стрелам и пищали,
Борцам заурядным, кулачным, и чудо-борцу,
Великий дает им завет: —
Вы все, увидавшие свет,
Железо, каменья, свинец,

Другие металлы, узнайте теперь свой конец,
В мать свою Землю сокройтесь, в глубины
Молчанья великого,
В безгласную Ночь,
От лица светлоликого
Прочь!
Пищалям, кинжалу, ножу, топору —
Кровавую кончить игру,
Пусть на луке застынет навек тетива.
Крепче кольчуги и тверже булата
Воля, что сжата
В эти слова,
Я их замыкаю замками, и ключ
Бросаю под Камень горюч,
На дно,
В железное Море. Да будет отныне решенье мое
свершено!

ЗЫБИ ГЛУБИННЫЕ

Знак: горный хрусталь

Солнечный свет, проходя через горный хрусталь, зажигает огонь, который издревле зовется священным огнем.

Орфей

МЕЖДУ ОГНЕМ И ВОДОЙ

Море с Землей говорило:
В ком из нас наибольшая сила?
Земля отвечала вулканом: Во мне.
Но хохот раздался в морской глубине.
Земля обожгла все приморские страны,
Но в Море подводные вскрылись вулканы,
В огне.
И в Мексике есть не один Геркуланум,
Но свел ли кто счет всем потопленным странам,
На дне?

Море с Землей говорило:
Что же, в ком наибольшая сила?
Земля отвечала чуть слышно: Во мне.
И цветок в предвечерней расцвел тишине.
Море цветка не достало,
Но верить в победу земную не стало.
И тучку родила морская вода,
И в тучке жемчужная светит звезда.

В НАЧАЛЕ ВРЕМЕНИ

Славянское сказание

В начале времен
Везде было только лишь Небо да Море.
Лишь дали морские, лишь дали морские, да светлый
бездонный вкруг них небосклон.

В начале времен
Бог плавал в ладье, в бесприютном, в безбрежном просторе,
И было повсюду лишь Небо да Море.
Ни леса, ни травки, ни гор, ни полей,
Ни блеска очей, Мир — без снов, и ничей.
Бог плавал, и видит — густая великая пена,
Там Кто-то лежит.
Тот Кто-то неведомый тайну в себе сторожит,
Название тайной мечты — Перемена,
Не видно ее никому,
В немой сокровенности — действенно-страшная сила,
По Морю и Небу значение пены в то время невидимо было.
Бог видит Кого-то, и лодку направил к нему.
Неведомый смотрит из пены, как будто бы что заприметил.
«Ты кто?» — вопрошает Господь,
Причудливо этот безвестный ответил: —
«Есть Плоть, надлежащая Духу, и Дух, устремившийся
в Плоть.
Кто я, расскажу. Но начально
Возьми меня в лодку свою».
Бог молвил: «Иди». И протяжно затем, и печально,
Как будто бы издали голос раздался вступившего с Богом
в ладью: —
«Я Дьявол». — И молча те двое поплыли,
В своей изначальной столь разнствуя силе.
Весло, разрезая, дробило струю.
Те двое, те двое.
Кругом — только Небо да Море, лишь Море да Небо немое.
И Дьявол сказал: «Хорошо если б твердая встала Земля,
Чтоб было нам где отдохнуть». И веслом шевеля,
Бог вымолвил: «Будет. На дно опустись ты морское,
Пригоршню песку набери там во имя мое,
Сюда принеси, это будет Земля, Бытие».
Так сказал, и умолк в совершенном покое.
А Дьявол спустился до дна,
И в Море глубоком,
Сверкнувши в низинах тревожным возжаждавшим оком,
Две горсти песку он собрал, но во имя свое, Сатана.
Он выплыл ликуя, играя,
Взглянул — ни песчинки в руке,

Взглянул, подивился — свод Неба пред этим сиял и синел
вдалеке,
Теперь — отодвинулась вдвое и втрое над ним высота
голубая.
Он снова к низинам нырнул.
Впервые на Море был бешеный гул,
И Небо содвинулось, дальше еще отступая,
Как будто хотело сокрыться в бездонностях, прочь.
Приблизилась первая Ночь.
Вот Дьявол опять показался. Шумней он дышал и свободней.
В руке золотилися зерна песку,
Из бездны взнесенные ввысь, во имя десницы Господней.
Из каждой песчинки — Земли создалось по куску.
И было Земли ровно столько, как нужно,
Чтоб рядом улечься обоим им дружно.
Легли.
К Востоку один, и на Запад другой.
Несчетные звезды возникли вдали,
Над бездной морской,
Жемчужно.
Был странен, нежданен во влажностях гул.
Бог спал, но не Дьявол. Бог крепко заснул.
И стал его Темный толкать потихоньку,
Толкать полегоньку,
Чтоб в Море упал он, чтоб в Бездне Господь потонул.
Толкнет — а Земля на Востоке все шире,
На Запад толкает — удлиннилась Земля,
На Юг и на Север — мелькнули поля,
Все ярче созвездья в раздвинутом Мире,
Все шире на Море ночная Земля.
Все больше, грознее. Гудят водопады.
Чернеют провалы разорванных гор.
Где ж Бог? Он меж звезд, там, где звезд мириады!
И враг ему Дьявол с тех пор.

ГЛУБИННАЯ КНИГА

Восходила от Востока туча сильная, гремучая,
Туча грозная, великая, как жизнь людская — длинная,

Выпадала вместе с громом Книга Праотцев могучая,
Книга-Исповедь Глубинная,
Тучей брошенная к нам,
Растянулась, распростерлась по равнинам, по горам.
Долины та Книга будет — описать ее нельзя,
Поперечина — померяй, истомит тебя стезя,
Буквы, строки — чащи леса, расцвеченные кусты,
Эта Книга — из глубинной беспричинной высоты.
К этой Книге ко божественной,
В день великий, в час торжественный,
Сходились сорок мудрых и царей,
Сорок мудрых, и несчетность разномыслящих людей.
Царь Всеслав до этой Книги доступается,
С ним ведун-певец подходит Светловзор,
Перед ними эта Книга разгибается,
И глубинное писанье расцвечается,
Но не полно означается узор.
Велика та Книга — взять так не поднять ее,
А хотя бы и поднять — так не сдержать ее,
А ходить по ней — не выходить картинную,
А читать ее — прочесть ли тьму глубинную.
Но ведун подходит к Книге, Светловзор,
И подходит царь Всеслав, всепобедительный,
Дух у них, как и у всех, в телесный скрыт цветной убор,
Но другим всем не в пример горит в них свет
нездешний, длительный.
Царь Славянский вопрошает, отвечает Светловзор.
«Отчего у нас зачался белый вольный свет,
Но доселе, в долги годы, в людях света нет?
Отчего у нас горит Солнце красное?
Месяц светел серебрит Небо ясное?
Отчего сияют ночью звезды дружные,
А при звездах все ж глубоки ночи темные?
Зори утренни, вечерние — жемчужные?
Дробен дождик, ветры буйные — бездомные?
Отчего у нас ум-разум, помышления?
Мир-народ, как Море, сумрачный всегда?
Отчего всей нашей жизни есть кружение?
Наши кости, наше тело, кровь-руда?»

И ведун со взором светлым тяжело дышал,
Перед Книгою Глубинной он ответ царю держал.

«Белый свет у нас зачался от хотенья Божества,
От великого всемирного Воления.
Люди ж темны оттого, что воля света в них мертва,
Не хотят в душе расслышать вечность пения.
Солнце красное — от Божьего пресветлого лица,
Месяц светел — от Божественной серебряной мечты,
Звезды частые — от риз его, что блещут без конца,
Ночи темные — от Божьих дум, от Божьей темноты.
Зори утренние, вечерние — от Божьих жгучих глаз,
Дробен дождик — от великих, от повторных слез его,
Буйны ветры оттого, что есть у Бога вещий час,
Неизбежный час великого скитанья для него.
Разум наш и помышленья — от высоких облаков,
Мир-народ — от тени Бога, светотень живет всегда,
Нет конца и нет начала — оттого наш круг веков,
Камень, Море — наши кости, наше тело, кровь-руда».

И Всеслав, желаньем властвовать и знать всегда томим,
Светловзора вопрошал еще, была беседа длинная.
Книгу Бездны, в чьи листы мы каждый день и час глядим,
Он сполна хотел прочесть, забыл, что Бездна —
внепричинная,
И на вечность, на одну из многих вечностей, пред ним
Заперлась, хотя и светит, Книга-Исповедь Глубинная.

МОРЕ ВСЕХ МОРЕЙ

К литургии шел сильный царь Волот,
Все прослушал он, во дворец идет.
Но вопрос в душе не один горит.
Говорит с ним царь, мудрый царь Давид.
«Ты уж спрашивай, сильный царь Волот,
На любой вопрос ум ответ найдет».
И беседа шла от царя к царю.
Так приводит ночь для людей зарю. —
«Где начало дней? Где всех дней конец?

Городам какой город есть отец?
Кое древо — мать всем древам земным?
Кою травам мать мы определим?
И какой старшой камень меж камней?
Птица между птиц? Зверь между зверей?
Рыба между рыб? Озеро озер?
Море всех морей? Всех степей простор?»
Так-то вопрошал сильный царь Волот,
Мудрый царь Давид речь в ответ ведет. —
«Где начало дней, там и дней конец,
Их связал в одно вышний наш Отец.
Свет идет во тьму, тьма ведет во свет,
Большее понять — разума в нас нет.
Город городов — строится в умах,
Радость в нем — свеча, свет во всех домах,
Там сады для всех, все цветы есть в нем,
Водоемы бьют, с башней каждый дом.
Кипарис есть мать всем древам земным,
Кипарис родит благовонный дым,
В час, как дух у нас посвящен мольбам,
Фимиам его дышит в храмах нам.
А всем травам мать есть плакун-трава,
Потому что грусть в ней всегда жива,
И приходит год, и уходит год,
А в плакун-траве все слеза цветет.
Камень камням всем — огневой рубин,
В нем святая кровь, в нем пожар глубин,
Перед тем как новь распахать для нас,
Нужно сжечь леса в самый жаркий час.
Птица птицам всем есть морской Стратим,
Взор его — огонь, а перо — как дым,
Он крылом своим обнимает мир,
Всех живых зовет на всемирный пир.
Зверь зверей земных есть единорог,
На скрещеньи он всех земных дорог,
И куда нейди, все придешь к нему,
И узнаешь свет, миновавши тьму.
Рыба между рыб кит есть исполин,
Возлюбивший ночь и испод глубин,
Двух сынов родил исполинский кит,
И на них на трех весь наш мир стоит.

Озеро — отец всех земных озер —
Есть зеркальный круг между снежных гор.
Кто на высь взойдет, глянет в тот затон,
Весь увидит мир как единый сон.
Степь степей земных, Море всех морей —
В помыслах людских, в сердце у людей,
Кто в зеркальный круг заглянул в мечте,
Вечно он в степи, в Море, в Красоте».

ВИДЕНИЕ ЦАРЯ ВОЛОТА

Был велик тот день, и светла заря,
Как сошлись у нас сорок два царя.
Всех могуче был светлый царь Волот,
А вторым за ним царь Давид идет.
И сказал Волот: «Ой цари людей!
Что вам виделось в темноте ночей?
Вы поведайте, чем ваш сон живет?» —
Но молчат цари. И рече Волот: —
«А мне снилося, и таков мой сон.
Будто свет горит нам со всех сторон,
От Востока встал, и зажег весну,
Светорусскую озарил страну.
И с полуденной стороны, светло,
Древо-золото до Небес взошло,
А на дереве кречет-бел сидит,
А в ногах его позвонок звенит.
Кто из вас, цари, изъяснит мне сон?» —
И сказал Давид, был он царь учен: —
«Государь ты наш, первый царь Волот,
Сон твой сбудется, сон твой жизни ждет.
Солнца красный свет, алый луч весны —
То начальный Град для родной страны.
Светорусская возгорит земля,
Кровью вскормятся все луга-поля.
Как восточные облака горят,
Городам земным вспыхнет первый Град,
Светорусский Град, где не будет тьмы,
Где блеснут сердца, возгорят умы,
Древо-золото — тех умов оплот,

Тех сердец расцвет, что светло цветет.
Кречет-бел на нем — белизна души,
Позвонок всем нам говорит: Спеши,
Поспешите все, всех зовет тот звон,
В нас да сбудется златоцветный сон». —
И задумались сорок два царя,
И раскинулась широко заря,
И светло горит первый царь Волот,
И во все края жаркий свет идет.

ТРИ НЕБА

Три Неба ведали прапрадеды мои,
Индийцы, слившие лукавый ум Змеи
С великой кротостью в превратном бытии.

И Небо первое сияет белизной,
Второе — синею недвижною волной,
А третье — золотом, бессмертьем, глубиной.

По Небу первому проходят облака,
По Небу синему в моря идут века,
Даль Неба вечного для слова высока.

Мы млеком облачным питаем детский глаз,
Лазурь застывшая усталых нежит нас,
А свет бессмертия целует в смертный час.

И если золото бездонной высоты
Неописуемо в словах людской мечты,
Все ж сердцу ведомо, что там цветут цветы.

Асватта-дерево, основа всех миров,
Растет развесисто, не ведая ветров,
Кругом Вселенная — один безмерный ров.

С Асватты капает амрита, свежий мед,
В зеленых вечностях целебность трав цветет,
И солнца новые здесь зачинают ход.

Две птицы вещие сидят вверху всегда,
Одна из них клюет румяный цвет плода.
Другую разглядеть нельзя нам. Никогда.

ЧЕРНОБЫЛЬ

Шел наймит в степи широкой,
Видит чудо: Стая змей
Собралась, свилась, как лента, как дракон зеленоокий,
В круг сложилась океанский переливчатых огней,
В средоточьи, на свирели, колдовал им чародей.
И наймит, поверя чуду, что свершалося воочью,
Подошел к свирели звонкой, к змеевому средоточью,
К чаровавшему, в безбрежном, степь и воздух, колдуну.
Змеи искрились, свивались,
Звуки флейты раздавались,
Цепи дня позабывались,
Сон слагался, утончая длинно-светлую струну.
И наймит, хотя был темным,
И несведущим в вещах,
Увидал себя в огромном
Море, Море всеединым, слившем день и ночь в волнах.
И наймиту чудно стало,
Умножались чудеса.
Степь сияньем изумрудным говорила, гул рождала,
И от травки к каждой травке возникали голоса.
И одна из трав шептала, как быть вольным от болести,
И другая говорила, как всегда быть молодым,
Как любить и быть любимым, как избегнуть лютой мести,
И еще, еще, и много, возникали тайновести.
И всходил как будто к Небу изумрудно-светлый дым.
В скудном сердце у наймита
Было радостно-легко.
Океанское раздолье было счастием повито,
И певучий звук свирели разносился далеко.
Так бы вечно продолжалось, счастье видится воочью
Подходящим в звуках песни к змеевому средоточью,
Да на грех наймит склонился, вырвал стебель чернобыль,
Приложил к губам тот стебель — и внезапно все сокрылось,

И наймит лишь степь увидел — лишь в степи пред ним
крутилась,
И, кружася, уносилась та же, та же, та же пыль.

НАВАЖДЕНИЕ

Владимирское предание

Жил старик со старухой, и был у них сын,
Но мать прокляла его в чреве.
Дьявол часто бывает над нашею волей сполна властелин,
А женщина, сына проклявшая,
Силу слова не знавшая,
Часто бывала в слепящем сознание гневе.
Если Дьявол попутал, лишь Бог тут поможет один.
Сын все же у этой безумной родился,
Вырос большой, и женился.
Но он не был как все, в дни когда он был мал.
Правда, шутил он, играл, веселился,
Но минутами слишком задумчив бывал.
Он не был как все, в день когда он женился.
Правда, весь светлый он был под венцом,
Но что-то в нем есть нелюдское — мать говорила с отцом.
И точно, жену он любил, с ней он спал,
Ласково с ней говорил,
Да, любил,
И любился,
Только по свадьбе-то вскорости вдруг он без вести пропал.
Искали его, и молебны служили,
Нет его, словно он в воду упал.
Дни миновали, и месяцы смену времен сторожили,
Меняли одежду лесов и долин.
Где он? Нечистой то ведомо силе.
И если Дьявол попутал, тут Бог лишь поможет один.

В дремучем лесу стояла сторожка.
Зашел ночевать туда нищий старик,
Чтоб в лачуге пустой отдохнуть хоть немножко,
Хоть на час, хоть на миг.
Лег он на печку. Вдруг конский послышался топот.
Ближе. Вот кто-то слезает с коня.

В сторожку вошел. Помолился. И слышится жалостный шопот:
«Бог суди мою матушку — прокляла до рожденья меня!»
Удаляется.
Утром нищий в деревню пришел, к старику со старухой на двор.
«Уж не ваш ли сынок», говорит, «объявляется?»
И старик собрался на дозор,
На разведку он в лес отправляется.
За печкой, в сторожке, он спрятался, ждет.
Снова неведомый кто-то в сторожку идет.
Молится. Сетует. Молится. Шепчет. Дрожит, как виденье.
«Бог суди мою мать, что меня прокляла до рожденья!»
Сына старик узнает.
Выскочил он. «Уж теперь от тебя не отстану!
Насилу тебя я нашел. Мой сынок! Ах, сынок!» говорит.
Странный у сына безмолвного вид.
Молча глядит на отца. Ждет. «Ну, пойдем». И выходят навстречу туману,
Теплому, зимнему, первому в зимней ночи пред весной.
Сын говорит: «Ты пришел? Так за мной!»
Сел на коня, и поехал куда-то.
И тем же отец поспешает путем.
Прорубь пред ними, он в прорубь с конем,
Так и пропал, без возврата,
Там, где-то там, в глубине.
Старик постоял-постоял возле проруби, тускло мерцавшей при мартовской желтой Луне.
Домой воротился.
Говорит помертвевшей жене:
«Сына сыскал я, да выручить трудно, наш сын подо льдом очутился.
Живет он в воде, между льдин.
Что нам поделать? Раз Дьявол попутал, тут Бог лишь поможет один».

Ночь наступила другая.

В полночь, в лесную сторожку старуха, вздыхая, пошла.
Вьюга свистела в лесу, не смолкая,

Вьюга была и сердита и зла,
Плакалась, точно у ней — и у ней — есть на сердце кручина.
Спряталась мать, поджидает, — увидит ли сына.
Снова и снова. Сошел он с коня.
Снова и снова молился с тоскою.
«Мать, почему ж прокляла ты меня?»
Снова копыто, подковой звеня,
Мерно стучит над замерзшей рекою.
Искрятся блестки на льду.
«Так. Ты пришла. Так иди же за мною».
«Сын мой, иду!»
Прорубь страшна. Конь со всадником скрылся.
Мартовский месяц в высотах светился.
Мать содрогнулась над прорубью. Стынет. Горит как в бреду.
«Сын мой, иду!» Но какою-то силой
Словно отброшена, вьюжной дорогою к дому идет.
Месяц зловещий над влажной разъятой могилой
Золотом матовым красит студености вод.

Призрак! Какую-то душу когда-то с любовью ты назвал
здесь милой!
Третья приблизилась полночь. Кто третий к сторожке идет?
Мать ли опять? Или, может, какая старуха святая?
Старый ли снова отец?
Нет, наконец,
Это жена молодая,
Раньше пошла бы — не смела, ждала
Старших, черед соблюдая.
Ночь молчала, светла,
С Месяцем порванным, словно глядящим,
Вниз, к этим снежно-белеющим чащам.
Топот. О, топот! Весь мир пробужден
Этой звенящей подковой!
Он! Неужели же он!
«Милый! Желанный! Мой прежний! Мой новый!»
«— Милая, ты?» — «Я, желанный!» — «За мной!»
«— Всюду!» — «Так в прорубь». — «Конечно, родной!
В рай или в ад, но с тобою.
О, не с чужими людьми!»
«— Падай же в воду, а крест свой сними».

Месяц был весь золотой над пустыней Небес голубою.
В бездне глубокой, в подводном дворце, очутились и муж и жена.
Прорубь высоко-высоко сияет, как будто венец. И душе поневоле
Жутко и сладко. На льдяном престоле
Светлый пред ними сидит Сатана.
Призраки возле различные светятся зыбкой и бледной толпою.
«Кто здесь с тобою?»
«— Любовь. Мой закон».
«— Если закон, так изыди с ним вон.
Нам нарушать невозможно закона».

В это мгновение, в музыке звона,
В гуле весенних ликующих сил,
Льды разломились.
Мартовский Месяц победно светил.
Милый и милая вместе вверху очутились.
Звезды отдельные в небе над ними светились,
Словно мерцанья церковных кадил.
Веяло теплой весною.
Звоны и всплески неслись от расторгнутых льдин.
«О, наконец я с тобой!» — «Наконец ты со мною!»
Если попутает Дьявол, так Бог лишь поможет один.

ТАЙНА СЫНА И МАТЕРИ

Тайной скрыты все рожденья,
Тайной скрыта наша смерть.
Бог, спаси от искушенья,
И возьми нас после смерти в голубую твердь.

Вот, выходит мать из терема, и вся она — кручина,
Черным шелком обвила она дитя, родного сына,
Положила на кораблик, и пустила на Дунай.
«Уплывай, судьба, в безвестность. Горе! Дитятко, прощай».
Чтобы страшного избегнуть, по волнам дитя пустила,
Обливаяся горючими слезами, говорила: —

«Ах, ты тихий Дунай,
Ты сыночка принимай,
Ты кораблик этот новый потихоньку колыхай.
А ты, быстрая вода,
Будь ему сестрой всегда.
А ты, желтый песок,
Береги его, как золото не раз ты уберег.
Вы, леса, вы не шумите,
Мово сына не будите».
Плачет мать. И будет плакать. Жаль ребенка своего.
Страшный рок ей был предсказан. Ускользнет ли от него?
Двадцать лет прошло, неполностью. До тихого Дуная
За водой вдова из терема выходит молодая.
Пристает корабль, на палубе красивый молодец,
Он рекой, лесами выхолен, зовут его Донец.
«Эй пригожая вдова, куда идешь ты?» — «За водою».
«Любишь ты Донца, скажи мне? Обвенчаешься со мною?»
«Я люблю Донца, красив он. Обвенчаюся с Донцом».
Вот сидят. Вино и мед тут. Были, были под венцом.
То, что тайно, станет явно. Незабвенные есть знаки.
Горек мед, вино не пьяно. Боль огнем горит во мраке.
«Что же это? Как же это? Как же быть на свете нам?
Мать, поди и утопися. Я же в лес пойду к зверям».

Полно, темные. Постойте, сердцу больно.
Нет вины на вас, когда вина невольна.
Если страшное вам было суждено,
Помолитесь, канет темное на дно.
А Дунай течет, до Моря убегая,
И Дунаю мать родная — глубь морская.
Из морей река по капле собралась,
До морей идут все реки в должный час.

Ах, Дунай ты, Дунай,
Ты меня не потопляй,
Плачу я, мое ты горе потихонечку качай.
А ты, светлая вода,
Будь душе сестрой всегда.
А ты, желтый песок,
Золотись в свой должный срок.

А вы, темные леса,
Вы шумите, говорите, ухожу я в Небеса.
Всем они открыты нам,
Есть скончанье всем путям.
Мир, прощай.
Ах, Дунай ты, Дунай, тихий плещущий Дунай!

ГОРЕ

В воскресенье матушка замуж отдала,
В понедельник Горе привязалось к ней.
«Ты скажи мне, матушка, как избегнуть зла?
Горе привязалося, помоги скорей.
Я от Горя спрячуся в темные леса,
Там поют привольные птичьи голоса».
Горе вслед бежит за ней, Горе говорит:
«Лес срублю, тебя найду. Чу, как лес шумит».
«— Ты скажи мне, матушка, мне куда идти?
Может, я в полях смогу свой уют найти?»
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Все поля серпом прижну, рожь не защитит».
«— Ты скажи мне, матушка, где укрыться мне?
Я пойду в зеленый луг, он цветет во сне».
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Я скошу зеленый луг, луг изменит вид».
«— Ты скажи мне, матушка, как развеять тьму?
В терем я высок пойду, спрячусь в терему».
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Терем я высок зажгу, терем твой сгорит».
«— Ты скажи мне, матушка, где же скрыться мне?
В горы я круты пойду, скроюсь в вышине».
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Я червем совьюсь, не тверд пред червем гранит».
«— Ты скажи мне, матушка, где же отдых мне?
В землю я сыру пойду, скроюсь в глубине».
Горе вслед идет за ней, заступом стучит,
Стало, рассмеялося, роет, говорит:
«Дочь моя родимая, я тебе ведь мать,
Ты сумела, доченька, горе горевать».

ДОБРЫНЯ И СМЕРТЬ

Поехал Добрыня в домашнюю сторону. Закручинился.
Хочет домой.
Попадалася Смерть на дороге престрашная. Говорит,
покачав головой: —
«Полно ездить по свету, и крови лить напрасную, кровь
невинную в мир струить».
А Добрыня ей: «Ты-то кто? Царь ли, царевич ли?
Иль изволишь ты витязем быть?»
Отвечает ему: «Я не царь, не царевич я, и не витязь.
Я страшная Смерть».
«— Ай ты страшная Смерть, как мечом я взмахну своим,
твою голову вскину на твердь!»
«— Эй Добрыня, поспей с белым светом проститися, выну
пилья, засветят, звеня,
Подсеку, эти пилья — невиданно-острые, подсеку, упадешь
ты с коня».
Тут взмолился Добрыня: «Ой Смерть ты престрашная! Дай
мне сроку на год и на два,
За грехи попрощаться, за силу убитую, и о крови
промолвить слова».
«— Я не дам тебе воли на час на единственный». — «Дай же
сроку на этот лишь час».
«— На минуту одну, на минуту не дам его». — И минута иная
зажглась.
Подсекла она молодца страшными пильями, и еще, и еще
подсекла.
И упал тут Добрыня с коня изумленного. И душа
из Добрыни ушла.

СТИХ О ГОРЕ

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилось Горе от земли сырой,
Из-под камня серого явилося,
Под ракитой спало под сухой.
Встало Горе, в лапти приобулося,

И в рогожку Горе приоделося,
Повязалось лыком, усмехнулося,
И близ добра молодца уселося.
Смотрит, видит молодец: не скроешься.
Серым зайцем в поле устремляется.
«Стой, постой», тут Горе усмехается,
«В западне моей», мол, «успокоишься».
Да, не так легко от Горя скроешься.
Он в реку уходит рыбой-щукою.
«Будет невод молодцу наукою,
В частой сети скоро успокоишься».
Смотрит, видит молодец: не скроешься.
В лихорадку он, да во постелюшку.
«Полежи, ты день лежи, неделюшку,
Полежишь в горячке, успокоишься».
Смотрит, что ж, и в бреде не укроешься?
Застонал тут молодец в лихой тоске.
Знать, один есть отдых — в гробовой доске.
Горе заступ взяло: «Успокоишься».
Жизнь возникла, жизнь в земле сокрылася.
Тут и все. А Горе усмехается.
Из-под камня серого родилося.
Снова к камню серому склоняется.

СТИХ ПРО ОНИКУ ВОИНА

Это было в оно время, по ту сторону времен.
Жил Оника, супротивника себе не ведал он,
Что хотелося ему, то и деялось,
И всегда во всем душа его надеялась.
Так вот раз и обседлал он богатырского коня,
Выезжает в чисто поле пышноликое,
Ужаснулся, видит, стречу, словно сон средь бела дня,
Не идет — не едет чудо, надвигается великое.
Голова у чуда-дива человеческая,
Вся повадки, постать-стать как будто жреческая,
А и тулово у чуда-то звериное,
Сильны ноги, и копыто лошадиное.

Стал Оника к чуду речь держать, и чудо вопрошать:
«Кто ты? Царь или царевич? Или как тебя назвать?»
Колыхнулася поближе тень ужасная,
Словно туча тут повеяла холодная:
«Не царевич я, не царь, я Смерть прекрасная,
Беспосульная, бесстрастная, безродная.
За тобою». — Тут он силою булатною
Замахнулся, и на Смерть заносит меч, —
Отлетел удар дорогою обратною,
Меч упал, и силы нет в размахе плеч.
«Дай мне сроку на три года, Смерть прекрасная»,
Со слезами тут взмолился Воин к ней.
«На три месяца, три дня» — мольба напрасная —
«Три минутки». — Счет составлен, роспись дней.
Больше нет ни лет, ни месяцев, ни времени,
Ни минутки, чтоб другой наряд надеть.
Будет. Пал Оника Воин с гулом бремени.
Пал с коня. Ему мы будем память петь.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ

То не ветры в Небе слеталися,
То не тучи в Небе сходилися,
Наши витязи в бой собиралися,
Наши витязи с недругом билися.
Как со всею-то волей охотною
Развернули размашистость рьяную,
Потоптали дружину несчетную,
Порубили всю силу поганую.
Стали витязи тут похвалятися,
Неразумно в победе смеятися,
Что, мол, плечи могутны все биться хотят,
Кони добрые не уходилися,
И мечи-то их не притупилися,
Нам нездешнюю силу давай, говорят,
И с нездешнею силой мы справимся,
Да и так ли мы с ней позабавимся.
Только слово такое промолвил один,
Как явилися двое воителей,

Только двое, не полчище вражьих дружин,
Но воителей, не говорителей.
И воскликнули: «Вступимте, витязи, в бой,
Пусть вас семеро, нас только двое».
Не узнали воителей витязи, в этой минуте слепой,
Разгорелося сердце в груди ретивое,
Жажда биться — в крови горяча.
Налетел тут один на воителей, светят глаза огневые,
Разрубил пополам их, с плеча,
Стало четверо их, все четыре — живые.
Налетел тут другой, и испробовал силу меча,
Разрубил пополам, стало восьмеро их, все — живые.
Налетает тут третий, и очи горят огневые,
Разрубил пополам молодецким ударом с плеча,
Стало вдвое их больше, идут, все идут, все — живые.
Тут все витязи бросились эту дружину рубить,
Размахнутся — где недруги, вдвое им быть,
Надвигаются, грозно-немые.
И безвестная сила растет и растет,
Все на витязей с боем идет.
И не столько уж витязя борются тут,
Как их добрые кони копытами бьют.
А безвестная рать все растет и растет,
Все на бьющихся витязей с боем идет.
Разрастаются силы, и грозны, и жутки.
Бились витязи ровно три дня, три часа, три минутки.
Намахалися плечи могутные их,
Притупились мечи их булатные,
Уходилися кони в разбегах своих,
Утомили удары возвратные.
А безвестная рать все растет и растет,
Все на бьющихся витязей с боем идет.
Испугались бойцы тут могучие,
Побежали к горам.
Побежали к пещерам, к ущельям, где чащи дремучия,
Подбежит один витязь к горе — и останется там,
Каменеет,
Подбегает другой — и, как камень, причтется к камням,
Третий, все, — подбежит изумленный — немеет.
С этих пор на Руси уже более витязей нет,

С этих пор в сумрак гор углубиться не всякий посмеет,
Странен глыб их узор, и таинственный свет
Над провалами часто белеет.

ЗАГАДКА

Что без крыл летит?
Что без ног бежит?
Без огня горит?
И без ран болит?
Ветры буйные,
Туча грозная,
Солнце ясное,
Сердце страстное.
Ветры вольные,
Тучи черные,
Солнце красное,
Сердце страстное.

Что, без крыл летя,
Без огня светя,
Всех громов сильней,
Всяких ран больней?
О, не буйные
Ветры с тучами,
И не ясное
Солнце красное.
О, не буйные
Ветры с тучами, —
Сердце страстное,
В бурях властное.

ТРИ СЕСТРЫ

Были когда-то три страстные,
Были три вещих Сестры.
Старшую звали Ласкавицей,
Среднюю звали Плясавицей,

Младшую звали Летавицей,
Жили они для игры.
Жили они для веселия,
Взять, заласкать, заплясать.
Что ж, говорят, в самом деле я
Сердце-то буду вязать?
Так говорили. И с каждою
То же все было одно:
Взманят, замучают жаждою,
Бросят на самое дно.
Ум заласкает Ласкавица,
Пляской закружит Плясавица,
В лете, в полете Летавица
Души закрутит в звено.
Но от игранья беспечного
Рок им велел отойти.
В Небе, у самого Млечного,
В Вечность потока, Пути,
Светят три звездочки малые,
Век им быть в месте одном,
Вечно они запоздалые,
Возле Пути, но не в нем.
Звезды дорогою Млечною
Быстро бегут и бегут,
В новую жизнь, бесконечную,
Эти же вечно все тут.
Светятся Сестры-Красавицы,
Да, но на месте одном,
В собственной сети Лукавицы,
Возле Пути, но не в нем.

НЕЖНЫЕ ЗОРИ

Близ потока могучего звезд,
Разметавшихся в Небе как мост,
Что до Вечности тянется в Море.
Возле млечных сияний пути,
Где приходится мертвым идти,
Светят звездочки — Девичьи Зори.

Эти звездочки светят для глаз
Не минуту, не год, и не час,
Нет, все время, покуда есть очи.
И не млечный, не белый в них свет,
И не мертвым дорога он, нет,
Хоть и мертвому путь с нам короче.
Изумрудным и алым огнем,
Голубым и опаловым сном,
В Мире — мир, эти звездочки в Море.
И они никуда не ведут.
Но, коль нежен ты, вот, они тут,
Эти вольные Девичьи Зори.

ЧЕТЫРЕ ИСТОЧНИКА

В неком крае, блестками богатом,
Протекает шесть и шесть ключей,
Млеком, медом, серебром, и златом,
В вечном свете огненных лучей.
Белый, желтый, и блестяще-белый,
Ярко-желтый, рдяные ключи,
В этом крае ландыш онемелый
Пьет, не прячась, жаркие лучи.
В этом крае, блестками богатом,
Лютик влажный светит целый год,
Сонмы лилий дышат ароматом,
Пышным сном подсолнечник цветет.
Целый день поют и вьются пчелы,
Ночью светят стаи лебедей.
В этот праздник, светлый и веселый,
Входит тот, кто любит свет лучей.

РЕШЕНИЕ МЕСЯЦЕВ

Славянская сказка

Мать была. Двух дочерей имела,
И одна из них была родная,
А другая падчерица. Горе —

Пред любимой — нелюбимой быть.
Имя первой — гордое, Надмена,
А второй — смиренное, Маруша.
Но Маруша все ж была красивей,
Хоть Надмена и родная дочь.
Целый день работала Маруша,
За коровой приглядеть ей надо,
Комнаты прибрать под звуки брани,
Шить на всех, варить, и прясть, в ткать.
Целый день работала Маруша,
А Надмена только наряжалась,
А Надмена только издевалась
Над Марушей: Ну-ка, ну еще.
Мачеха Марушу поносила:
Чем она красивей становилась,
Тем Надмена все была дурнее,
И решили две Марушу сжить.
Сжить ее, чтоб красоты не видеть,
Так решили эти два урода,
Мучили ее — она терпела,
Били — все красивее она.
Раз, средь зимы, Надмене наглой,
Пожелалось вдруг иметь фиалок.
Говорит она: «Ступай, Марушка,
Принеси пучок фиалок мне.
Я хочу заткнуть цветы за пояс,
Обонять хочу цветочный запах».
— «Милая сестрица» — та сказала,
«Разве есть фиалки средь снегов!»
— «Тварь! Тебе приказано! Еще ли
Смеешь ты со мною спорить, жаба?
В лес иди. Не принесешь фиалок, —
Я тебя убью тогда. Ступай!»
Вытолкала мачеха Марушу,
Крепко заперла за нею двери.
Горько плача, в лес пошла Маруша,
Снег лежал, следов не оставлял.
Долго по сугробам, в лютой стуже,
Девушка ходила, цепенея,
Плакала, и слезы замерзали,

Ветер словно гнал ее вперед.
Вдруг в дали Огонь ей показался,
Свет его ей зовом был желанным,
На гору взошла она, к вершине,
На горе пылал большой костер.
Камни вкруг Огня, числом двенадцать,
На камнях двенадцать светлоликих,
Трое — старых, трое — помоложе,
Трое — зрелых, трое — молодых.
Все они вокруг Огня молчали,
Тихо на Огонь они смотрели,
То двенадцать Месяцев сидели,
А Огонь им разно колдовал.
Выше всех, на самом первом месте
Был Леденъ, с седою бородою,
Волосы — как снег под светом лунным,
А в руках изогнутый был жезл.
Подивилась, собралася с духом,
Подошла и молвила Маруша:
«Дайте, люди добры, обогреться,
Можно ль сесть к Огню? Я вся дрожу».
Головой серебряно-седою
Ей кивнул Леденъ: «Садись, девица.
Как сюда зашла? Чего ты ищешь?»
— «Я ищу фиалок», был ответ.
Ей сказал Леденъ: «Теперь не время.
Снег везде лежит». — «Сама я знаю.
Мачеха послала и Надмена.
Дай фиалок им, а то убьют».
Встал Леденъ и отдал жезл другому,
Между всеми был он самый юный.
«Братец Март, садись на это место».
Март взмахнул жезлом поверх Огня.
В тот же миг Огонь блеснул сильнее,
Начал таять снег кругом глубокий,
Вдоль по веткам почки показались,
Изумруды трав, цветы, весна.
Меж кустами зацвели фиалки,
Было их кругом так много, много,
Словно голубой ковер постлали.

«Рви скорее!» молвил Месяц Март.
И Маруша нарвала фиалок,
Поклонилась кругу Светлоликих,
И пришла домой, ей дверь открыли,
Запах нежный всюду разлился.
Но Надмена, взяв цветы, ругнулась,
Матери понюхать протянула,
Не сказав сестре: «И ты понюхай».
Ткнула их за пояс, и опять.
«В лес теперь иди за земляникой!»
Тот же путь, и Месяцы все те же,
Благосклонен был Ледень к Маруше,
Сел на первом месте брат Июнь.
Выше всех Июнь, красавец юный,
Сел, поверх Огня жезлом повеял,
Тотчас пламя поднялось высоко,
Стаял снег, оделось все листвой.
По верхам деревья зашептали,
Лес от пенья птиц стал голосистым,
Запестрели цветики-цветочки,
Наступило лето, — и в траве
Беленькие звездочки мелькнули,
Точно кто нарочно их насеял,
Быстро переходят в землянику,
Созревают, много, много их.
Не успела даже оглянуться,
Как Маруша видит гроздья ягод,
Всюду словно брызги красной крови,
Земляника всюду на лугу.
Набрала Маруша земляники,
Услаждались ею две лентяйки.
«Ешь и ты», Надмена не сказала,
Яблок захотела, в третий раз.
Тот же путь, и Месяцы все те же,
Брат Сентябрь воссел на первом месте,
Он слегка жезлом костра коснулся,
Ярче запылал он, снег пропал.
Вся Природа грустно посмотрела,
Листья стали падать от деревьев,
Свежий ветер гнал их над травою,

Над сухой и желтою травой.
Не было цветов, была лишь яблонь
С яблоками красными. Маруша
Потрясла — и яблоко упало,
Потрясла — другое. Только два.
«Ну, теперь иди домой скорее»,
Молвил ей Сентябрь. Дивились злые.
«Где ты эти яблоки сорвала?»
— «На горе. Их много там еще».
«Почему ж не принесла ты больше?
Верно все сама дорогой съела!»
— «Я и не попробовала яблок.
Приказали мне домой идти».
— «Чтоб тебя сейчас убило громом!»
Девушку Надмена проклинала.
Съела красный яблок. — «Нет, постой-ка,
Я пойду, так больше принесу».
Шубу и платок она надела,
Снег везде лежал в лесу глубокий,
Все ж наверх дошла, где те Двенадцать.
Месяцы глядели на Огонь.
Прямо подошла к костру Надмена,
Тотчас руки греть, не молвив слова.
Строг Леденъ, спросил: «Чего ты ищешь?
— «Что еще за спрос?» она ему.
«Захотела, ну и захотела,
Ишь сидит, какой, подумать, важный,
Уж куда иду, сама я знаю».
И Надмена повернула в лес.
Посмотрел Леденъ — и жезл приподнял.
Тотчас стал Огонь гореть слабее,
Небо стало низким и свинцовым,
Снег пошел, не шел он, а валил.
Засвистал по веткам резкий ветер,
Уж ни зги Надмена не видала,
Чувствовала — члены коченеют.
Долго дома мать ее ждала.
За ворота выбежит, посмотрит,
Поджидает, нет и нет Надмены,
«Яблоки ей верно приглянулись.

Дай-ка я сама туда пойду».
Время шло, как снег, как хлопья снега.
В доме все Маруша приубрала,
Мачеха нейдет, нейдет Надмена.
«Где они?» Маруша села прясть.
Смерклось на дворе. Готова пряжа.
Девушка в окно глядит от прялки.
Звездами над ней сияет Небо.
В светлом снеге мертвых не видать.

ЖЕРНОВА

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.

Литовская песня

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Вы, мысли, разрешайтесь
В певучия слова.
В душе есть тоже зерна,
И долго и упорно
Таятся зерна те
В душевной темноте.

Но мрак души не вечен,
Восходят зеленя.
О, милый, ты отмечен
Там в сердце у меня.
Вот стебли зеленеют,
Желтеют и полнеют.
Густеет их толпа.
И мирно ждет серпа.

Красиво жнется нива.
Красив склоненный жнец.
О, все в тебе красиво,
И мой ты наконец.

Лежат снопы рядами,
Блестят они пред нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
Уж мельница жива.
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Без друга, молодая,
На мельнице была я,
Вдвоем зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

КОЛОС

Рек Атлант: «Пшеничный колос — дар Венеры, как пчела,
С высоты Звезды Вечерней власть Звезды их принесла».
Дар блистательной Венеры — нежный хлеб и желтый мед.
И колосья золотятся, и в лугах пчела поет.
В пышноцветной Атлантиде, меж садов и пирамид,
Слышу я, пшеничный колос, там в веках, в веках шумит.
Вижу я равнины Майи, и Халдейские поля,
Ширь предгорий Мексиканских, Перу, дышит вся Земля.
Там пшеничные колосья, тяжелея, смотрят вниз,
Там агавы змейно светят, желтый светится маис.
И они даны, быть может, нам небесной вышиной,
Но ржаной, ржаной наш колос — достоверно он земной.
Наш земной, и мой родной он, шелестящий в тишине,
Между Северных селений без конца поющий мне.
О Славянской вашей доле, что не красочна в веках,
Но раздольна, и хрустальна в непочатых родниках.
О Славянской нашей думе, что идет со дна души,
И поет, как этот колос, в храме Воздуха, в тиши.
В бесконечных, ровных, скорбных предрешениях судеб,
Темных, да, как клад подземный, нужных нам, как черный хлеб.
Нужных нам, как шелестящий колос, колос наш ржаной,
Чтобы мир не расставался с тайной чарой, нам родной.

ЛЕН

Странный сон мне ночью снился: будто всюду лен,
Голубое всюду поле в синеве времен.

Нежно-малые цветочки, каждый жив, один,
Каждый, в малости, создатель мировых глубин.

Все цветки глядят, и взор их — в стороне одной,
И смущение и радость овладели мной.

Вот проходит зыбь морская, зыбь морского сна,
Здесь и там светло мелькает в Море белизна.

Что-то будто бы хоронят и святят цветы,
В посвященьи кто-то стонет, стелются холсты.

Кто-то был, и изменился, и кого-то нет,
Жизнь и смерть в цветочке каждом, и лазурный свет.

Каждый, в малости, создатель голубого сна,
Синей зыбью снова дышит, шепчет глубина.

И безбрежно так и нежно всюду в мире лен,
Голубое всюду поле в синеве времен.

ЗАРИНА

По-санскритски Тамара — Вода,
Массагетская диво-царица Томирис есть Дочь Океана,
А владычица Сакских степей есть Зарина, Заря,
Что всегда
Достоверна над зыбью тумана,
Достоверною волей тверда,
Хоть и нежно сияет, горя,
Как сияют снега на вершинах, цветы, и каменья, и пена,
Как сияла, сияет, и будет сиять,
Лунный камень, Елена,

Лунный Эллинский сон, и Троянский, и наш, до скончания дней,
Роковая печать
Тех, кто в счастье влюблен,
Тех, в ком Агни, Огонь, созиданье, светящийся, красочный сон,
Тех, чьи мысли — безбрежность морей,
Роковая печать
Для поющей, для огненной, плещущей, думы предвечной моей.

ЖИВАЯ ВОДА

Знак: красный рубин

Карбункул, иначе красный рубин, иначе лик или цвет огня, от Солнца имеет дар светить в темноте, и быть надлежащим оружием против отравы.

Жан де ля Тай де Бондаруа

ВОЛХ

Мы Славяне — дети Волха, а отец его — Словен,
Мы всегда как будто те же, но познали смысл измен.

Прадед наш, Словен могучий, победительный был змей,
Змейно стелется ковыль наш в неоглядности степей.

Волх Всеславич, многоликий, оборачиваться мог,
Волхом рыскал, был он сокол, тур был красный, златорог.

Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый, чародей,
Он от женщины красивой нас родил, крылатых змей.

Сам от женщины красивой и от змея был рожден,
Так гласит об этом голос отдалившихся времен.

Молода княжна гуляла, расцветал весенний сад,
С камня змей скочил незапно, изумрудный светит взгляд.

Вьется лентой переливной, прикоснулся белых ног,
Льнет к чулочику шелкову, бьет сафьянный башмачок.

Белизну ноги ласкает, затуманил, опьянил.
И содвинулись недели, Волх рожден прекрасной был.

Сине Море сколебалось, пошатнулась глубина,
С Солнцем красным в Небе вместе закраснелася Луна.

И от рыб по Морю тучи серебристые пошли,
И летели птицы в Небе, словно дым стоял вдали.

Скрылись туры и олени за громадой синих гор.
Зайцы, волки, и медведи все тревожатся с тех пор.

И протяжно на озерах кличет стая лебедей,
Ибо Волх родился в мире, сокол, волк он, тур, и змей.

Оттого в степи и в чащах зверь нам радость, не беда,
И змеею наша песня длится, тянется всегда.

Оттого и вещий Волхов именит среди стихий,
Чародеем он зовется, вековой речной наш змий.

И по суше, и по Морю, всюду в мире, далеко,
Прозвучит в столетьях песня про богатого Садко.

СВЕТОГОР И МУРОМЕЦ

Был древле Светогор, и Муромец могучий,
Два наши, яркие в веках, богатыря.
Столетия прошли, и растянулись тучей,
Но память их живет, но память их — заря,
Забылся Светогор. А Муромец бродячий,
Наехав, увидал красивую жену.
Смущен был богатырь. А тот, в мечте лежачей, —
Умно ли, — предал ум, оглядку волка, сну.
Красивая жена, лебедка Светогора,
Сманила Муромца к восторгам огневым,
И тот не избежал обмана и позора,
Губами жадными прильнул к губам слепым,
Проснувшись, Светогор узнал о вещи тайной,
Он разорвал жену, и разметал в полях.
А дерзкий Муромец стал побратим случайный,
И дружно с тем другим он сеял в мире страх.
Плениться сумраком, — не диво нам. Однако
Что было, да уйдет с разливною водой.

Сразивши полчища возлюбленников мрака,
Приехали они к гробнице золотой.
Лег Светогор в нее, была гробница впору.
«Брат названый», сказал, «покрой меня». Покрыл.
Примерил доски он к гробнице Светогору,
И доски приросли. А тот проговорил: —
«Брат названый, открой». Но тайны есть в могилах,
Каких не разгадать. И приподнять досок
Бессмертный Муромец, могучий, был не в силах.
И доски стал рубить, но разрубить не мог.
Лишь он взмахнет мечом, — и обруч есть железный.
Лишь он взмахнет мечом — и обруч есть другой.
О, богатырь Земли, еще есть мир надзвездный,
Подземный приговор, и тайна тьмы морской!
В гробнице снова зов: «Брат названый, скорее.
Бери мой вещий меч, меч-кладенец возьми».
Но силен богатырь, а меч еще сильнее,
Не может он поднять, сравнялся он с людьми.
«Брат названый, поди, тебе придам я силы».
И дунул Светогор всем духом на Илью.
Меч-кладенец подъят. Но цепки все могилы.
Напрасно, Муромец, ты тратишь мощь свою.
Ударит — обруч вновь, ударит — обруч твердый.
«Брат названый, приди, еще я силы дам».
Но Муромец сказал: «Довольно силы гордой.
Не понесет Земля. Довольно силы нам».
«Когда бы ты припал», был голос из гробницы,
Я мертвым духом бы повеял на тебя.
Ты лег бы подле спать». — Щебечут в мире птицы.
О, птицы, эту быль пропойте про себя!

СВЕТОГОР

Поехал Светогор путем-дорогой длинной,
Весь мир кругом сверкал загадкою картинной,
И сила гордая была в его коне.
Подумал богатырь: «Что в мире равно мне?»
Тут на пути его встречается прохожий.

Идет поодаль он. И смотрит Светогор: —
Прохожий-то простой, и с виду непригожий,
Да на ногу он скор, и конь пред ним не спор.
Поедет богатырь скорей — не догоняет,
Потише едет он — все так же тот идет.
Дивится Светогор, и как понять, не знает,
Но видит — не догнать, хоть ехать целый год.
И богатырь зовет: «Эй дивный человече,
Попридержи себя: на добром я коне,
Но не догнать тебя». Не возбраняя встрече,
Прохожий подождал — где был он, в стороне.
С плеч снял свою суму, кладет на камень синий,
На придорожную зеленую плиту.
И молвил богатырь, с обычною гордыней,
С усмешкой поглядев на эту нищету: —
«Что у тебя в суме? Не камни ль самоцветны?»
«— А подыми с земли, тогда увидишь сам».
Сума на взгляд мала, вид сверху неприветный,
Коснулся богатырь — и воли нет рукам.

Не может шевельнуть. Обеими руками,
Всей силой ухватил, и в землю он угряз.
Вдоль по лицу его не пот, а кровь струями,
Пред тем неведомым прохожим, полилась.
«Что у тебя в суме? Сильна моя отвага,
Не занимать мне стать, суму же не поднять».
И просто тот сказал: «В суме — земная тяга».
«— Каким же именем, скажи, тебя назвать?»
«— Микула Селянин». — «Поведай мне, Микула,
Судьбину Божию как я смогу открыть?»
«— Дорога прямиком, а где она свернула
Налево, там коня во всю пускай ты прыть.
От росстани свернешь — там Северные Горы,
Под Древним Деревом там кузница стоит.
Там спросишь кузнеца. Он знает приговоры».
«— Прощай». — «Прощай». И врозь. И новый путь
лежит.

Поехал Светогор прямым путем, и влево
На росстани свернул, во весь опор тут конь

Пустился к Северным Горам, вот Чудо-Древо,
Вот кузница, кузнец, поет цветной огонь.
Два тонких волоса кует кузнец пред горном.
«— Ты что куешь, кузнец?» — «Судьбину я кую,
Кому быть в жизни с кем. Каким быть в мире
зернам».
«— На ком жениться мне? Скажи судьбу мою».
«— Твоя невеста есть, она в Поморском царстве,
В престольном городе, во гноище лежит».
Услышав о своем предсказанном мытарстве,
Смутился Светогор. И новый путь бежит.

«Пойду я туда. Убью свою невесту».
Подумал. Сделал так. Уж далеко гора.
Увидел он избу, когда приехал к месту.
Там девка в гноище, все тело — как кора.
Он яхонт положил на стол. Взял меч свой вострый.
В грудь белую ее мечом тем вострым бьет.
И быстро едет прочь. Весь мир — как праздник
пестрый.
Прочь, струпья страшные. К иному путь ведет.

Проснулась спавшая. Разбита злая чара.
Ниспала в гноище еловая кора.
И смотрит девушка. Пред ней, светлей пожара,
Алеет яхонта цветистая игра.
Принес тот камень ей богатства неисчетны,
И множество у ней червленых кораблей.
Кузнец меж тем кует. Пути бесповоротны.
Чарует красота. И слух идет о ней.

Пришел и Светогор красавицу увидеть.
И полюбил ее. Стал сватать за себя.
Женились. Кто б сказал, что можно ненавидеть —
И через ненависть блаженным стать, любя.
Как спать они легли, он видит рубчик белый.
Он спрашивал, узнал, откуда тот рубец.
О, Светогор, когда б не тот порыв твой смелый,
Кто знает, был ли бы так счастлив твой конец!

ВОЛЬГА́

Закатилось красно Солнце, за морями спать легло,
Закатилося, а в мире было вольно и светло.
Рассадились часты звезды в светлом Небе, как цветы,
Не пустили Ночь на Землю, не дозволя темноты.
Звезды, звезды за звездами, и лучист у каждой лик.
Уж и кто это на Небе возрастил такой цветник?
Златоцветность, звездоцветность, что ни хочешь — все
проси.
В эту ночь Вольга родился на святой Руси.
Тихо рос Вольга пресветлый до пяти годков.
Дома больше быть не хочет, манит ширь лугов.
Вот пошел, и Мать-Земля восколебалася,
Со китов своих как будто содвигалася,
Разбежалися все звери во лесах,
Разлеталися все птицы в небесах,
Все серебряные рыбы разметалися,
В синем Море трепетали и плескалися.
А Вольга себе идет все да идет,
В чуждедальную сторонку путь ведет.
Хочет хитростям он всяким обучаться,
Хочет в разных языках укрепляться.
На семь лет Вольга задался посмотреть широкий свет,
А завлекся — на чужбине прожил все двенадцать лет.
Обучался, обучился. Что красиво? Жить в борьбе.
Он хоробрую дружину собирал себе.
Тридцать сильных собирал он без единого, а сам
Стал тридцатым, был и первым, и пустились по лесам.
«Ой дружина, вы послушайте, что скажет атаман.
Вейте петли вы шелковые, нам зверь в забаву дан,
Становите вы веревочки в лесу среди ветвей,
И ловите вы куниц, лисиц, и черных соболей».
Как указано, так сделано, веревочки стоят,
Только звери чуть завидят их, чуть тронут — и назад.
По три дня и по три ночи ждали сильные зверей,
Ничего не изловили, жди не жди среди ветвей.
Тут Вольга оборотился, и косматым стал он львом,
Соболей, куниц, лисиц он заворачивал кругом,
Зайцев белых поскакучих, горностаев нагонял,

В петли шелковы скружал их, гул в лесу и рев стоял.
И опять Вольга промолвил: «Что теперь скажу я вам: —
Вы силки постановите в темном лесе по верхам.
Лебедей, гусей ловите, заманите сверху ниц,
Ясных соколов словите, да и малых пташек-птиц».
Как он молвил, так и было, слово слушали его,
За три дня и за три ночи не словили ничего.
Тут Вольга оборотился, и в ветрах, в реке их струй,
Он в подоблачьи помчался, птица вольная Науй.
Заворачивал гусей он, лебедей, и соколов,
Малых пташиц, всех запутал по верхам среди силков.
И опять Вольга промолвил, возжелав иной игры: —
«Дроворубные возьмите-ка теперь вы топоры,
Вы суденышко дубовое постройте поскорей,
Вы шелковые путевья навяжите похитрей,
Выезжайте в сине Море, наловите рыбы мне,
Много щук, белуг, и всяких, много рыбы в глубине».
Как он молвил, так и было, застучал о дуб топор,
И в путевьях во шелковых возникал мудрен узор.
Выезжали в сине Море, много рыб во тьме его,
За три дня и за три ночи не словили ничего.
Тут Вольга оборотился, щукой стал, зубастый рот,
Быстрым ходом их обходит, в верный угол их ведет.
Заворачивал белугу, дорогого осетра,
Рыб плотиц, и рыбу семгу. Будет, ладно, вверх пора.
Тут-то в Киеве веселом пировал светло Вольга,
Пировала с ним дружина, говорили про врага.
Говорил Вольга пресветлый: «Широки у нас поля.
Хлеб растет. Да замышляет против нас Турец-земля.
Как бы нам про то проведать, что задумал-загадал
Наш лихой давнишний ворог, этот царь Турец-Сантал?
Если старого послать к ним, долго ждать, а спешен час,
А середняго послать к ним, запоят вином как раз,
Если ж малого послать к ним, заиграется он там,
Только девушек увидит, не дождаться вести нам.
Видно, надобно нам будет, чтоб пошел к ним сам Вольга,
Посмотрел бы да послушал да почувствовал врага».
Тут Вольга оборотился, малой пташкой полетел,
Против самого оконца, пред царем Турецким сел.
Речи тайные он слышит. Говорит с царицей царь: —

«Ай царица, на Руси-то не растет трава как встарь,
И цветы-то на Руси уж не по-прежнему цветут.
Нет в живых Вольги, должно быть». — Говорит царица тут:
«Ай ты царь, Турец-Сантал мой, все как есть цветок цветет.
На Руси трава густая все по-прежнему растет.
А спалось мне ночью, снилось, что с Восточной стороны
Пташка малая несется, звонко кличет с вышины.
А от Запада навстречу черный ворон к ней летит,
Вот слетелись, вот столкнулись, ветер в крылья им свистит.
В чистом поле бой зачался, пташка — малая на взгляд,
Да побит ей черный ворон, перья по-ветру летят».
Царь Турец-Сантал подумал, и беседует с женой: —
«Так я думаю, что скоро я на Русь пойду войной.
На святой Руси возьму я ровно девять городов,
Шубку выберу тебе я, погощу, и был таков».
А Турецкая царица говорит царю в ответ: —
«Городов не покоришь ты, не найдешь мне шубки, нет».
Вскинул очи, осердился, забранился царь Сантал.
«Ах, сновидица-колдунья!» И учить царицу стал.
«Вот тебе! А на Руси мне ровно девять городов.
Вот тебе! А шубка будет. Погощу, и был таков».
Тут Вольга оборотился, примечай не примечай,
Только в горницу ружейну впрыгнул малый горностай,
Все луки переломал он, зубом острым проточил,
Тетивы все перервал он, прочь из горницы скочил.
Серым волком обернулся, на конюший прыгнул двор,
Перервал коням он глотки, прыг назад — и чрез забор.
Обернулся малой пташкой, вот в подоблачьи летит,
Свистнул, — дома. Светел Киев, он с дружиною сидит.
«Ой дружина, собирайся!» И дрожит Турец-земля.
На Руси чуть дышет ветер, тихо колос шевеля.
И склонилися пред силой молодецкою
Царь-Сантал с своей царицею Турецкою.
Проблистали и упали сабли вострые,
Развернулись чудо-шали ярко-пестрые,
И ковры перед дружиною узорные,
Растерял пред пташкой ворон перья черные.
И гуляет, и смеется вольный, светлый наш Вольга,
Он уж знает, как коснуться, как почувствовать врага.

ПОТОК

Засветились цветы в серебристой росе,
Там в глуши, возле заводей, в древних лесах.
Замечтался Поток о безвестной красе,
На пиру он застыл в непонятных мечтах.
Ласков Князь говорит: «Службу мне сослужи».
Вопрошает Поток: «Что исполнить? Скажи».
«— К Морю синему ты поезжай поскорей,
И на тихия заводи, к далям озер,
Настреляй мне побольше гусей, лебедей».
Путь бежит. Лес поет. Гул вершинный — как хор.
Белый конь проскакал, было вольно кругом,
В чистом поле пронесся лишь дым столбом.
И у синяго Моря, далеко, Поток.
И у заводей он. Мир богат. Мир широк.
Слышит витязь волну, шелест, вздох камышей.
Настрелял он довольно гусей, лебедей.
Вдруг на заводи он увидал
Лебедь Белую, словно видение сна,
Чрез перо вся была золотая она,
На головушке жемчуг блистал.
Вот Поток натянул свой упругий лук,
И завыли рога, и запел этот звук.
И уж вот полетит без ошибки стрела, —
Лебедь Белая нежною речью рекла:
«Ты помедли, Поток. Ты меня не стреляй.
Я тебе пригожусь. Примечай».
Выходила она на крутой бережок,
Видит светлую красную Деву Поток.
И в великой тиши, слыша сердце свое,
Во сырую он землю втыкает копье,
И за остро копье привязавши коня,
Он целует девицу, исполнен огня.
«Ах, Алена душа, Лиховидьевна свет,
Этих уст что милей? Ничего краше нет».
Тут Алена была для Потока жена,
И уж больно его улещала она: —
«Хоть на мне ты и женишься нынче, Поток,
Пусть такой мы на нас налагаем зарок,

Чтобы кто из нас прежде другого умрет,
Тот второй — в гроб — живой вместе с мертвым
пойдет».
Обещался Поток, и сказал: «Ввечеру
Будь во Киеве, в церковь тебя я беру.
Обвенчаюсь с тобой». Поскакал на коне.
И не видел, как быстро над ним, в вышине,
Крылья белые, даль рассекая, горят,
Лебедь Белая быстро летит в Киев град.
Витязь в городе. Улицей светлой идет.
У окошка Алена любимого ждет.
Лиховидьевна — тут. И дивится Поток.
Как его упредила, ему невдомек.
Поженились. Любились. Год минул, без зла.
Захворала Алена — и вдруг умерла.
Это хитрости Лебедь искала над ним,
Это мудрости хочет над мужем своим.
Смерть пришла — так, как падает вечером тень.
И копали могилу, по сорок сажень
Глубиной, шириной. И собрались попы,
И Поток, пред лицом многолюдной толпы,
В ту гробницу сошел, на коне и в броне,
Как на бой он пошел, и исчез в глубине.
Закопали могилу глубокую ту,
И дубовый, сплотившись, восстал потолок,
Рудожелтый песок затянул красоту,
Под крестом, на коне, в темной бездне Поток.
И лишь было там место веревке одной,
Привязали за колокол главный ее.
От полудня до полночи в яме ночной
Ждал и думал Поток, слушал сердце свое.
Чтобы страху души ярым воском помочь,
Зажигал он свечу, как приблизилась ночь,
Собрались к нему гады змеиной толпой,
Змей великий пришел, огнедышащий Змей,
И палил его, жег, огневой, голубой,
И касался ужалами острых огней.
Но Поток, не сробев, вынул верный свой меч,
Змею, взмахом одним, смог главу он отсечь.
И Алену он кровью змеиной омыл,

И восстала она в возрожденности сил.
За веревку тут дернул всей силой Поток.
Голос меди был глух и протяжно-глубок.
И Поток закричал. И сбежался народ.
Раскопали засыпанных. Жизнь восстает.
Выступает Поток из ночной глубины,
И сияет краса той крылатой жены.
И во тьме побывав, жили долго потом,
Эти двое, что так расставались со днем.
И молва говорит, что, как умер Поток,
Закопали Алену красивую с ним.
Но в тот день свод Небес был особо высок,
И воздушные тучки летели как дым,
И с Земли уносясь, в голубых Небесах,
Лебединые крылья белели в лучах.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота ли, высота поднебесная,
Красота ли, красота бестелесная,
Глубина ли, глубина Океан морской,
Широко раздолье наше всей Земли людской.

Из-за Моря, Моря синего, что плещет без конца,
Из того ли глухоморья изумрудного,
И от славного от города, от града Леденца,
От заморского Царя, в решеньях чудного,
Выбегали, выгребали ровно тридцать кораблей,
Всех красивей тот, в котором гость богатый Соловей,
Будимирович красивый, кем гордится вся земля,
Изукрашено судно, и Сокол имя корабля.
В нем по яхонту по ценному горит взамен очей,
В нем по соболю чернеется взамен густых бровей,
Вместо уса было воткнуто два острые ножа,
Уши — копья Мурзавецки, встали, ветер сторожа,
Вместо гривы две лисицы две бурнастые,
А взамен хвоста медведи головастые,
Нос, корма его взирает по-туриному,
Взведены бока крутые по-звериному.

В Киев мчится этот Сокол ночь и день, чрез свет и мрак,
В корабле узорном этом есть муравленый чердак,
В чердаке была беседа — рыбий зуб с игрой огней,
Там, на бархате, в беседе, гость богатый Соловей.
Говорил он корабельщикам, искусникам своим:
«В город Киев как приедем, чем мы Князя подарим?»
Корабельщики сказали: «Славный гость ты Соловей,
Золота казна богата, много черных соболей,
Сокол их везет по Морю ровно сорок сороков,
И лисиц вторые сорок, сколь пушиста тьма хвостов,
И камка есть дорогая, из Царь-Града свет-узор,
Дорогая то не очень, да узор весьма хитер».
Прибежали корабли под тот ли славный Киев град,
В Днепр реку метали якорь, сходни стали, все глядят.
Вот во светлую во гридню смело входит Соловей,
Ласков Князь его встречает со дружиною своей.
Князю он дарит с Княгиней соболей, лисиц, камку,
Ничего взамен не хочет — место в саде, в уголку.
«Дай загон земли», он просит, «чтобы двор построить мне,
Там, где вишенье белеет, вишни будут спеть Княжне».
Соловью в саду Забавы отмежевана земля,
Он зовет людей работных со червлена корабля.
«Вы берите-ка топорики булатные скорей,
Снарядите двор в саду мне, меж узорчатых ветвей,
Где Забава спит и грезит, в час как Ночь в звездах идет,
В час как цветом, белым цветом, часто вишенье цветет».
С позднего вечера дружина с топорами, ровен звук,
Словно дятлы по деревьям, щелк да щелк, и стук да стук.
Хорошо идет, к полуночи и двор поспел, гляди,
Златоверхие три терема, и сени впереди,
Трои сени, все решетчаты, и тонки сени те,
В теремах все изукрашено, как в звездной высоте.
Небо с Солнцем, терем с солнцем, в небе Месяц, месяц здесь,
В Небе звезды, в Небе зори, в зорях звездных терем весь.
Вот к заутрени звонили, пробуждается Княжна,
Ото сна встает Забава, смотрит все ли спит она?
Из косящата окошка в свой зеленый смотрит сад,
Златоверхие три терема как будто там стоят.
«Ой вы мамушки и няшюшки, идите поскорей,
Красны девушки, глядите, что в саду среди ветвей.

Это чудо ль показалось мне средь вишенья в цвету?
Наяву ли увидала я такую красоту?»
Отвечают красны девушки и нянюшки Княжне:
«Счастье с цветом в дом пришло к тебе, и в яви, не во сне».
Вот идет Забава в сад свой, меж цветов идет Княжна,
Терем первый, в нем все тихо, золотая там казна,
Ко второму, за стенами потихоньку говорят,
Помаленьку говорят в нем, все молитву там творят,
Подошла она ко третьему, стоит Княжна, глядит,
В третьем тереме, там музыка, там музыка гремит.
Входит в сени, дверь открыла, испугалася Княжна,
Резвы ноги подломились, видит дивное она:
Небо с Солнцем, терем с солнцем, в Небе Месяц, месяц здесь,
В Небе звезды, в Небе зори, в звездных зорях терем весь.
Подломились резвы ножки, Соловей догадлив был,
Гусли звончаты он бросил, красну деву подхватил,
Подхватил за белы ручки тут Забаву Соловей,
Клал ее он на кровати из слоновыих костей,
На пуховые перины, в обомленьи, положил: —
«Что ж, Забава, испужалась?» — Тут им день поворожил.
Солнце с солнцем золотилось, Месяц с месяцем горел,
Зори звездные светились, в сердце жар был юн и смел.
Сердце с сердцем, очи в очи, о, как сладко и светло,
Белым цветом, всяким цветом, нежно вишенье цвело.

САДКО

Был Садко молодец, молодой Гусляр,
Как начнет играть, пляшет млад и стар.
Как начнут у него гусли звончаты петь,
Тут выкладывать медь, серебром греметь.
Так Садко ходил, молодой Гусляр,
И богат бывал от певучих чар.
И любим бывал за напевы струн,
Так Садко гулял, и Садко был юн.
Загрустил он раз: «Больно беден я.
Пропадет вот так вся и жизнь моя».
Закручинился он, к Ильменю пришел,
Гусли звончаты взял, зазвенел лес и дол.

Заходила волна, загорелась волна,
Всколыхнулась со дна вся вода-глубина.
Он так раз проиграл, проиграл он и два,
А на третий мелькнула пред ним голова.
Водный Царь перед ним, словно белый пожар,
Разметался, встает, смотрит юный Гусляр.
«Все, что хочешь, проси». — Дай мне рыб золотых».
— «Опускай невода, много вытащишь их».
Трижды бросил в Ильмень он свои невода,
Рыбой белой и красной дарила вода,
И пока допевал он напевчатый стих,
Дал Ильмень ему в невод и рыб золотых.
Положил он всю рыбу на полных возах,
Он в глубоких ее хоронил погребах.
Через день он пришел и открыл погреба, —
Эх Садко молодец, вот судьба так судьба:
Там, где красная рыба — несчетная медь,
Там, где белая — серебра полная клеть,
А куда положил он тех рыб золотых,
Все червонцы лежат, сколько их, сколько их!
Тут Гусляр молодой стал богатый Купец,
Гость Богатый Садко. Ну Гусляр молодец!

Он по Новгороду ходит и глядит,
«Где товары тут у вас?» он говорит.
«Я их выкуплю, товары все до тла».
Вечно молодость хвастливою была.
«Я сто тысячей казны вам заплачу.
Где товары? Все товары взять хочу».
Он поит Новогородских мужиков,
Во хмелю-то напоить он всех готов.
Выставляли тут товаров без конца,
Да не считана казна у молодца.
Все купил он, все, что было, он скупил,
Он, сто тысячей отдав, богатым был.
Терем выстроил, в высоком терему
Камни ночью самоцветятся во тьму.
Он Можайского Николу сорудил,
Он все маковицы ярко золотил.
Изукрашивал иконы по стенам,

Чистым жемчугом убрал иконы нам.
Вызолачивал он царские врата,
Пред жемчужной — золотая красота.
А как в Новгороде снова он пошел,
Он товаров на полушку не нашел,
И зашел тогда Садко во темный ряд,
Черепки, горшки там битые стоят.
Усмехнулся он, купил и те горшки:
«Пригодятся», говорит, «и черепки»,
«Дети малые», мол, «будут в них играть,
Будут в играх про Садко воспоминать.
Я Садко Богатый Гость, Садко Гусляр,
Я люблю, чтобы плясал и млад и стар.
Гусли звончаты недаром говорят:
Я Садко Богатый Гость, весенний сад!»

Вот по Морю, Морю синему, средь пенистых зыбей,
Выбегают, выгребают тридцать быстрых кораблей.
Походили, погуляли, торговали далеко,
А на Соколе на светлом едет сам купец Садко.
Корабли бегут проворно, Сокол лишь стоит один,
Видно, чара тут какая, есть решение глубин.
И промолвил Гость Богатый, говорит Садко Купец:
«Будем жеребья метать мы, на кого пришел конец».
Все тут жеребья метали, написавши имена, —
Все плывут, перо Садково поглотила глубина.
Дважды, трижды повторили, — вал взметнется, как гора,
Ничего тот вал не топит, лишь хмелева нет пера.
Говорит тут Гость Богатый, говорит своим Садко:
«Видно, час мой подступает, быть мне в Море глубоко,
Я двенадцать лет по Морю, Морю синему ходил,
Дани-пошлины я Морю, возгордившись, не платил.
Говорил я: Что мне море? Я плачу кому хочу.
Я гуляю на просторе, миг забав озолочу.
А уж кланяться зачем же! Кто такой, как я, другой?
Видно, Море осерчало. Жертвы хочет Царь Морской».
Говорил так Гость Богатый, но, бесстрашный, гусли взял,
В вал спустился — тотчас Сокол прочь от места побежал.
Далеко ушел. Над Морем воцарилась тишина.
А Садко спустился в бездну, он живой дошел до дна.

Видит он великую там на дне избу,
Тут Садко дивуется, узнает судьбу.
Раковины светятся, месяцы дугой,
На резных палатях сам там Царь Морской.
Самоцветны камни с потолка висят,
Жемчуга такие — не насытишь взгляд.
Лампы из коралла, изумруд — вода,
Так бы и осталась там душа всегда.
«Здравствуй», Царь Морской промолвил Гусляру,
«Ждал тебя долгонько, помню я игру.
Что ж, разбогател ты — гусли позабыл?
Ну-ка, поиграй мне, звонко, что есть сил».
Стал Садко тут тешить Водного Царя,
Заиграли гусли, звоном говоря,
Заиграли гусли звончаты его,
Царь Морской — плясать, не помнит ничего.
Голова Морского словно сена стог,
Пляшет, размахался, бьет ногой в порог,
Шубою зеленой бьет он по стенам,
А вверху — там Море с ревом льнет к скалам.
Море разгулялось, тонут корабли,
И когда бы сверху посмотреть могли,
Видели б, что нет сильнее ничего,
Чем Садко и гусли звончаты его.
Наплясались ноги. Царь Морской устал.
Гостя угощает, Гость тут пьяным стал.
Развалялся в Море, на цветистом дне,
И Морские Девы встали как во сне.
Царь Морской смеется: «Выбирай жену.
Ту бери, что хочешь. Лишь бери одну».
Тридцать красовалось перед ним девиц
Белизною груди, красотою лиц.
А Садко-причудник: ту, что всех скромней,
Выбрал он, Чернава было имя ей.
Спать легли, и странно в глубине морской
Раковины рдели, месяцы дугой.
Рыбы проходили в изумрудах вод,
Видело мечтанье, как там кит живет,
Сколько трав нездешних смотрит к вышине,
Сколько тайн сокрыто на глубоком дне.

И Садко забылся в красоте морской,
И жену он обнял левою ногой.
Что-то колыхнулось в сердце у него,
Вспомнил, испугался, что ли, он чего.
Только вдруг проснулся. Смотрит — чудеса:
Новгород он видит, светят Небеса,
Вон, там храм Николы, то его приход,
С колокольни звон к заутрени зовет.
Видит — он лежит над утренней рекой,
Он в реке Чернаве левою ногой.
Корабли на Волхе светят далеко.
«Здравствуй, Гость Богатый! Здравствуй, наш Садко!»

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

Как во стольном том во городе во Киеве был пир,
Как у ласкового Князя пир идет на целый мир.
Пированье, столование, почестный стол,
Словно день затем пришел, чтоб этот пир так шел.
И уж будет день в половине дня,
И уж будет стол во полу столе,
А все гусли поют, про веселье звеня,
И не знает душа, и не помнит о зле.
Как приходит тут к Князю сто молодцов,
А за ними другие и третии сто.
С кушаками они вкруг разбитых голов,
На охоте их всех изобидели. Кто?
А какие-то молодцы, сабли булатные,
И кафтаны на них все камчатные,
Жеребцы-то под ними Латинские,
Кони бешены те исполинские.
Половили они соболей и куниц,
Постреляли всех туров, оленей, лисиц,
Обездолили лес, и наделали бед,
И добычи для Князя с Княгинею нет.
И не кончили эти, другие идут,
В кушаках, как и те, кушаки-то не тут,
Где им надобно быть: рыболовы пришли,
Вместо рыбы они челобитье несли.

Всю-де выловили белорыбицу там,
Карасей нет, ни щук, и обида есть нам.
И не кончили эти, как третьи идут,
В кушаках, как и те, и челом они бьют:
То сокольники, нет соколов в их руках,
Что не надо, так есть, много есть в кушаках,
Изобидели их сто чужих молодцов.
«Чья дружина?» — «Чурилы». — «А кто он таков?»
Тут Бермята Васильевич старый встает:
«Мне Чурило известен, не здесь он живет.
Он под Киевцем Малым живет на горах,
Двор богатый его, на семи он верстах.
Он привольно живет, сам себе господин,
Вкруг двора у него так железный есть тын,
И на каждой тынинке по маковке есть,
По жемчужинке есть, тех жемчужин не счесть.
Середи-то двора там светлицы стоят,
Белодубовы все, гордо гридни глядят,
Эти гридни покрыты седым бобром,
Потолок — соболями, а пол — серебром,
А пробои-крюки все злаченый булат,
Пред светлицами трои ворота стоят,
Как одни-то резные, вальящаты там,
А другия хрустальны, на радость глазам,
А пред тем как пройти чрез стеклянные,
Еще третьи стоят, оловянные».

Вот собрался Князь с Княгинею, к Чуриле едет он,
Старый Плен идет навстречу, им почет и им поклон.
Посадил во светлых гриднях их за убраны столы,
Будут пить питья медвяны до вечерней поздней мглы.
Только Князь в оконце глянул, закручинился: «Беда!
Я из Киева в отлучке, а сюда идет орда.
Из орды идет не Царь ли, или грозный то посол?»
Плен смеется: «То Чурило, сын мой, Пленкович пришел».
Вот глядят они, а день уж вечеряется,
Красно Солнышко к покою закатается,
Собирается толпа, их за пять сот,
Молодцов-то и до тысячи идет.
Сам Чурило на могучем на коне

Впереди, его дружина — в стороне,
Перед ним несут подсолнечник-цветок,
Чтобы жар ему лица пожечь не мог.
Перво-наперво бежит тут скороход,
А за ним и все, кто едет, кто идет.
Князь зовет Чурилу в Киев, тот не прочь:
Светел день там, да светла в любви и ночь.

Вот во Киеве у Князя снова пир,
Как у ласкового пир на целый мир.
Ликование, свирельный слышен глас,
И Чурило препожалует сейчас.
Задержался он, неладно, да идет,
В первый раз вина пусть будет невзачет.
Стар Бермята, да жена его душа
Катеринушка уж больно хороша.
Позамешкался маленько, да идет,
Он ногой муравки-травки не помнет,
Пятки гладки, сапожки — зелен сафьян,
Руки белы, светлы очи, стройный стан.
Вся одежда — драгоценная на нем,
Красным золотом прошита с серебром.
В каждой пуговке по молодцу глядит,
В каждой петелке по девице сидит,
Застегнется, и милуются они,
Расстегнется, и целуются они.
Загляделись на Чурилу, все глядят,
Там где девушки — заборы там трещат,
Где молодушки — там звон, оконца бьют,
Там где старые — платки на шее рвут.
Как вошел на пир, тут Князева жена
Лебедь рушила, обрезалась она,
Со стыда ли руку свесила под стол,
Как Чурилушка тот Пленкович прошел.
А Чурило только смело поглядел,
А свирельный глас куда как сладко пел.

Пировали так, окончили, и прочь,
А пороша выпадала в эту ночь.
Все к заутрени идут, чуть белый свет,

Заприметили на снеге свежий след.
И дивуются: смотри да примечай,
Это зайка либо белый горностай.
Усмехаются иные, говорят:
«Горностай ли был? Тут зайка ль был? Навряд.
А Чурило тут наверно проходил,
Красоту он Катерину навестил».

Говорили мне, что будто молодец
На Бермяту натолкнулся наконец,
Что Бермятой был он будто бы убит, —
Кто поведал так, неправду говорит.
Уж Бермяте ль одному искать в крови
Чести, мести, как захочешь, так зови.
Не убьешь того, чего убить нельзя,
Горностаева уклончива стезя.
Тот, кто любит, — как ни любит, любит он,
И кровавою рукой не схватишь сон.
Сон пришел, и сон ушел, лови его.
Чур меня! Хотенье сердца не мертво.
Знаю я, Чурило Пленкович красив,
С ним целуются, целуются, он жив.
И сейчас он улыбаяся идет,
Пред лицом своим подсолнечник несет.
Расцвечается подсолнечник-цветок,
Чтобы жар лицо красивое не сжег.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Ай же ты, Микула Селянинович, Мужик,
Ты за сколько тысяч лет к земле своей привык?
Сколько долгих тысяч лет ты водил сохой?
Век придет, и век уйдет, вечен образ твой.
Лошадь у тебя была, некрасна на вид,
А взметнется да заржет, облако гремит.
Ходит, ходит, с бороздой борозда дружна.
Светел Киев, — что мне он? Пашня мне нужна.
Сколько долгих тысяч лет строят города,
Строят, нет их, — а идет в поле борозда.

И Микула новь святит, с пашней говорит,
Ель он вывернул, сосну, в борозду валит.
Ехал тут какой-то князь, витязь, что ли, он,
Подивился, посмотрел, — гул в земле и стон.
«Кто ты будешь?» говорит. «В толк я не возьму.
Как тебя, скажи, назвать?» говорит ему.
А Микулушка взглянул, лошадь подхлестнул,
Крикнул весело, — в лесу стон пошел и гул.
На нарядного того поглядел слегка,
На таких он чрез века смотрит свысока.
«Вот как ржи я напахал, к дому выволочу,
К дому выволочу, дома вымолочу.
Наварю гостям я пива, кликнут гости в торжество:
Век крестьянствовать Микуле, мир — его, земля — его!»

ИСПОЛИН ПАШНИ

Исполин безмерной пашни,
Как тебя я назову?
— Что ты, бледный? Что, вчерашний?
Ты во сне, иль наяву?
Исполин безмерной нивы,
Отчего надменный ты?
— Не надменный, не спесивый,
Только любящий цветы.
Исполин безмерной риги,
Цвет и волос люб и мне.
— Полно, тень прочтенной книги,
Отойди-ка к стороне.

ДВЕ РЕКИ

Я видел всю Волгу во время разлива,
От самых истоков
До Каспия гордого, чей хорош изумруд.
О, Волга повсюду красива,
В самом имени светлой царицы так много намеков,
И ее заливные луга, расцветая, победно цветут.

Это — гордость Славян, это — знаменье воли для вольных,
Для раздольных умов, теснотой недовольных.
Волга, Волга, воспетая тысячи раз,
Ты качала, в столетьях, мятежников, нас.
Ты, царица всех рек, полновластно красива,
Как красив, ставший звучною былью, разбой,
Как красива гроза в высоте голубой.
Но желанней мне кротко-шуршащая желтая нива
Над родною Владимирской тихой рекою Окой.
И да памятно будет,
Что над этой рекою рожден был любимец веков,
Кто в былинных сердцах — и еще — много песен пробудит,
Сильный, силы не раб, исполинский смиренник лесов.
Тот прекрасный меж витязей всех, богатырь справедливый,
Кто один не кичился могучею силой своей,
И на подвиги вскормленный скудною нивой,
Был за тех, чья судьба — ждать и ждать хлебоносных стеблей.
Как заманчив он был, когда с сильным и наглым схватился,
И, его не убив, наглеца лишь взметнул в вышину,
И упавшего сам подхватил, чтобы тот не убился,
Но вперед научился не силу лишь ведать одну.
Как заманчив он был и другой. Соловья победитель,
Разметавши надменных с их Киевской гриднею той,
Кроткий, мог он восстать, как разгневанный мечущий мститель,
Мог быть тихой рекой, и разливной рекою Окой.
И заманчив он был, как, прощаясь с родною рекою,
Корку черного хлеба пустил он по водам ее,
И вскочил на коня, в три прыжка был он с жизнью иною,
Но в нарядностях дней не забыл назначенье свое.

ХВАЛА ИЛЬЕ МУРОМЦУ

Спавший тридцать лет Илья,
Вставший в миг один,
Тайновидец бытия,
Русский исполин.
Гений долгих вещих снов,
Потерявших счет,

Наших Муромских лесов,
Топей и болот.
Гений пашни, что мертва
В долгой цепи дней,
Но по слову вдруг жива
От любви лучей.
Гений серой нищеты,
Что безгласно ждет,
До назначенной черты,
Рвущей твердый лед.
Гений таинства души,
Что мертва на взгляд,
Но в таинственной тиши
Схоронила клад.
Спавший тридцать лет Илья
Был без рук, без ног,
Шевельнувшись, как змея,
Вдруг быть сильным мог.
Нищий нищего будил,
Мужика мужик,
Чарой слабому дал сил,
Развязал язык.
Был раздвинут мощный круг
Пред лицом калек,
Великан проснулся вдруг,
Гордый человек.
Если б к небу от земли
Столб с кольцом воткнуть,
Эти руки бы могли
Мир перевернуть.
Будь от неба до земли
Столб с златым кольцом,
По-иному бы цвели
Здесь цветы кругом.

Спавший тридцать лет Илья,
Ты поныне жив,
Это молодость твоя
В шелестеньи нив.

Это Муромский твой ум,
В час когда в лесах
Будят бури долгий шум,
Говорят в громах.
Между всеми ты один
Не склонил лица,
Полновольный исполин.
Смелый до конца.
До конца ли? Без конца.
Ибо ты — всегда.
От прекрасного лица
Вот и здесь звезда.
Вознесенный глубиной,
И вознесший — лик,
Мой Владимирец родной,
Муромский мужик.

ОТШЕСТВИЕ МУРОМЦА

Муромец Русскую землю прошел,
Ветер идет так смарагдами бора,
Видел бесчисленность градов и сел,
Обнял их ласкою взора.
Жизнь он прошел из предела в предел,
Видел могучих, и видел бессильных,
Много безвестного он подглядел,
В мире, на торжищах пыльных.
Муромец силу свою развернул,
Попил довольно с хмельною он голью,
В думах притихших расслышал он гул,
Тесных бросал он к раздолью.
Всех он сермяжных в пути защитил,
Важных смириться он властно заставил,
Дикую схватку враждующих сил
Он к равновесью направил.
Дух свой предавши Полярной Звезде,
Той, что в сказаньях зовется Судьбою,
Был предрешенно он верным везде,
Брал недоступность без бою.

Муромец полюс и полюс узнал.
Будет. Пришел к Океану морскому.
Сокол-корабль колыхался там, ал. —
Смелый промолвил: «К другому».
Сел на червленый корабль, и ушел
Прочь от пройденной земли, не жалея.
Гнался за Соколом Сизый-Орел,
Сокол Орла был быстрее.
Где он? Доныне ль в неузнанном Там?
Синею бездной, как в люльке, качаем?
Снова ль придет неожиданно к нам?
Песня гадает. Не знаем.

ЦЕЛЕБНАЯ КРИНИЦА

Конь Ильи копытом звонким бьет, рождается криница,
Ключ лесной освободился из подземного жерла.
Сам Илья в тот миг стремился, улетал в простор как птица,
А целебная криница до сих пор в лесах светла.
Он летел, не размышляя о зиждительности бега,
Без мышленья сердцем зная, как Свобода хороша.
И доныне сребреводна освежительная нега,
И поет хрустальность в чащах: Приходи испить, душа.

КАПЛЯ КРОВИ

Красавица склонилась,
Шумит веретено.
Вещанье совершилось,
Уж Ночь глядит в окно.
Светлянка укололась,
И приговор свершен.
Красив застывший волос,
Красив глубокий сон.
От одного укола,
Как будто навсегда,
Кругом заснули села,
Притихли города.

Притихли и застыли,
И все слилось в одно.
Везде, в безгласной были,
Глядится Ночь в окно.
Всем миром овладела
Ночная тишина.
И как немое тело,
Глядит на мир Луна.
Красавица склонилась,
Молчит веретено.
Решенье совершилось,
Так было суждено.
Но капля в ранке малой,
Сверкнув огнем во мглу,
Как цвет упала алый,
И светит на полу.

И нежный свет не тает,
Алеет все сильней.
Шиповник расцветает,
Весь в призраках огней.
Как куст он встал вкруг злого
Того веретена.
В молчаньи сна ночного
Разросся до овна.
Сияя алым цветом,
Растет он как пожар.
И в мире, мглой одетом,
Слабеют ковы чар.
Сперва цветы проснулись,
Пошел в деревьях гул.
И дети улыбнулись,
Святой старик вздохнул.
И лебеди запели
На зеркале озер.
Всемирной колыбели
Вдруг ожил весь простор.
И вот, на счастье наше,
Глядится День в окно.
Еще Светлянка краше,
Шумит веретено.

ПЕРЕД ЦВЕТНЫМ ОКОНЦЕМ

На море Океане есть остров Красота,
Сидят в резной избушке три дочери Христа.

Перед цветным оконцем шьют молча три сестры.
Гора там есть, в остры уступы у горы.

И если кто восхочет к заманчивой черте,
Он больно режет ноги в той вольной высоте.

Не смотрят — видят сестры, и старшая сестра
Берет иглу булатну, и говорит: «Пора».

Берет иглу булатну, нить шолкову притом,
И вышивает гору на Море голубом.

Потом сестре середней передает тот плат,
Встает на нем дорога: пойдешь — нельзя назад.

И плат берет узорный тут младшая сестра,
И алым расцветает узором вся гора.

В те самые минутки как расцветает плат,
У путника на высях светло глаза горят.

От ран ему не больно, не льется больше кровь,
А брызнет, так немедля в цветках зажжется вновь.

И год идет за годом, и ропщет Океан,
Но остров тот не гибнет, с богатством горних стран.

И с самого рассвета до поздней до поры,
Перед цветным оконцем шьют молча три сестры.

ОГНЕННОЙ РЕКОЮ

Из Арабских дальних стран
К нам придя в своем скитаньи,

Руссов древних Ибн-Фоцлан
Вопрошал о сожиганьи.

Почему, когда простор
Здешней жизни Руссом смерян,
Труп кладут они в костер,
В огнь, что силой достоверен?

Потому, гласил ответ,
Что, вступивши в яркий пламень,
Возрожден, как цвет и свет,
Мрак железа, мертвый камень.

Потому, ответ гласил,
Что земному подобает
Побывать в жару горнил,
Там, где все перекипает.

Да, земные телеса
Аки Солнце просветятся,
Перед тем как в Небеса
В царство Солнца возвратятся.

Искушенные огнем,
Разлученные с тоскою,
Поплывут в свой Отчий Дом,
Ярко-огненной рекою.

САЛАМАНДРА

Меж брегов есть брег Скамандра,
Что живет в умах века.
Меж зверей есть саламандра,
Что к бессмертию близка.
Дивной силой мусикийской
Вброшен в жизнь который год.
Этот зверь в стране Индийской
Ярким пламенем живет.

Разожги костер златистый,
Саламандру брось в него, —
Меркнет вдруг восторг огнистый,
Зверь живет, в костре — мертво.
Так и ты, коль Дьявол черный
В блеск любви введет свой лик,
Вспыхнешь весь во лжи узорной,
А любовь — погаснет вмиг.

ТРАВА-КОСТЕР

Есть трава — растет
        Возле тихих рек.
И не каждый год
Та трава цветет,
А когда придет
        Человек.

Рост ее — стрела,
        И красив узор.
Та трава была
Много раз светла,
Снова расцвела,
        Как костер.

И горит огонь
        Возле тихих рек.
Мчится красный конь,
Ржет, поет: Не тронь,
Ее хватай огонь,
        Человек.

С ржаньем конь скакал,
        Убежал в простор.
Ярко промелькал.
Был расцветно-ал,
Возле рек сверкал
        Цвет-костер.

И светла была
        Влага тихих рек.
В мире весть прошла,
Что трава цвела: —
Был здесь, в мире зла,
        Человек.

БЛЕДНЫЕ ЛЮДИ

Я людей повстречал на степи неоглядной,
В беспредельном скитаньи своем,
У костра, в час Луны предрассветно-прохладной,
Нисходившей небесным путем.

Трепетанья костра горячо расцвечали
Бледнолицых печальных людей,
И рыдания флейт, в их напевной печали,
Разносились по шири степей.

Я спросил их, о чем эти звонкие стоны,
И ответил один мне из них:
«В наших песнях поют и скорбят миллионы,
Миллионы существ нам родных».

Как лунатик влеком междузвездным пространством,
Я ушел, год промчался, как сон,
Я ходил, и повторных шагов постоянством
Снова был к их костру приведен.

В час ночной, бледнолицые люди смотрели
На рубин, возникавший с огнем,
И, как прежде, рыдали и пели свирели,
Ночь тревожа под Млечным Путем.

Начинала свирель, повторяла другая,
Третья, сотая, тысячный бред,
Точно пела и плакала бездна морская.
Я спросил — и услышал ответ.

«Вы всегда ли в степи? И всегда ли вы в горе?»
И как будто бы хрустнула цепь: –
«– Мы Славяне, мы вечно тоскуем о Море,
Потому так и любим мы степь».

Как безумный, опять я ушел на расстанья,
Как лунатик, закрывши глаза.
Вновь пришел. Вновь костер. Вновь певучесть рыданья.
Вечер. Молния. Алость. Гроза.

Степь и небо в огне. Мир в раскатах и в гуле.
«Смерть иль жизнь?» я шепнул, как во сне.
На меня бледнолицые только взглянули, –
Лишь свирели ответили мне!

ВАНДА

Ванда, Ванда, Дева Польши, уж сведен с минувшим счет,
Светлый призрак в глубь принявши, Висла медленно течет.

Твой отец, о, Панна Влаги, был властитель Польши, Крак,
Он убил смолою Змия. Подвиг тот случился так.

Змей Вавель, в горе пещерной, извиваясь был в гнезде,
Истреблял людей и нивы, изводил стада везде.

Мудрый Крак, чтоб искушен был Змий Вавель, хититель злой,
Начинил бычачьи шкуры липко-черною смолой.

Близ пещеры, где чернела та змеиная нора,
Встали чудища бычачьи, началась в горах игра.

Змий Вавель бычачьи шкуры пастью жадною пожрал,
И внутри воспламенился, и, безумствуя, сгорал.

И сгорел, пробив ущелье. Спас свою отчизну Крак.
Город Краков именитый есть лишь дней минувших знак.

Дочь такого-то героя Ванда стройная была.
Как была она надменна, как была она светла!

Много витязей хотело Деву Польскую пленить,
Мысль ничья ей не сумела золотую выткать нить.

Ванда, в день когда раскрылся красоты ее цветок,
На себя взглянула утром в протекающий поток.

И сказала: «Разве может рядом с золотом быть медь?
Нет достойного мужчины — Польской Панною владеть».

И молва о светлоглазой прогремела там вдали,
В край ее, из стран далеких, Алеманы подошли.

Алеманский повелитель, пышнокудрый Ритогар,
Красотою Ванды взятый, пленник был всевластных чар.

И отправились к ней дважды, трижды к ней послы пришли,
Но привета Ритогару в сердце Девы не нашли.

Бранный клич тогда раздался, — нет добра, будь гений зла,
Вся дружина Алеманов копья длинные взяла.

Но, хоть длинны, не достали, но, хоть остры, нет копья,
Ты была сполна красива, — Ванда, власть сполна твоя.

Вся дружина Алеманов, Ванду видя пред собой,
Пораженная как Солнцем, отступила, кончен бой.

Кликнул вождь: «Да будет Ванда на земле и в сне морском!
Ванда в воздухе!» воскликнув, поразил себя мечом.

И свершилось чарованье, отошла звезда к звезде,
Ванда всюду, звездность всюду, на земле и на воде.

Устремившись в воды Вислы, Ванда там — в текучем сне,
Светлый взор ее колдует Польским судьбам в глубине.

Песня в воздухе над Вислой да не молкнет никогда,
Как победный образ Ванды жив, пока течет вода.

ЕЛЕНА-КРАСА

В некотором царстве, за тридевять земель,
В тридесятом государстве — Ой звучи, моя свирель! —
В очень-очень старом царстве жил могучий сильный Царь,
Было это в оно время, было это вовсе встарь.
У Царя, в том старом царстве, был Стрелец-молодец,
У Стрельца у молодого был проворный конь,
Как пойдет, так мир пройдет он из конца в конец,
Погонись за ним, уйдет он от любых погонь.
Раз Стрелец поехал в лес, чтобы потешить ретивое,
Едет, видит он перо из Жар-Птицы золотое,
На дороге ярко рдеет, золотой горит огонь,
Хочет взять перо — вещает богатырский конь:
«Не бери перо златое, а возьмешь — узнаешь горе».
Призадумался Стрелец,
Размышляет молодец,
Взять — не взять, уж больно ярко, будет яхонтом в уборе,
Будет камнем самоцветным. Не послушался коня.
Взял перо. Царю приносит светоносный знак Огня.
«Ну, спасибо», Царь промолвил, «ты достал перо Жар-Птицы,
Так достань мне и невесту по указу Птицы той,
От Жар-Птицы ты разведай имя царственной девицы,
Чтоб была вступить достойна в царский терем золотой!
Не достанешь — вот мой меч,
Голова скатится с плеч».
Закручинился Стрелец, пошел к коню, темно во взоре.
«Что, хозяин?» — «Так и так», мол. — «Видишь, правду
я сказал:
Не бери перо златое, а возьмешь — узнаешь горе.
Ну, да что ж, поедем к краю, где всегда свод Неба ал.
Там увидим мы Жар-Птицу, путь туда тебе скажу.
Так и быть уж, эту службу молодому сослужу».

Вот они приехали к садам неземным,
Небо там сливается с Морем голубым,
Небо там алеет невянущим огнем,
Полночь ослепительна, в полночь там как днем.
В должную минутку, где вечный цвет цветет,

Конь заржал у Древа, копытом звонким бьет,
С яблоками Древо алостью горит,
Море зашумело, Кто-то к ним летит.
Кто-то опустился, жар еще сильней,
Вся игра зарделась всех живых камней.
У Стрельца закрылись очи от Огня,
И раздался голос, музыкой звеня.
Где пропела песня? В сердце иль в саду?
Ой свирель, не знаю! Дальше речь веду.

Та песня пропела: «Есть путь для мечты.
Скитанья мечты хороши.
Кто хочет невесты для светлой души,
Тот в мире ищи Красоты».
Жар-Птица пропела: «Есть путь для мечты.
Где Солнце восходит, — горит полоса,
Там Елена-Краса золотая коса.
Та Царевна живет там, где Солнце встает,
Там где вечной Весне сине Море поет».

Тут окончился звук, прошумела гроза,
И Стрелец мог раскрыть с облегченьем глаза: —
Никого перед ним, ни над ним,
Лишь бескрайность Воды, бирюза, бирюза,
И рубиновый пламень над сном голубым.

В путь, Стрелец. Кто Жар-Птицу услышал хоть раз,
Тот уж темным не будет в пути ни на час,
И найдет, как находятся клады в лесу,
Ту царевну Елену-Красу.
Вот поехал Стрелец, гладит гриву коня,
Приезжает он к вечно-зеленым лугам,
Он глядит на рождение вечного дня,
И раскинул шатер-златомаковку там.
Он расставил там яства и вина, и ждет.
Вот по синему Морю Царевна плывет,
На серебряной лодке, в пути голубом,
Золотым она правит веслом.
Увидала она златоверхий шатер,
Златомаковкой нежный пленяется взор,

Подплыла, и как Солнце стоит пред Стрельцом,
Обольщается тот несказанным лицом.
Стали есть, стали пить, стали пить, и она
От заморского вдруг опьянела вина,
Усмехнулась, заснула — и тотчас Стрелец
На коня, едет с ней молодец.
Вот приехал к Царю. Конь летел как стрела,
А Елена-Краса все спала да спала.
И во весь-то их путь, золотою косой
Озарялась Земля, как грозой.
Пробудилась Краса, далеко от лугов,
Где всегда изумруд расцветать был готов,
Изменилась в лице, ну рыдать, тосковать,
Уговаривал Царь, невозможно унять.

Царь задумал венчаться с Еленой-Красой,
С той Еленой-Красой золотою косой.
Но не хочет она, говорит среди слез,
Чтобы тот, кто ее так далеко завез,
К синю Морю поехал, где Камень большой,
Подвенечный наряд там ее золотой.
Подвенечный убор пусть достанет сперва,
После, может быть, будут другие слова.
Царь сейчас за Стрельцом, говорит: «Поезжай,
Подвенечный наряд Красоты мне давай,
Отыщи этот край — а иначе, вот меч,
Коротка моя речь, голова твоя с плеч»
Уж не вовсе ль Стрельцу огорчаться пора?
Вспомнил он: «Не бери золотого пера».
Снова выручил конь: перед бездной морской
Наступил на великого рака ногой,
Тот сказал: «Не губи». Конь сказал: «Пощажу.
Ты зато послужи». — «Честью я послужу».
Диво-Рак закричал на простор весь морской,
И такие же дива сползлися гурьбой,
В глубине голубой из-под Камня они
Чудо-платье исторгли, блеснули огни.
И Стрелец-молодец подвенечный убор
Пред Красой положил, но великий упор
Тут явила она, и велит наконец,

Чтоб в горячей воде искупался Стрелец.
Закипает котел. Вот беда так беда.
Брызги бьют. Говорит, закипая, вода.
Коль добра ты искал, вот настало добро.
Ты бери — не бери золотое перо.
Испугался Стрелец, прибегает к коню,
Добрый конь-чародей заклинает огню
Не губить молодца, молодого Стрельца,
Лишь его обновить красотою лица.
Вот в горячей воде искупался Стрелец,
Вышел он невредим, вдвое стал молодец,
Что ни в сказке сказать, ни пером написать.
Тут и Царь, чтобы старость свою развязать,
Прямо в жаркий котел. Ты желай своего,
Не чужого. Погиб. Вся тут речь про него.
А Елена-Краса золотая коса —
Уж такая нашла на нее полоса —
Захотела Стрельца, обвенчалась с Стрельцом,
Мы о ней и о нем на свирели поем.

СЕВЕРНЫЕ

Мы поем о Скандинавах. Точно, смелы Скандинавы.
Много грабили, все к Югу шли они от белых льдов.
И на Западе далеком свет нашли широкой славы,
Предвосхитили Колумба за четыреста годов.

Меж таких пределов разных, как глухое Заонежье
И Атлантика с Винландом, светлый Киев и Царьград,
Чайки Норги пролетели лабиринты побережья,
И о викингах доныне волны моря говорят.

Даже в эту современность, Скальд седой и величавый
Опрокинул все оплоты мелкомыслящих людей,
Показал, припомнив древность, что не меркнут Скандинавы,
Башня Сольнеса надменна, Майя — в зареве страстей.

Гордым воронам — хваленье. Скандинавам память наша
Вознесет охотно песню, светел Один, мощен Тор.

Но да вспенится разгульно и еще другая чаша,
В честь Славян, и в честь Перуна, знавших, знающих
простор.

Разметать чужие риги, растоптать чужие гумны
Люди Севера умели, как и мы, пьянясь бедой.
Но пред нами ль будут падать — Тайновидец наш безумный.
И кудесник Русской речи, Песнопевец наш златой!

Прикоснувшись к Преступленью, мы раздвинули границы,
Перебросив дерзновенье до истоков Божества.
Мы в степях бежим как кони, мы в степях летим как птицы,
Посягнувши, посягаем, знаем вещие слова.

И любиться, целоваться кто умеет, как Ярило?
В благородстве и в размахе превзошел ли кто Илью?
Честь и слава Скандинавам! Да шумит в морях ветрило!
Честь Славянам! Пью за Север, пью за Родину мою!

ЖИВАЯ ВОДА

Богатыри родные,
В вас светят небеса,
В вас водные, степные,
Лесные голоса.

Вы детство укачали,
Как зимняя метель
Качает в снежной дали
Загрезившую ель.

Вы в отрочестве жили
Как отсвет вечных сил,
Как стебель давней были,
Который тьму пробил.

Вы юность обвенчали
С нарядною мечтой,
С глубинностью печали,
С улыбкой золотой.

Когда мечта хотела
Быть в яркой зыби дней,
Вы поглядели смело,
Жар-Птицу дали ей.

Когда в затон мечтанья
Вошла, как тень, печаль,
Вы сделали страданье
Прозрачным, как хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезл подъявши свой,
Вы молодость вернули,
И смех, с водой живой.

И где сошлись дороги,
Ваш образ — как звезда.
Богатыри, вы боги,
Вам жить и жить всегда.

ТЕНИ БОГОВ СВЕТЛОГЛАЗЫХ

Знак: изумруд

Если ехидна глядит на изумруд, слепнут у ней глаза

Разэс, врач Арабский

ЧЕТВЕРОКРАТНОСТЬ

Зорко глядит Световит,
Из Арконы взирает он вдаль,
В драгоценных камнях. Чаровническим светом горит
Изумруд, хризолит, и карбункул, и горный хрусталь.
На четыре конца мировых
Зеленей, жизнь людей,
Хризолитной мечтой во влюблениях искрись людских,
И рубиновым, алым, червленым огнем, разгорайся, любись,
Золотись,
А печалиться станешь, так пусть и печаль,
В глуби вольной твоей,
В глубине, загадавших о многом, Славянских очей,
Будет светлой, как горный хрусталь.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО

Корнями гнездится глубоко,
Вершиной восходит высоко,
Зеленые ветви уводит в лазурно-широкую даль.
Корнями гнездится глубоко в земле,
Вершиной восходит к высокой скале,
Зеленые ветви уводит широко в безмерную синюю даль.
Корнями гнездится глубоко в земле, и в бессмертном
подземном огне,

Вершиной восходит высоко-высоко, теряясь светло
в вышине,
Изумрудные ветви в расцвете уводит в бирюзовую вольную
даль.
И знает веселье,
И знает печаль.
И от Моря до Моря раскинув свои ожерелья,
Колыбельно поет над умом, и уводит мечтание в даль.

Девически вспыхнет красивой калиной,
На кладбище горькой зажжется рябиной,
Взнесется упорно как дуб вековой.
Качаясь и радуясь свисту метели,
Растянется лапчатой зеленью ели,
Сосной перемолвится с желтой совой.
Осиною тонкой как дух затрепещет,
Березой засветит, березой заблещет,
Серебряной ивой заплачет листвой.
Как тополь, как факел пахучий, восстанет,
Как липа июльская ум затуманит,
Шепнет звездоцветно в ночах как сирень.
И яблонью цвет свой рассыплет по саду,
И вишеньем ластится к детскому взгляду,
Черемухой нежит душистую тень.
Раскинет резьбу изумрудного клена,
И долгою песней зеленого звона
Чарует дремотную лень.

В вешней роще, вдоль дорожки,
Ходит легкий ветерок.
На березе есть сережки,
На беляне сладкий сок.

На березе белоствольной
Бьются липкие листки.
Над рекой весенней, вольной
Зыбко пляшут огоньки.

Над рекою, в час разлива,
Дух узывчивый бежит.

Ива, ива так красива,
Тонким кружевом дрожит.

Слышен голос ивы гибкой,
Как, русалочий напев,
Как протяжность сказки зыбкой,
Как улыбка водных дев: —

Срежь одну из веток стройных,
Освяти мечтой Апрель,
И, как Лель, для беспокойных,
Заиграй, запой в свирель.

Не забудь, что возле Древа
Есть кусты и есть цветки,
В зыбь свирельного напева
Все запутай огоньки,

Все запутай, перепутай,
Наш Славянский цвет воспой,
Будь певучею минутой,
Будь веснянкой голубой.

И все растет зеленый звон,
И сон в душе поет: —
У нас в полях есть нежный лен,
И люб-трава цветет.
У нас есть папорот-цветок,
И перелет-трава.
Небесно-радостный намек,
У нас есть синий василек,
Вся нива им жива.
Есть подорожник, есть дрема,
Есть ландыш, первоцвет.
И нет цветов, где злость и тьма,
И мандрагоры нет.
Нет тяжких кактусов, агав,
Цветов, глядящих как удав,
Кошмаров естества.
Но есть ромашек нежный свет,

И сладких кашек есть расцвет,
И есть плавун-трава.

А наш пленительник долин,
Светящий нежный наш жасмин,
Не это ль красота?
А сну подобные цветы,
Что безымянны как мечты,
И странны как мечта?

А наших лилий водяных,
Какой восторг заменит их?
Не нужно ничего.
И самых пышных орхидей
Я не возьму за сеть стеблей
Близ древа моего.

Не все еще вымолвил голос свирели,
Но лишь не забудем, что круглый нам год,
От ивы к березе, от вишенья к ели,
Зеленое Древо цветет.

И туча протянется, с молнией, с громом,
Как дьявольский омут, как ведьмовский сглаз,
Но Древо есть терем, и этим хоромам
Нет гибели, вечен их час.

Свежительны бури, рожденье в них чуда,
Колодец, криница, ковер-самолет.
И вечно нам, вечно, как сон изумруда,
Славянское Древо цветет.

СВАРОГ

Небо, носящее имя Сварога,
Небо, верховная степь голубая,
Небо, родившее Солнце, Дажьбога,
Как хорошо ты в ночах, засыпая.

Искрятся звезды, судеб ваших свечи,
Камни горят, что всегда самоцветны,
С душами ждут светозарности встречи,
С душами могут ли быть безответны.

Небо, носящее имя Сварога,
Бездна верховная, глубь голубая,
Каждую ночь мы стоим у порога,
В час как уходит Дажьбог, засыпая.

День в голубые отходит пустыни,
День наш со свитой несчетных явлений,
Свечи судеб засветились и ныне,
Будем в безгласности ждать откровений.

Небо, носящее имя Сварога,
Звезды раскинулись к краю от краю,
Сердце, как радостно чувствовать Бога,
Сердце, ты мысль не обманешь, я знаю.

РУЕВИТ

У Руевита семь мечей
Висит, в запас, в ножнах.
У Руевита семь мечей,
Восьмой в его руках.

У Руевита семь есть лиц,
Что зримы над землей.
А для богов, певцов, и птиц
Еще есть лик восьмой.

У Руевита семь есть дней,
Чтоб праздновать расцвет.
А день восьмой есть день огней,
Есть день резни и бед.

У Руевита семь ночей
Для игрищ и любви.
У Руевита семь мечей,
Чтоб их омыть в крови.

ЯРИЛО

В венке из весенних цветов,
Цветов полевых,
Овеян вещаньями прошлых веков,
В одеждах волнистых, красиво-живых,
На белом коне,
Тропою своей,
Я еду, Ярило, среди Белорусских полей,
И звездные росы сияют на мне,
Погаснут, и снова зажгутся светлей,
Под рокот громов,
В венке из весенних цветов,
Цветов полевых.

По селам, за мной, хороводами, девы,
«Ярило», поют, «озари нам напевы»,
Яриле слагают свой стих,
Играют мне песни, на игрищах пляшут,
Сердца расцветают в миг пляски мирской,
Там где-то работают, где-то там пашут,
А игрища — в уровень с белой сохой.
Горсть желтых колосьев, колосья ржаные,
Я левой рукою держу,
И маки горят, васильки голубые
Роняю я в рожь, расцвечаю межу.

По селам, в их избах, и тесных, и узких,
В полях беспредельных, по имени — Русских,
Являюсь я взору, и грезе во сне,
Я между живых — как дающий забвенье,
Для них — я виденье
На белом коне,

Миг страсти, бог счастья, бог отдыхов пленных,
И вновь пробуждений и игрищ живых,
В венке из весенних цветов, не надменных,
Но вечно-желанных цветов полевых.

БОГИНЯ ГРОМОВНИЦА

Девица волшебная, богиня Громовница,
Моя полюбовница
Лежала в гробу.
И ветры весенние плакали жалостно,
И с воплями, яростно,
Играли на флейтах, и дули в трубу.

Покойница юная — о, с косами русыми,
И с рдяными бусами
На шее своей —
Белела застылая, словно дремотная
Купава болотная,
Что еле раскрылась среди камышей.

Девица волшебная, богиня Громовница,
Душа-полюбовница,
Ты крепко ли спишь?
Ужели ты вновь не исполнишься силою
Пред богом Ярилою,
Не вспрянешь со смехом, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молньями рдяными
Взмахнул над туманами,
О, слава мечу!
Какая ты светлая с этими маками,
Ты мчишься над мраками,
Ворчат твои громы, рычат они. Чу!

РАДУГА

Радуга — лук,
Из которого Индра пускает свои громоносные стрелы.
Кто в мире единый разведает звук,
Тот услышит и все семизвучье, раздвинет душой звуковые
пределы,
Он войдет в восьмизвучье, и вступит в цветистость,
где есть фиолетовый полюс и белый,
Он услышит всезвучность напевов, рыданий, восторгов,
молений, и мук.
Радуга — огненный лук,
Это — оружье Перуна,
Бога, который весь мир оживляет стрелой,
Гулко поющей над майской, проснувшейся, жадной Землей,
Лук огневого Перуна,
Бога, в котором желание жизни, желание юности вечно
и юно.
Радуга — мост, что в выси изогнулся дугой,
Мост, что в разбеге, над бурею влажной и жаркой,
Свежей при молниях, выгнулся праздничной аркой,
Словно павлин,
Исполин,
В радости яркой,
Вдруг распустил в Небесах расцвеченный свой хвост,
Словно Жар-Птица над миром раскрыла кометный свой
хвост,
В радости яркой
От свежей игры самоцветных дождей.
Радуга — мост,
Радуга — Змей,
Пояс цветной из играющих звезд,
Царский убор из небесных лучей,
Божий престол,
Божий алтарь для возженья неузнанных дней,
Праздник весеннего Агни над мирностью пашен и сел,
Радуга — звук,
Претворившийся в свет,
Радуга — Ветхий Завет,

В Новом несозданном Храме живущий как знак избавленья
от временных мук.
Слово, в котором несчетность значений, число, для которого
имени нет,
Радуга — звук,
Воплотившийся в пламенный цвет.

СТРИБОГОВЫ ВНУКИ

Ветры, Стрибоговы внуки,
Проносясь по безмерным степям,
Разметали захватисто, цепкие, меж трав шелестящия,
Кому-то грозящия,
Бледные руки,
Стонут, хохочут, свистят, шелестят, шепчут соблазны
Громам.

«Где же вы, громы?
Судьбы нам разны.
Где вы там громы? Вам незнакомы
Вольные шири степей.
Слава идет, что вы будто гремите, —
Где уж вам! Спите!
Это лишь ветры, лишь мы шелестим, убегая по воле
скорей и скорей.
Степь пробежим мы, всю степь мы измерим,
С хохотом, топотом, вторгнемся в лес,
Сосны разметаны, травы все спутаны. Что ж, не хотите
спуститься с Небес?
Где уж вам! Что уж вам! Мы только носимся,
В Небо влетим, никого там не спросимся,
Рухнем на Море, поднимем волну,
Свистнем, — в другую страну.
В ночь колдовскую загадкой глядим,
Снег поднимаем, и носимся с ним.
Пляшем под крышей с соломой сухой,
В душу бросаем и хохот и вой.
Нежною флейтою душу пьяним,

Бешеной кошкою вдруг завизжим.
Ведьмы смеются, услышавши нас,
Знают, что вот он, отгадчивый час.
Вмиг мы приносимся, вмиг мы уносимся,
Входим где нужно, не молим, не просимся.
Снова по прихоти мчимся своей,
Эй вы, просторы степей,
Ветры мы, ветры, Стрибоговы внуки,
Дайте нам петь и плясать веселей,
Мы ведь не серою тучей влекомы,
Нет,
Мы ведь не громы,
Наши все земли и наш небосвод,
Мраки и свет,
Прямо летим мы — и вдруг поворот,
Мы ведь не громы.
Небо? Да мы не считаемся с ним,
Если чего мы хотим, так хотим!»

Вдруг в Небесах разорвались хоромы,
Башнями, храмами взнесшихся, туч,
Это за громы обижен, гремуч,
В беге блистателен,
В гневе певуч,
В красках цветист, в торжестве обаятелен,
Молнией дымный чертог свой порвав
С тьмой, с тучевыми его водоемами,
Молнии бросив на землю изломами,
Ярый Перун, не сдержавши свой нрав,
Выпустил гневности: «Вот вам дорога,
Громы, задели вас внуки Стрибога,
Вот же им факелы трав!
Малые, юные, дерзкие, злые,
Ветры степные,
Есть и небесным услада забав!
Мы не впервые
Рушим созданья небесных зыбей.
Люб ли пожар вам, горенье степей?
Любы ли вам громогудные звуки?

Громы гремят!»
Но Стрибоговы внуки.
Выманив тайну, вметнув ее в быль,
Рдяный качая горящий ковыль,
С свистом, с шипеньем, змеиным, хохочущим,
Струйно-рокочущим,
Дальше уносятся, дальше уносятся, следом клубится лишь пыль.

СТИХ О ВЕЛИЧЕСТВЕ СОЛНЦА

Величество Солнца великие поприща в Небесах пробегает легко,
Но малым нам кажется, ибо в далекости от Земли отстоит высоко.

Одежда у Солнца с короною — царские, много тысяч есть Ангелов с ним,
По вся дни хождаху с ним, егда же зайдет оно, есть и отдых одеждам златым.

Те Ангелы Божии с него совлекают их, на Господень кладут их престол,
И на ночь три Ангела у Солнца останутся, чтоб в чертог его — враг не вошел.

И только что к Западу сойдет оно, красное, это час есть для огненных птиц,
Нарицаемых финиксы и ксалавы горючие, упадают, летучие, ниц.

Пред Солнцем летят они, и блестящия крылия в океянстей макают воде,
И кропят ими Солнце, да жаром пылающим не спалит поднебесность нигде.

И егда от огня обгорает их перие, в океан упадают они,
В океане купаются, и в воде обновляются, снова светлы на новые дни.

И едва в полуночь от престола Господняго двигнет Ангел
покров и венец,
Петел тут пробуждается, глас его возглашается, из конца
поднебесной в конец.

И до света свершается эта песнь предрассветная, от жилищ
до безлюдных пустынь.
Бог-Творец величается, радость в мир возвещается, радость
темным и светлым. Аминь.

СВАДЬБА МЕСЯЦА

Как женился Светлый Месяц на Вечерней на Звезде,
Светел праздник был на Небе, светел праздник на Воде.

Страны облачны простерли серебристое руно,
Океан восколебался, перстень с Неба пал на дно.

До Земли лучи тянулись, и качалася трава,
В горних высях собирались все святые божества.

Молния дары делила: тучи взял себе Перун,
Лель-Любовь с Красою-Ладой взяли звоны светлых струн.

Бог Стрибог себе взял ветры, ими приказывал играть,
И под рокот Океана разыгралась эта рать.

Световит, хоть и дневной он, посаженым был отцом,
Новобрачных он украсил золотым своим кольцом.

Синеокая Услада получила тихий час,
Светлый час самозабвенья, с негой влажных синих глаз.

Океанская бескрайность ткала зыбь в морских звездах,
Чудо Моря, Диво-Рыба колыхалась на волнах.

И Русалки разметались в белых плясках по воде,
И в лесах шептались травы, лунный праздник был везде.

В тот всемирный звездный праздник возвещала высота,
Что с Вечернею Звездою будет век дружить мечта.

Тот всемирный лунно-звездный, светлый праздник возвещал,
Что навеки в новолунье будет в Море пьяным вал.

ПЕРУН

У Перуна рост могучий,
Лик приятный, ус златой,
Он владеет влажной тучей,
Словно девой молодой.

У Перуна мысли быстры,
Что захочет — так сейчас,
Сыплет искры, мечет искры
Из зрачков сверкнувших глаз.

У Перуна знойны страсти,
Но, достигнув своего,
Что любил он — рвет на части,
Тучу сжег — и нет его.

ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕРУНА

При начале весны пробужденный Перун
Вылетает на пламени синем,
И под громы своих вулканических струн
Он несется по вышним пустыням.

Он безумно летит в урагане огней,
И хохочет, ликуя без меры,
Вылетая из склепа оконченных дней
Семимесячной зимней пещеры.

Перед ним Океан, и, его бороздя,
И громами овеяв стремленье,

Ослепительный бог, в ожерельях дождя,
Самоцветные сеет каменья.

Разрываются стены сомкнувшихся гор,
Что зовутся меж смертными тучи,
И уносится он, возлюбивший простор,
Огневзорный, веселый, певучий.

Вот уж он обогнул весь размах высоты,
И пропал, утонул, как мечтанье, —
Только там, где он был, засветились цветы,
Да разбитое молнией зданье.

ГУСЛИ-САМОГУДЫ

Там, где гор сложились груды,
В крепость-дом Громовника,
Диво-гусли-самогуды
В замке спрятаны века.

Много сильных восходило
До скалистой высоты,
Но всегда слабела сила
Ровно-ровно у черты.

Много избранных хотело
Самогуды-гусли взять,
Ровно-ровно у предела
Стыла их живая рать.

Превращаясь в изваянья,
Их застывшия тела
Увеличивали зданье,
Дом, где музыка была.

Так узорно каменели
Ровно-ровно у черты.

И растут из камня ели,
В царстве гордой высоты.

Резким возгласом промчится
В свисте бури крик орла,
Стонут гусли, песня длится,
Сказка музыки светла.

Много тел сложилось в груды,
Грозен дом Громовника,
Входят души в самогуды,
Песня воздуха звонка.

ТРИГЛАВ

Триглав, царящий троекратно,
Над Небом, Бездной, и Землей,
Зачем глядишь ты так возвратно
Тройной козлиной головой?

Ужели в Небе те же мысли,
Что в Бездне бездн, и на Земле?
Везде ль желания повисли,
Как гроздья звезд в полночной мгле?

И светлоглазый взгляд хотенья
Ужели всюду повторен?
И то же ль в тлении горенье,
Что трижды в вечностях закон?

Везде ли те же есть узоры,
И те ж для всплесков берега?
И те же пламенные взоры,
И те же острые рога?

И тот же, трижды взятый с бою,
Чтоб снова жалить нас, удав?
Над троекратною судьбою
Неукоснительный Триглав!

БЕЛБОГ И ЧЕРНОБОГ

1

Белбог и Чернобог
Беседу-спор вели.
И гром возник, и вздох,
Вблизи, и там вдали.

В пучине звуковой,
И в царстве тишины,
В пустыне мировой,
Звучали две струны.

Меняясь без конца,
Вблизи, как и вдали,
Снотворца и Творца
Два действа дружно шли.

Снотворец возвещал,
Что сон — богатство душ,
Но день рождался ал,
Творец вился, как уж.

Творец вился, как змей,
Рождался изумруд,
От солнечных лучей
Везде цветы цветут.

Все видно, все светло,
Рукой все можно взять.
Меняется стекло,
Дрожит морская гладь.

Рубины на полях
Горят как свежий мак,
Но в страстных лепестках
Есть кровь и боль и мрак.

Но в огненных цветках
Таится тяжкий сон.

И в странных облаках
Вечерний небосклон.

Темнеет глубь морей,
Темней вверху сапфир,
В лесах, среди ветвей,
Иной мерцает мир.

Как хаос — мир лесной,
Уж поздно для лучей,
Уж Ворон тьмы ночной
Прокаркал час ночей.

И желтая Луна
Без блеска в небесах,
И бродят тени сна,
И бродит Сон и Страх.

И тонкая струна
Дрожит, нежней, чем вздох.
Но чья, по чья она,
Белбог и Чернобог?

2

Белбог с Чернобогом был в споре,
Кто в чарах красивых сильней.
Раскинулось темное Море,
Помчались потоки лучей.

И Солнце, во имя Белбога,
Пронзило огнем глубину,
И в высях ночного чертога
Зажгло золотую Луну.

Но хитростью Бога Ночного
Несчетности ярких лучей
Зажглись — как безмолвное слово
Во влажностях темных очей.

И ежели Небо красиво,
Ночной оно чарой зажглось,
Как блеск синевого отлива,
На пышности черных волос.

Так спорили долго и много
Два Бога, и мир был смущен,
И День полюбил Чернобога,
И Сумрак в Белбога влюблен.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТ

Царь Огненный Щит, на коне восьминогом,
Над миром поставленный богом Белбогом,
С Востока на Запад проходит свой путь.
И конь его — белый, и конь его — смелый,
Едва только, в знойностях, мир онемелый
Коня заприметит — и может вздохнуть.

Царь Огненный Щит выпивает все росы,
И сушит дороги, и жжет он откосы,
И влага восходит к нему из морей.
Но конь его, с каждою каплею влаги,
Все больше в себе ощущает отваги,
Растет восьминогой громадой своей.

Растет, подвигаясь по Небу с Востока,
Мгновеньями вспыхнет огромное око,
И огненный бросит над миром излом.
Растет, надвигаясь, и странно темнеет,
Меняется в цвете, густеет, чернеет,
И чу, под копытами рушился гром.

Царь Огненный Щит, вознесясь до зенита,
Замедлил, подумал, и глянул сердито,
Он поднял коня на дыбы, и глядит.
Вот дернул за повод, и грянули громы,
Для жаждущих — вниз сорвались водоемы,
И вдвое светлее Царь Огненный Щит.

ОБЛАЧНЫЕ ДЕВЫ

В тучах есть леса, есть пашни и посевы,
Стройные, растут, восходят терема,
У янтарных окон Облачные Девы
Ткут, прядут, в их тканях — свет, в их пряже —
тьма.

Без конца прядут и ткут попеременно,
Любо Девам выткать самоцветный луг,
Море из опала, ширь, где влажность пенна,
Сеть сребристой грезы, золотистый круг.

Из воздушной влаги облачные горы,
Стебли из дождя, что вниз, не вверх растут.
Облачные Девы ткут всегда узоры,
Им в ответ Земля рождает изумруд.

ВЕЛЕС

Волос, Велес, бог пышных стад,
Бог изумрудностей в Апреле,
Прими — не грозовой раскат,
Текучесть льющихся рулад
Моей пастушеской свирели.

Бог мирных дней, Велес, Волос,
Уж в наших долах отшумели
Игранья первых громких гроз,
И стебли светлые овес
Поит росой под звук свирели.

Бог нежных трав, Волос, Велес,
Ты кроткий друг забав при деле,
Ты пращур мой, ты дух чудес.
Ты дед Баяна. Чу, как лес
Поет под звук моей свирели.

Бог сочных трав, Велес, Волос,
Твои луга не оскудели,

Звенит и светит сенокос,
Чу, сколько песен понеслось
В ответ на зов моей свирели.

Бог тучных нив, Волос, Велес,
В честь бога — жатвы подоспели,
И меж снопами, в честь Небес,
Куст ржи завитый не исчез,
Закрут воскрес, под звук свирели.

Чу, колокольчики звенят,
Нежней, чем гомон птиц в Апреле,
Стада идут с возами в ряд,
Волос, Велес, бог пышных стад,
Год спет. Домой, под зов свирели.

КОЛОС ВЕЛЕСА

Закрученный колос, в честь бога Велеса,
Висит украшеньем в избе, над окном.
На небе осеннем густеет завеса,
И Ночь в двоечасьи длиннеет пред Днем.

В том суточном нощно-денном двоевластьи
На убыль пошли чарования Дня.
И в Небе Велес, в этом зримом ненастьи,
Стада облаков умножает, гоня.

Но колос закручен. Кружение года
Уводит Велеса. Он в Небо ушел.
Он скрутит там тучи. Яснеет погода.
Вот, предки дохнули над мирностью сел.

Уж лед на реках не вполне достоверен,
Снега покрываются настом в ночах.
Ход Ночи и Дня в полноте равномерен,
Вновь сдвинут, — у Дня больше света в очах.

Тот свет отразится в подснежнике скоро,
Закрученный колос раскрутится вновь.
Бог нового хочет земного убора,
На выгон, к Велесу, земная любовь!

ПРАЗДНИК ЗЕЛЕНОЙ НЕДЕЛИ

Летницы, праздник Зеленой Недели.
Идите, идите, стада,
В простор изумруда, под звуки свирели,
Такими веселыми будьте всегда.
Мы хлебом и медом стада угощаем,
Венчаем нарядными лентами их,
Цветами, что грезят Апрелем и Маем,
Зелеными ветками их украшаем,
Велесу свирельный слагаем мы стих.
Ливни веселые в Небе созрели,
Стебли дождя от Небес до Земли.
Тучам — раскатности, нам же — свирели,
Нежное — близко, и грозность — вдали.
Травы, цветите, поют вам свирели,
Медом вам будет живая вода.
На выгон, на праздник Зеленой Недели,
Идите, идите, стада.

ПРАЗДНИК ЛАДЫ

Как различны мельканья красы
В вековом, нам шумящем, буруне!
У Литовцев был Праздник Росы,
        В изумрудном Июне.

У Поляков, у светлых Славян,
Так понявших красивость измены,
Крик кукушки мечтой был слиян
        С чарой вешней Живены.

Праздник Лады есть праздник любви,
А в Апреле веснянки поются,
Все, что хочешь, мечтой назови,
    Отголоски найдутся.

Праздник первых в лесу лепестков,
Праздник мартовский смерти Мораны,
Праздник выпавших за ночь снегов,
    Разны мысли и страны.

Есть и праздник танцующих ног,
Есть и праздник влюбленного взгляда.
Как мелькает он, твой башмачок,
    Как смеется нам Лада!

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Зима отъехала от нас,
Телега скрылась вдалеке.
Весна подходит. В добрый час.
Весна всегда ласкает нас.
И Лето едет в челноке.
Прощайте, снежности Зимы,
Бурлит и пенится разлив.
Из теста жаворонков мы
Печем, им клюв позолотив,
И крылья золотом покрыв.
Чтоб клюв по-солнечному был,
И к нам Весну поторопил,
Сусальным золотом крыло
Скорей Весну сюда влекло.
Еще мы круглый хлеб печем,
С хлеб-солью выйдем пред Теплом.
И стелем новый холст в полях,
Кладем пирог на тех холстах.
И обратившись на Восток,
Поем обрядовый намек: —
«Весна красна, Весна красна,

Приди к нам поскорей!
Гори, Любовь, приди, Весна,
К нам с милостью своей!
Будь Ладой к снам, усладой нам,
Побольше дай цветов!»
Весна идет, и нам поет:
«Уж луг цвести готов!»
«— Весна красна, Весна красна,
Березка нам нужна!»
Весна идет, и нам поет:
«— Уж липкий сок течет!»
«— Весна красна, Весна красна.
Красивы глазки льна!»
«— Я дам вам лен и коноплю».
Весна поет: «Люблю!»

МОРСКОЕ ЧУДО

Отправился Витязь к безвестностям стран,
По синему Морю, чрез влажный туман.
Плывет, развернулась пред ним бирюза,
Морская Пучина — кругом вся Глаза.

То Чудо струило дрожанье лучей,
И все состояло из уст и очей.
Глубинная бездна окружно зажглась,
Глядела несчетностью пляшущих глаз.

Глядела на Витязя зыбко-светло,
В руке у него задрожало весло.
Шептала устами, как Вечность, ему.
«Уж ехать ли?» Витязь подумал. «К чему?»

У Чуда Морского, куда ни взгляни,
Все очи, все очи, во взорах огни.
У Чуда Морского, в дрожании струй,
Все губы, все губы, везде поцелуй.

И Витязю стало так странно-светло,
И влага, скользнувши, умчала весло.
И дрогнули очи, и влажности губ
Так долго ласкали безжизненный труп.

МОРСКАЯ ПАНИ

Царевич Горошек, с глазами лукавыми,
Подпоясанный тонкими светлыми травами,
Мал, но силен, не спустит врагу.
Если хочет греметь, так уж верно прославится,
А когда он задумает чем позабавиться,
Сам себе говорит: Все могу.
Звездокудрый — Горошек, и знает он чары,
Вот однажды принес он цветные товары,
Разложил на морском берегу.
Много всякого: книжка Цветные Странички,
Из жемчужины рыбки, из золота птички,
И зеленые в том же числе черевички,
Все горит и играет огнем,
Засветилось в морском пеннотканом тумане,
Башмачками Морская прельстилася Пани,
Изловил ее, спрятал в свой дом.

Он в угоду красавицы бездны глубинной
Создал между утесов дворец паутинный,
И достал ей из Моря, со дна,
Все, чем бездна морская сильна: —
Жемчуга, драгоценные камни, кораллы,
И гирлянду морских расцветающих звезд,
И в блистающий полог он сплел ей кристаллы,
И от Моря к дворцу светлый выткал ей мост.
И пригнал, чтоб скакать, жеребца ей морского,
И двенадцать пригнал ей морских кобылиц.
Но не молвила Пани Морская ни слова,
В черевички обулась, потупилась ниц.
И бледнеет, и чахнет в томленьи бессонном,
И как Пани Морская — так Солнце вдали,
Раньше было оно на лазури червонным,

Побледнело, грустит, все цветы отцвели.
И Царевич пошел в тридесятое царство,
Он тревожные смело предпринял мытарства,
Чтобы только узнать, отчего
Было раньше все живо, а стало мертво.

Вот Царевич Горошек идет, и тоскует,
В тридесятом он царстве, где Солнце ночует,
Прямо к дому, — там солнцева Мать,
Посмотрела сперва на Горошка сердито,
«Спрячься», шепчет, «вот здесь, в золотое корыто,
Солнце будет, так я постараюсь узнать».
Вот и Солнце пришло по путям небосклонным.
«Что ты, дитятко? Прежде ты было червонным,
А теперь все бледнеешь, бледней, чем Луна,
Когда в четверти первой она».
И ответило Солнце: «Когда-то в тумане
Я встречало Морскую красивую Пани,
Посмотрю — покраснею сейчас,
Потому что красива бледнянка Морская,
И красива одежда на ней голубая,
И красив изумруд ее глаз.
Уж не вижу я Пани». Тут Солнце вздохнуло,
Закатилось, и в спальне предкрайной заснуло.
А Царевич Горошек домой,
И рассыпался громом, и выпустил Пани, —
И под утро, червонное, в алом тумане.
Солнце встало над бездной морской!

МАРИЯ МОРЕВНА

Мария Моревна, Мария Моревна,
Прекрасная ты королевна!
Дочь Моря ли ты? Ты богиня ли Лада?
Мария Моревна, услада!

Глаза твои светлы, глаза твои чудны,
Одежды твои изумрудны.

Зовут Ненаглядной тебя Красотою,
С косою твоей золотою.

Бессмертный Кощей на тебя покусился,
Похитил, с царевною скрылся.
Но Ветер и Град с дождебрызжущим громом
Упали над дьявольским домом.

Марии Моревне Кощей ли желанен?
Он змейно-уродливо-странен.
И Ворон, и Сокол, с Орлом, все на Змея.
Царевну спасли от Кощея.

Чу, Буря хохочет, чу, Гром как грохочет,
Весь мир без тебя быть не хочет.
Уж очень мы были бы темно-плачевны
Без нашей Марии Моревны.

Мария Моревна, Мария Моревна,
Прекрасная ты королевна!
Ты мир золотишь светоносностью взгляда,
Мария Моревна, услада!

БОГ ПОГОДА

Бог Погода, юный, малый,
В васильковом он венке,
У него румянец алый,
Перстень синий на руке.

Перстень синий, с бирюзою,
Крылья тонки мотылька,
Нежен цвет, перед грозою,
Василькового венка.

Голубой и серебристый
Развевается покров,
Весь он легкий, весь сквозистый,
Бог цветов и мотыльков.

Бог приятного покоя,
Шелестенья светлых трав,
Сладких отдыхов от зноя,
Прохладительных забав.

Есть иные, что серьезны,
Хмурят очи, жгут огнем,
Боги люты, боги грозны,
Те, что любят кров и гром.

Бог Погода жертв не хочет,
В храмах душно, мчится в лес,
Вон, с касаткой он хохочет,
С быстрой ласточкой исчез.

Богу юному, Погоде,
Все и дело что летать,
Промелькнуть на небосводе,
И земным с земными стать.

БЕРЕГИНЯ

Есть красивые старинные слова,
Их душа через столетия жива.
У Славян в почтеньи были берегини,
Это водные прибрежные богини.

Цвет морей и цвет затонов нежно-синь,
Взор глубок у синеглазых берегинь.
Голос их — как зов-напев волны прибрежной,
Завлекательный, ласкательный, и нежный.

Лебедь Белая, ведунья старых дней,
Берегинею была среди людей.
Витязь был, Поток Могучий, ею скован,
Белой Лебедью прибрежной зачарован.

Он в гробнице очутился — и с конем,
Змей пришел, палил и жег его огнем.

Змей не сжег его, он жил бы и доныне,
Да не так хотелось Белой Берегине.

Лебедь Белая любила быть одна
И глядеть, как голубеет глубина.
Люб ей был и день и два Поток Красивый,
«Будет», молвила с улыбкой горделивой.

И взмахнув крылами белыми над ним,
Обернула камнем витязя немым.
Спит Поток, застыл виденьем белоснежным,
Над затоном, над мерцаньем вод прибрежным.

В невеликом отдаленьи от него
Лебедь Белая, и все кругом мертво.
Но не мертвенно-мертво, а в смерти живо: —
Веще спит она, и в сне навек-красива.

БОГ ПОСВИСТ

Посвист, Посвист, с кем несешься,
Споришь, сердишься, шумишь?
Над осокою трясешься,
Над иссохшей, чахлой вьешься,
Шорох льешь в лесную тишь.

Сук зацепишь, сук застонет,
Можжевельник шелестит.
Хлыст незримый листья гонит.
Сумрак сосен свист хоронит.
Свист бессмертен. Чу, свистит.

В осень, в зиму, с снегом сивым,
С снегом чистым вступит в спор.
Летом, змей, грозится нивам:
Колос, колос, будь спесивым, —
Серп придет, и смят узор.

Расшаталася застреха,
Шепчет ветер, бьет, свистит.
Там, в овраге, стонет эхо,
Ближе, дальше, звуки смеха,
Посвист, Посвист шелестит.

ВОДЯНОЙ

Если ночью над рекою
Ты проходишь под Луной,
Если, темный, над рекою
Ты захвачен мглой ночной,
Не советуйся с тоскою,
Силен страшный Водяной.

Он душистые растенья
Возрастил на берегах,
Он вложил в свои растенья
Власть внушать пред жизнью страх,
Цепко сеять опьяненье
В затуманенных мечтах.

Сам сидит весь голый в тине,
В шапке, свитой из стеблей,
В скользком иле, в вязкой тине,
Манит странностью своей,
Но замкни свой слух кручине,
Тайный он советчик ей.

С изумленьем ты заметишь,
Что скользят твои шаги,
Если это ты заметишь,
Сам себе ты помоги,
В топях помощи не встретишь,
Здесь цветы и те враги.

Прочь скорей от Водяного,
Он удавит здесь в тиши,

Не смотри на Водяного,
И цветами не дыши,
Если с ним промолвишь слово,
Быстро вступишь в камыши.
И захваченный рекою,
И испорчен мглой ночной,
Той болотистой рекою,
Под ущербною Луной,
Ты поймешь с иной тоскою,
Как захватист Водяной.

БОЛОТНЯНИК

Страх детей и старых нянек,
Ведьмам кажущий язык,
Дух смешливый, болотняник,
А иначе водовик.

Если он кого встречает,
Он как кочка предстает,
Схватит за ногу, качает,
Чуть замедлишь, кончен счет.

Он лягушку не утопит,
Любит кваканье трясин,
Но под землю поторопит
Тех, чье имя — Божий сын.

Так тихонько, так без злобы
Заберет и засосет: —
Все — из матерней утробы,
Каждый в Землю-мать пойдет.

Что же медлить? Поскорее: —
Меньше путь — короче грех.
Встала кочка, зеленея,
Чу, под кочкой сжатый смех.

Чу, под кочкой чьи-то стоны,
Стерся в топи чей-то лик.
Болотняник, весь зеленый,
Утешает: Есть двойник!

ДОМОВОЙ

Неуловимым виденьем, неотрицаемым взором,
Он таится на плоскости стен,
Ночью в хозяйских строениях бродит дозором,
Тайностью веет, и волю свевает,
Умы забирает
В домовитый свой плен,
Сердцу внушает, что дома уютно,
Что вот эти часы так приятно стучат,
Что вне дома быть дурно, и прямо беспутно,
Что отраден очаг, хоть и связан с ним чад.
Расцвечает на старых обоях узоры,
Еле слышно на них пошептав.
За окном — там болота, там темные горы,
Не ходи. И колдуют бесстрастные взоры,
Так прозрачно глядят, как на птицу удав.
Задержал уходящего. Томно так стало.
Чтó отсюда идти? Всюду то же, одно.
Да и с вешалки шапка куда-то упала.
И в сенях так темно. И враждебностью смотрит окно.
Посиди на печи. Полежи. Или в сердце все порох?
Спи. Усни. Дышит жарко. Мерцает. И хочется спать.
В мире брошены мы. Кто-то спит.
Что-то есть. Чу, шуршит.
Наползающий шорох.
И невидимый кто-то к кому-то, кто зрим, подобрался, налег на кровать.
Между стен развивается дымное зрелище духа.
Что-то давит, — как будто мертвец, на минуту живой,
Ухватился за горло живого, и шепчет так глухо
О тяготах земных. Отойди, отойди, Домовой!

СОЛНЦЕ, ВЕТЕР, И МОРОЗ

Вот и мне узнать пришлось
Солнце, Ветер, и Мороз.

Шел дорогой я один,
Вижу: Солнце, Божий сын.

Вижу: Ветер, Божий брат,
И Мороз, идущий в Ад.

На дороге на одной
Трое все передо мной.

В пояс кланяюсь я им,
Трем могучим мировым.

Всем им поровну поклон,
Ветру вдвое, люб мне он.

Солнце в гневе на меня: —
«Ну, узнаешь власть огня.

Не захочешь и врагу.
Я сожгу тебя, я жгу».

Ветер молвил: — «Ничего.
Солнце жжет, смирим его.

В свежем духе жизнь моя.
Вею, вею, вею я».

«Солнце что!» сказал Мороз,
В белизне своих волос.

«Солнце слабо, силен лед.
Пострашней со мною счет».

Ветер молвил: «Ничего.
Жосток лед, смягчим его.

В вешнем духе жизнь моя.
Вею, вею, вею я».

Ветер Солнце укротил,
Пламень — только осветил.

Озарил, не сжег меня
Ток блестящего огня.

В Ветре кротким стал Мороз,
Маем быть ему пришлось.

Поворчал он, был он зол,
И как яблоня расцвел.

Ветер, Ветер, ты ведун,
С юным стар ты, с старым юн.

Колдовская — власть твоя,
Веешь ты — и светел я.

Ветер, Ветер, весь я твой,
Вешний я теперь с тобой.

Распознать мне довелось
Солнце, Ветер, и Мороз.

СКАЗКА РЕКЕ

Говорит нам старина,
Раньше, в радостях игры,
Днепр, Волга, и Двина
Были брат и две сестры.

Беден был отец у них,
Чуть родив, скончалась мать,
Дом был пуст, и дом был тих,
Вот, отправились гулять.

Побродила их мечта,
Походила далеко,
Все хотят найти места,
Чтоб разлипся широко.

Как-то раз среди болот
Ночевать они легли,
Брат уснул, во сне поет,
Сестры встали, потекли.

Сестры были похитрей,
И как длилась темнота,
Взяли в хитрости своей
Все отлогие места.

Брат проснулся поутру,
Серебрится ранний свет,
Кликнул старшую сестру,
Кликнул младшую, их нет.

Рассердился, дрогнул брат,
Шумный ток — как бег врага,
Струи пенные кипят,
Рвут крутые берега.

В буераки мечут гул
Силой гневностей своих,
Вот и Море, он вздохнул,
Он ровней пошел, утих.

В это время две сестры
Разбежались от него,
Были вместе до поры,
Будет розно торжество.

Оттого-то у Днепра
Рукавов, порогов рой,
И быстра его игра
Перед Волгой и Двиной!

ВЕСЕЛАЯ ЗАТВОРНИЦА

Чья в бурях перебранка?
Чей шопот? Зов листа?
Веселая Веснянка
Зимою заперта.

За тридевятым царством.
Ты ждешь ее лица?
Пойди, твоим мытарствам
Не будет и конца.

Издрогнешь по дороге,
Измерзнешь ты, и все ж
Ты в зимние чертоги
К Веснянке не придешь.

Она играет в прятки,
Замкнута, сломан ключ.
И только раз ей в Святки
Дают на праздник луч.

Дают ей чудо-санки,
И в замке, на дворе,
Позволено Веснянке
Согреть снега в игре.

Но что же, в самом деле,
Потерпим мы часок.
Ты слышишь вой метели?
В нем чей-то смех и скок.

В нем чьи-то прибаутки.
Мороз грозит: «Навек!»
Ну, нет, брат, это шутки,
Придут разливы рек.

Веснянка ожидает.
Мы тоже. Знаем лед.
Смотри в окно: Уж тает.
Веснянка к нам идет!

ЛЕС

1

Пробуждается с весною,
Переливною волною
Зеленеет на ветвях.
Отзовется гулким эхом,
Криком, гиканьем, и смехом
Для потехи будит страх.

Кружит, манит, и заводит,
В разных обликах проходит,
С каждым разное всегда.
Малой травкой — на опушке,
В старом боре — до верхушки,
Вона, вон где борода.

Лапти вывернул, и правый
Вместо левого, лукавый,
Усмехаясь, натянул.
То же сделал и с другою,
В лапоть скрытою, ногою,
И пошел по лесу гул.

То же сделал и с кафтаном,
И со смехом, словно пьяным,
Застегнул наоборот.
В разнополость нарядился,
В человечий лик вместился,
Как мужик идет, поет.

Лишь спроси его дорогу,
Уж помолишься ты Богу,
Уж походишь по лесам.
Тот же путь сто раз измеришь,
Твердо в Лешего поверишь,
Будешь верить старикам.

2

Гулко в зеленом лесу откликается,
В чащах темнеет, покуда смеркается,
Смотрит в сплетенных кустах.
Прячется, кажется, смутным видением
Где-то там, с шопотом, с хохотом, с пением,
С шорохом быстрым возникнет в листах.
Лапчатой елью от взора укроется,
Встанет, и в росте внезапно удвоится,
Вспрыгнет, и с треском обломится сук.
Вырос, с вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многих деревьях качается,
Тянется тысячью рук.
Вот отовсюду качанья и ропоты,
Тени, мигания, шорохи, шопоты,
Кто-то, кто долго был мертвым, воскрес.
Что-то, что было в беззвучном, в неясности,
Стало грозящим в своей многогласности, —
Лес!

3

Смотрит из тихих озер,
Манит в безгласную глубь,
Ветви сплетает в узор.
— Лес, приголубь!

Тянет войти в изумруд,
С пыльного манит пути,
В глушь, где деревья цветут.
— Лес, защити!

Шепчет несчетной листвой,
Морем зеленых пустынь.
— Лес, я такой же лесной,
Лес, не покинь!

ЛЕСНЫЕ ЦАРЬКИ

Кто, в проворстве твердый, мог
Собственной рукою,
Отойдя от всех дорог
Быстро взять, в заветный срок,
Звездный папорот-цветок,
Над глухой рекою, —
Перед тем, в глуши лесной,
Многое возникнет,
По-другому глубиной
Глянет весь простор речной,
Для него и зверь лесной
По-иному крикнет.

Тот, кто взять умел в свой срок
Звездный папорот-цветок,
На лесной дорожке,
На одной из тропок тех,
Где лесной змеится смех,
Где цветут цветы утех,
На лесной дорожке,
Заприметит огоньки,
Что мелькают вдоль реки,
Это светятся царьки
Золотые рожки.

Прямо он туда пойдет,
Где царьки лесные,
Вот, в подземный длинный ход
Царь царьков его ведет,
Вот, вошли в какой-то свод,
Стены расписные.
Ярче утренней зари,
И вечерней краше,
Что захочешь, все бери,
Но другим не говори,
Где резные чаши,
Где таятся янтари,
Где огни не наши.

Кто захочет, веря в стих,
Самоцветностей таких,
Пусть он зря не просит,
А сперва путей земных
Пусть он скуку бросит.
И походит вдоль реки,
Там где звездные цветки,
Близ лесной дорожки,
Что значеньем глубоки,
И придут к нему царьки
Золотые рожки.

ДИВЬИ ЖЕНЫ

Дивьи жены внушают нам страх.
Почему?
Вспоминаем ли саван при виде их белых рубах?
Пробуждает ли белый тот цвет в нашем сердце безвестную тьму?
Или людям встречать неуютно
В тенистых лесах
Не людей?
Человек с человеком, как с птицею птица, мелькают попутно,
Все удобно, знакомо, хоть встреть я разбойника между ветвей,
Знаю, как поступить:
Я слабей — быть убитым, сильнее — убить,
Или что-нибудь, как-нибудь, ну, уж я знаю, как быть.
Тут принять нам возможно решенье.
А вот как поступить, если встретишь ты дивью жену?
Чуть посмотришь на белое это виденье,
Вдруг тебя, непредвиденно, клонит ко сну,
И впадаешь в забвенье.
Ты заснул. Просыпаешься — лес уж другой.
На могилах неведомых ветлы верхушками машут,
Словно старой седою иссохшей рукой, —
Убеги, мол, скорей, убеги, убеги. Но видения белые пляшут.
И лучиной зажженною светят они,

И приходят, уходят, и бродят огни.
Убежать невозможно.
Дивьи жены сковали, хотя и не клали цепей.
Сердце бьется тревожно.
Разорвется, пожалуй. Беги, убеги поскорей.
Убежать невозможно.
Превратишься в березу, в траву, в можжевельник, в сосну.
Если вовремя ты заговор против них не вспомянешь,
Так в лесу, меж лесными, в лесной западне и застрянешь.
Не смотри, проходя меж деревьев, на дивью жену!

ПОЛУДНИЦЫ

Три полудницы-девицы
У лесной сошлись криницы,
Час полдневный в этот миг
Прозвенел им в ветках, в шутку,
И последнюю минутку
Уронил в лесной родник.

И одна из тех причудниц,
Светлокудрых дев-полудниц
Говорит меж двух сестер:
«Вот уж утро миновало,
А проказили мы мало.
Я с утра крутила сор,
Прах свивала по дорогам,
На утесе круторогом
Отдохнула — и опять,
Все крутила, все крутила,
Утомилась к полдню сила, —
После полдня что начать?»

И ответила другая:
«Я с утра ушла в поля,
Жили там серпы, сверкая,
Желтый колос шевеля,
Спелый колос подсекая.
Посмотрела я кругом,

На меже лежит ребенок,
Свит в какой-то тесный ком,
Сжат он в саван из пеленок.
Я догадлива была,
Я пеленки сорвала,
Крик раздался, был он звонок,
Но душа была светла,
Я ребенка унесла,
И по воздуху носила.
Утомилась к полдню сила,
А ребенок стал лесным, —
Что теперь мне делать с ним?»

И последняя сказала:
«Что ж, начните то ж сначала, —
Ты крути дорожный прах,
Ты, ребенка взяв от нивы,
Закрути его в извивы,
И качай в глухих лесах».
«— Ну, а ты что?» — «Я глядела,
Как в воде заря блестела,
Вдруг послышались шаги,
Я скорее в глубь криницы:
Для полудницы-девицы
Люди — скучные враги.
Я в кринице колдовала,
Я рождала зыбь опала,
Я глядела вверх со дна,
И глядели чьи-то очи,
Путь меж нас был все короче,
Чаровала глубина,
Чаровала, колдовала,
И душа позабывала
О намеченном пути,
Кто-то верхний позабылся,
Здесь, в глубинах очутился,
Я давай цветы плести,
Горло нежное сдавила,
Утомилась к полдню сила,
Вверх дорогу не найти.
Я же здесь».

И три девицы,
У лесной глухой криницы,
Смотрят, смотрят, зыбок взор.
Ждут, и вот прошла минутка,
Вновь звенит мгновений шутка,
Вне предельностей рассудка: —
«Сестры! Дальше! На простор!»

ЛЕСУНКИ

Кто играет на опушке?
Чей там звонкий слышен сон?
Тонкий, тонкий, как в игрушке,
Говорит хрустальный звон.

Чьи там маленькие струнки
Преисполнены чудес?
Это нежные лесунки
Веселят полдневный лес.

Вон, в одежде паутинной,
Вместе две, и порознь три,
Волос светлый, волос длинный,
И в венках они, смотри.

Вон, еще, семья другая,
Порознь три, и вместе две,
Пляшут, в зелени мелькая.
Нет следов от них в траве.

Бриллиант роняют в дрему.
В белый ландыш, в василек,
Освежают их истому,
Расцвечают лепесток.

Вольных бабочек венчают
В беззаконной их любви,
Стебли тонкие качают,
Говорят всему: Живи.

И лесные щебетуньи
Им поют свой птичий стих,
Эти малые колдуньи
Сестры им в забавах их.

В гуслях сказочные струнки
Теребит зеленый жук,
Пляшут стройные лесунки,
Долго длится тонкий звук.

ВОДНАЯ ПАННА

Что это, голубь воркует?
Ключ ли журчит неустанно?
Нет, это плачет, тоскует
        Водная панна.

Что на лугу там белеет,
Светится лунно и странно?
Это туманы лелеет
        Водная панна.

Что это в мельницу бьется,
Жернов крутит первозданно?
Это хохочет, смеется
        Водная панна.

Плакала, больше не хочет
Плакать так струнно-обманно,
В мельничных брызгах хохочет
        Водная панна.

Кто-то ходил на откосах,
С ним она вьется слиянно.
Нежится в мельничных росах
        Водная панна.

Возле крутого обрыва
Тайна царит невозбранно.
О, как бледна и красива
        Водная панна!

ОГНЕННЫЙ ДУХ

Кто вдаль идет пред нами?
Черный весь, он светит ало.
Дух с двенадцатью глазами,
Дух, зовущийся Ховала.

Он еще зовется Вием,
Он еще зовется Тучей,
Он ползет по Небу змием,
Он роняет след горючий.

Растянувшись от Востока,
В дымный Запад он упрется,
И широко, и далеко
Он грозится, он смеется.

Искривленно он хохочет,
Кровли хижин зажигая.
И грохочет, и не хочет
Сгинуть в смерти сила злая.

Вот, прошло. Змея убита.
Но над нами Небесами
Вечно скрыт, и дышит скрыто
Дух с двенадцатью глазами.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят Смерть и Страх,
И не доходят великаны, —

На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.

Там камни ценные цветут,
Там все в цветеньи вечно-юном,
Там птицы райские живут,
Волшебный Сирин с Гамаюном.

И если слышим мы во сне
Напев, который многолирен,
В тот час, в блаженной той стране,
Поет о счастьи светлый Сирин.

И если звоном нежных струн
Ты убаюкан, засыпая,
Так это птица Гамаюн
Поет в безвестном, голубая.

ПТИЦЫ ЧЕРНОБОГА

Ворон, Филин, и Сова,
Слуги Чернобога,
Ваша слава век жива,
С вами вещие слова,
Тайная дорога.

Тот, кто Ворона видал,
Знает силу мрака,
Ворон к Одину летал,
В вечный он глядел кристалл,
Принял тайну знака.

Тот, кто с Филином побыл,
Знает тайну гроба,
Филин — вещий страх могил,
Знает, сколько скрыла сил
Тайная утроба.

Кто беседовал с Совой,
Знает силу Ночи,
Знает, как в реке живой

К полосе береговой
Сделать путь короче.

Ворон, Филин, и Сова
Птицы Чернобога,
Но у темных мысль жива,
В их зрачках горят слова,
О, горит их много.

ВОРОН

Ворон и дуб,
Ворон с клювом железным,
Ворон, пьющий горячую кровь, и клюющий остывший труп,
Ворон, знающий речь человека,
И доныне, от века,
Не забывший, как судьбы разведать по рунам надзвездным,
Ворон, вещая птица Славян,
Вестник Одина, зрящий, как в мире
Расстилается сумрак ночной, каждый день простирается шире, —
Говоришь ли ты карканьем нам о погибели солнечных стран?
Ворон, дом твой есть дуб,
Вековой,
Что в раскатах громов,
Возрожденно-живой,
Зеленеет,
И хоть карканьем ты возвещаешь, что в сумерки светлых Богов,
Между пепельно-дымных, зажженных пожарами дней, облаков,
Волк явиться посмеет
И оскалит на Светлых прожорливый зуб, —
Ворон, Ворон, твой дуб,
Говорит, что за сумраком новое Солнце восходит,
И под карканье рун вся дубрава живет,
И уж новые зори наш Бальдер, наш Бальдер выводит,
Мы с Воскресшим воскресли, и пляшем, сплетясь в хоровод.

СОВА

Сова, кто смотрел в твое круглое желтое око,
Тот знает великую тайну чудес.
Не царила ли ты в Небесах? В их провалах немых, там,
высоко,
В бездонностях синих доныне твой знак не исчез.
Кто в полночь читал под ущербной Луною
Пожелтевшую летопись дней,
Тот меня понимает без слов, и сейчас он со мною,
Над одной мы строкою,
В песне моей,
В струне мы одной, что во славу Вселенной бряцает.

О, мудрая птица, чей взор темноту проницает,
В ночи, где дневные не видят ни зги,
Ты сидела на страшной избушке Яги,
Ты глядела в глаза благородной Афины,
Ты была за плечами у всех колдунов,
Ты крылом прорезаешь ночные Долины,
Навевая виденья вещательных снов
На ведовские стебли полночных цветов,
От которых приняв дуновение, мрак
Нашим снам сообщает твой знак, —
Я знаю, когда-нибудь в безднах, далеко,
Погаснет Светило кружащихся дней,
Но в новых ночах первозданных, в смешении тьмы и огней,
Пред творчеством новым зажжется, сквозь Хаос, безмерное
желтое око.

ПТИЦА СИРИН

Птица Сирин на Море живет,
На утесе цветном,
На скалистом уступе, над вечной изменностью вод,
Начинающих с шопота волю свою, и ее возносящих
как гром.
Птица Сирин на Море живет,

Над глубокой водой,
Птица Сирин так сладко поет,
Чуть завидит корабль, зачарует мечтой золотой,
На плывущих наводит забвенье и сон,
Распинает корабль на подводных камнях,
Утопают пловцы в расцвеченных волнах,
Услаждается музыкой весь небосклон,
Звуки смеха со всех возрастают сторон.
Беспощадна Любовь с Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поет,
Над пустыней седой кто-то есть молодой,
Кто струну озарит — и порвет.
Птица Сирин на Море живет,
Над глубокой водой.

ПТИЦА СТРАТИМ

Есть много птиц, красивых, сильных,
Проворных, злых, любвеобильных,
Не умеряющих свой пыл,
Цветистых в ярком опереньи,
Прекрасных в беге, в лете, в пеньи,
В двойном размахе вольных крыл.

Есть много птиц, и плещет слава
Орла, и финикса, ксалава,
Молва о них — как светлый дым,
И древен ворон в снах богатых,
Но всех прекрасней меж крылатых
Всемирно-грезящий Стратим.

Он неземной, он вечно в Море,
От края к краю, на просторе,
Простер он в мире два крыла,
И чуть он в полночь встрепенется,
Весь Океан восколыхнется,
Познав, что вновь Заря светла.

НА КАМНЕ СОЛНЦЕВОМ

На Камне солнцевом сидит Заря-Девица,
Она — улыбчивая птица,
В сияньи розовом широко-длинных крыл,
На Камне солнцевом, он — амулет всех сил.
Светло-раскидисты сияющие крылья,
Пушинки, перушки до Моря достают,
Все Небо — ток огня, все облака поют
От их цветного изобилья,
От них румянится и нищенский приют.
Улыбчивым лицом будя людские лица,
Сияньем розовым развеселив весь мир,
На Камне солнцевом побыв, Заря-Девица
Уходит за моря — к другим — и тот же пир.

СВЕТОВИТ

Мне снится древняя Аркона,
Славянский храм,
Пылают дали небосклона,
Есть час громам.

Я вижу призрак Световита,
Меж облаков,
Кругом него святая свита
Родных Богов.

Он на коне, и слишком знает
Восторг погонь,
О, вихри молний нагоняет
Тот белый конь.

Он бросил алую Аркону,
Туман завес,
И льнет к нетронутому лону,
К степям Небес.

Он позабыл священность красных
Заклятых стен,
Для свежей радости неясных
Измен, измен.

И рог с вином им брошен в храме
И брошен лук,
И с ним несется небесами
Громовый звук.

Славянский мир объят пожаром,
Душа горит.
К каким ты нас уводишь чарам,
Бог Световит?

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ
Семицветник
Книга IV

ЦВЕТНЫЕ ТКАНИ

ОЧЕРТАНИЯ СНОВ

МГНОВЕНЬЯ СЛИЯНИЯ

ПРОКЛЯТИЯ

БЕЗРАДОСТНОСТЬ

ПРИБЛИЖЕНИЯ

МИРОВОЕ КОЛЬЦО

ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ

Стихийные гимны

Книга V

ПРАЗДНИК СЕРДЦА

КРУЖЕВНЫЕ УЗОРЫ

ЧЕРНАЯ ОПРАВА

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ. ЗЛЫЕ ЧАРЫ
Книга VI

ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ

ЗЛЫЕ ЧАРЫ

ОТСВЕТЫ РАКОВИН

ЖАР-ПТИЦА

Свирель славянина

Книга VII

ВОРОЖБА

ЗЫБИ ГЛУБИННЫЕ

ЖИВАЯ ВОДА

ТЕНИ БОГОВ СВЕТЛОГЛАЗЫХ

Константин Дмитриевич
Бальмонт

Собрание сочинений в семи томах
ТОМ ВТОРОЙ

Редактор *А. Полбенникова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Корректор *Н. Иванова*
Компьютерная верстка *А. Павлов*

Подписано в печать 12.01.10 г.
Формат 84 ×108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 23,65.
Заказ № 0925280.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Литературное
приложение

www.terra.su

ISBN 978-5-904656-84-3

